

ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

2/2023

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.

Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домашенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиушенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University

Series D: Philology and Psychology”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhanyan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domašenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliušenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел:** +38 062 302-92-33. **E-mail:** vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru. **URL:** <http://donnu.ru/vestnikD>.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Протокол № 6 от 30.06.2023 г.

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д: Филология и
психология

№ 2/2023

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

- Ветрова Э. С.* Аксиологическая структура инаугурационных речей В. Путина и Д. Байдена 3
- Кораблев А. А.* Филология Данте Алигьери (письмо к Кангранде делла Скала) 11
- Соснина Л. В.* Бахуврихи в разноструктурных языках 18
- Теркулов В. И.* История донецких астионимов 28
- Артамонова И. М., Антоненко Ц. А.* Структурные трансформации информационного пространства современного Донбасса 47
- Блохина Я. А.* Диалогические жанры в детских журналах «Пионер» и «Костёр» 1970-1980-х годов 56
- Блюмина О. В.* Образ войны в творчестве Николая Тряпкина 65
- Лешкова Н. В.* Дискурсивный аспект изучения религиозной лексики 76
- Митина Е. А.* Тема Священной войны в поэме Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» 86
- Ладнова Е. В.* Репрезентация фитоморфного и зооморфного кодов культуры в топонимике Большого Донбасса 96
- Христенко К. М.* Смысловой дискурс когнитивных войн: от социальной осцилляции к эмоциональным разностям (на примере медиаосвещения украинского конфликта) 106
- Чайка О. С.* Система образов в документальном военном кино: цели, задачи, специфика взаимодействия 115

Психология

- Безродный В. И.* Экспериментальная установка для моделирования работы в обычных и потенциально опасных условиях 123
- Вильдгрубе С. А., Rogozina M. Ю.* Психологические особенности личности с сердечно-сосудистой патологией 131
- Правила для авторов 146

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology and
Psychology**

No 2/2023

CONTENTS

Philology

<i>Vetrova E.S.</i> Axiological structure of inaugural speeches by V. Putin and J. Biden	3
<i>Korablev A.A.</i> Philology of Dante Alighieri (letter to Cangrande della Scala)	11
<i>Sosnina L.V.</i> Bahuvrihi in languages with different structure	18
<i>Terkulov V.I.</i> History of Donetsk astionyms	28
<i>Artamonova I.M., Antonenko T.A.</i> Structural transformations of information space in present-day Donbass	47
<i>Blokhina Y.A.</i> Dialogical genres in children's magazines "Pioneer" and "Koster" of the 1970-1980s	56
<i>Blyumina O.V.</i> Image of war in works by Nikolay Tryapkin	65
<i>Leshkova N.V.</i> Religious vocabulary: discourse aspect of study	76
<i>Mitina E.A.</i> Theme of Holy war in the poem "The Miner's Daughter" by Anna Revyakina	86
<i>Ladnova E.V.</i> Phytomorphic and zoomorphic culture codes in godonyms of the Great Donbass	96
<i>Khristenko K.M.</i> Semantic discourse of cognitive wars: from social oscillation to emotional differences (on the example of media coverage of the Ukrainian conflict)	106
<i>Chayka O.S.</i> System of images in military documentaries: goals, objectives, specifics of interaction	115

Psychology

<i>Bezrodny V.I.</i> Experimental setup for simulating work in conventional	123
<i>Wildgrube S.A., Rogozina M.Yu.</i> Psychological characteristics of individuals with cardiovascular pathology	131
Guidelines for authors	146

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'42

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ИНАУГУРАЦИОННЫХ РЕЧЕЙ В. ПУТИНА И Д. БАЙДЕНА

© 2023 Э.С. Ветрова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье анализируется аксиологическая структура инаугурационных выступлений В. Путина и Д. Байдена. Посредством контент-анализа в исследуемых текстах выявлены наиболее частотные лексемы, выступающие маркерами тех или иных ценностных категорий и систем. Установлено, что к наиболее приоритетным в речах обоих президентов относятся такие социально-политические ценностные категории, как патриотизм, национальная идентичность, единство, восприятие и языковая реализация которых имеет национально обусловленный характер.

Ключевые слова: инаугурационная речь, аксиологическая структура, ценностные категории, контент-анализ.

Введение. Современный этап развития лингвистики характеризуется повышенным интересом к аксиологической проблематике (см., например, работы: Н.Д. Арутюнова [1], Е.М. Вольф [2], Т.В. Зенкова [3], В.В. Квашина [4], А.А. Моисеева [5], Е.Н. Овчаренко [6], Т.Б. Радбиль [7], Е.Ф. Серебрянникова [8] и др.). Аксиология, которая до недавнего времени не имела самостоятельного статуса, сегодня становится неотъемлемой частью гуманитарного знания, проливающей свет на многие вопросы, связанные с определением ценностных приоритетов в новой, интенсивно развивающейся и стремительно меняющейся реальности. Ценностные ориентации, регулирующие жизнедеятельность человека и его отношение к окружающему миру, являются в настоящее время самым изучаемым во многих гуманитарных науках объектом, познание и комплексное описание которого позволит определить направленность и динамику тех сложных и противоречивых социальных, политических, лингвокультурных процессов, которые происходят в современном обществе. Сегодня очевидно, что в ходе познания окружающего мира человек определяет свое отношение к нему, так или иначе оценивая различные события, явления, факты, что находит непосредственное отражение в языке. Анализ ценностных приоритетов, закодированных в текстах различных стилей и жанров, открывает путь к познанию феномена языкового сознания, к реконструкции ценностной картины мира этноса и к формированию на этой основе механизмов, способных обеспечить гармоничное, бесконфликтное взаимодействие языков и культур в современной многополярной действительности.

Большим аксиологическим потенциалом обладает политическая коммуникация, главная цель которой – борьба за власть, формирование в сознании людей убеждений, соответствующих интересам конкретных политических субъектов, эмотивное воздействие на адресата, побуждение его к политически «правильным» решениям [9]. Реализация данных задач осуществляется не только посредством использования различных коммуникативных стратегий и тактик, но и путем целенаправленного аксиологического моделирования освещаемой реальности – актуализации в текстах различных жанров определенных ценностных ориентиров (социальных, политических,

духовных и др.), занимающих на момент коммуникации приоритетные позиции в жизни того или иного общества.

Цель данного исследования – изучение аксиологической структуры инаугурационных речей двух политических лидеров – В. Путина и Д. Байдена, выявление сходств и различий в моделировании аксиологического пространства в выступлениях российского и американского президентов.

Основная часть. Инаугурационная речь, которая представляет собой первое официальное обращение новоизбранного президента к своим согражданам, является одним из основных идеологических инструментов политической коммуникации. Данный жанр имеет следующие особенности: высокая степень ритуализованности, торжественный стиль, декларативность, образность, акцентирование внимания на уже известных аудитории фактах, обращение к таким универсальным микротемам, как: осмысление будущего страны в контексте настоящего, обращение к прошлому как источнику традиционных ценностей нации, призыв к единству и обновлению для достижения поставленных целей и др. Отсутствие новой информации переключает внимание адресата с содержания речи на сам факт ее произнесения – таким образом, слово президента приравнивается к важному политическому действию, т.е. выполняет перформативную функцию.

Под аксиологической структурой инаугурационной речи в данном исследовании понимается вербализованная посредством разноуровневых языковых единиц система ценностей, выстроенная по определенному ценностно маркированному сценарию в соответствии с целевой установкой текста, а также аксиологическими ориентирами автора и адресата [9]. Несмотря на то, что инаугурационная речь монологична, и личность лидера нации в ней играет важную роль, она транслирует общезначимые для нации ценности.

В качестве механизма, позволившего выявить и системно описать аксиологический потенциал изучаемых текстов, в данном исследовании был использован контент-анализ, в рамках которого осуществлялся подсчет частоты использования различных языковых единиц для определения качественного, в том числе латентного их ценностного содержания.

В результате исследования установлено, что инаугурационные речи В. Путина и Д. Байдена имеют общий риторический настрой и представляют собой эмоциональные рассуждения политиков о прошлом, настоящем, и будущем своего государства, об условиях, способных изменить ситуацию к лучшему, о факторах, способствующих построению новой национальной идентичности. Вместе с тем, сами представления о судьбе страны, вербализованные посредством различных языковых единиц, а также заложенные в них ценностные ориентиры имеют национально маркированный характер.

В первую очередь следует отметить, что инаугурационная речь Д. Байдена практически вдвое длиннее (на 1116 слов), чем выступление В. Путина, что обусловлено не большей ее информативностью и большим объемом транслируемых смыслов, а использованием более сложного и неоднородного арсенала языковых средств, многоярусной системы их стилистической организации. Речь президента США насыщена многочисленными интенсификаторами, лексико-синтаксическими повторами широкими синонимическими рядами, что повышает степень ее патетичности и эмоциональности. Речь президента России характеризуется цельностью, смысловой емкостью, она лаконичнее и менее пафосна.

В результате количественного анализа была установлена частота употребления в исследуемом языковом материале различных лексико-грамматических классов слов, которые, с одной стороны, представляют формальный уровень организации текстов, с другой стороны, являются языковым воплощением процесса категоризации окружающего мира и актуальными маркерами ценностных ориентиров, транслируемых политиками. Объектом научного анализа стали самостоятельные части речи, поскольку именно они являются носителями ценностных и оценочных смыслов.

Как показал анализ фактического материала, в инаугурационных речах В. Путина и Д. Байдена преобладают имена существительные (28,6 и 33,5% от общего количества слов соответственно). Это обусловлено тем, что существительные выражают предметное значение, без которого невозможно выражение мысли, поэтому их активное использование является обязательным условием любой речевой деятельности. Особенно это касается такого жанра речи, как публичное выступление, где существительные выполняют функцию ключевых слов, на которые «наводится» основной смысл текста. Кроме того, в анализируемых инаугурационных речах существительные выполняют не только информативную, но и аксиологическую функцию, выступая индикаторами определенных ценностных категорий. Носителями различных ценностных смыслов являются в первую очередь существительные с высокими показателями частотности: многократное повторение одной и той же лексемы снижает восприятие ее содержательной стороны, оказывает суггестивное воздействие на подсознание человека и способствует формированию соответствующей аксиологической оценки высказывания.

Сравним два отрывка из речей российского и американского президентов, относящиеся к инициальной части их выступлений.

Д. Байден:

*This is America's day. This is **democracy's** day. A day of history and hope. Of renewal and resolve. Through a crucible for the ages **America** has been tested anew and **America** has risen to the challenge. Today, we celebrate the triumph not of a candidate, but of a cause, the cause of **democracy**. The **will of the people** has been heard and the **will of the people** has been heeded. We have learned again that **democracy** is precious. **Democracy** is fragile. And at this hour, my friends, **democracy** has prevailed.* «Это день демократии. День истории, надежды на обновление и решимости в горниле беспрецедентных испытаний. Америка столкнулась с новым вызовом и ответила на него. Сегодня мы празднуем триумф не кандидата, а дела – дела демократии. Народ и воля народа были услышаны, и воля народа была осуществлена. Мы вновь узнали ценность демократии и ее хрупкость. Сейчас, мои друзья, демократия победила».

В. Путин:

*От всего сердца благодарю **граждан России** за вашу **сплоченность**, за веру в то, что мы можем многое **изменить к лучшему**. Еще раз хочу сказать спасибо – спасибо за тот уровень искренней **поддержки**, который вы, **граждане России**, оказали мне на выборах президента **нашей страны**. Считаю его огромным политическим капиталом и **надёжной моральной опорой**. В этой **поддержке** – вера и надежда на то, что **Россия** и дальше будет укреплять свое могущество, а люди **будут жить лучше**. Такая **поддержка** важна и для отстаивания наших позиций на международной арене, и для решительных действий ради глубоких **позитивных перемен** внутри страны.*

Уже в первых фразах обоих президентов четко определяются ценностные приоритеты, на которые они планируют ориентироваться, определяя политический курс своего государства. В речи Д. Байдена это *Америка, демократия, воля народа*, в

речи В. Путина – *граждане России, единство (сплоченность, поддержка), позитивные перемены*. Данные слова в речах президентов образуют своеобразный костяк ценностных смыслов, сквозь призму которых воспринимается содержание всего выступления.

Второе место по частотности в речах российского и американского президентов занимают глаголы и модальные формы (12 % и 21% соответственно). При этом в речи В. Путина преобладает модальность долженствования, которая указывает на насущную необходимость совершения определенных действий, побуждает к принятию важных решений: *мы должны, Россия должна быть готова..., должны будем добиться..., необходимо принять решения..., нам нужны..., нам предстоит...* и т.д. Данные словосочетания характеризуют российского президента как уверенного в себе человека, занимающего властную позицию и имеющего четкий план действий. На это указывают и формы: *считаю своим долгом..., я верю, я глубоко убежден, я сделаю все, чтобы...* и др., которые обладают большим воздействующим потенциалом и придают речи еще большей достоверности и убедительности.

Активное использование в речи В. Путина глаголов будущего времени совершенного вида связано с необходимостью обозначить ближайшие перспективы для российского государства: *мы обязательно достигнем..., добьемся успеха..., реализуем масштабные планы* и др.

Следует отметить, что средняя частота употребления глаголов в речи Д. Байдена выше, чем в речи В. Путина, что делает речь американского президента более динамичной. Это является следствием того, что В. Путин часто заменяет глаголы отглагольными существительными, семантика которых направлена на обозначение процесса или результата действия, выражаемого глаголом. Такие формы способны передать большую семантическую нагрузку, объединяя в себе как прежнее состояние, так и результат того или иного процесса. Например: *сбережение и продолжение нашего великого народа, служение людям, поддержка, отстаивание наших позиций, технический прорыв, повышение конкурентоспособности, условия для созидания и развития* и др. Данные языковые единицы выражают абстрактные понятия, позволяющие сформировать и описать некую идею или концепцию.

Речь Дж. Байдена насыщена различными призывами, которые реализуются с помощью модальных форм: *Let us, we will need, we must, we can do this*. Примечательно, что в речи президента США в плане частоты использования модальность долженствования (*we must*) существенно уступает модальности возможности (*we can*), что можно объяснить намерением оказать воздействие на массового адресата с целью внушения ему определенных ценностных ориентиров и изменения сознания. Такими ценностными ориентирами является, в частности, идея американской исключительности («мы можем», «мы лучшие» и т.д.), последовательно закладываемой в сознание американских граждан. Уверенность в себе, в своих умственных и физических возможностях – залог успеха на пути к победе, а победа – основополагающий признак внешнеполитического сознания американцев. Например: *We can right wrongs. We can put people to work in good jobs. We can teach our children in safe schools. We can overcome this deadly virus. We can reward work, rebuild the middle class, and make health care secure for all. We can deliver racial justice. We can make America, once again, the leading force for good in the world.* «Мы можем исправить ошибки. Мы можем предоставить людям хорошие рабочие места. Мы можем обучать наших детей в безопасных школах. Мы можем победить этот смертельный вирус. Мы можем вознаграждать труд, восстановить средний класс и сделать здравоохранение

безопасным для всех. Мы можем добиться расовой справедливости. Мы можем снова сделать Америку ведущей силой добра в мире'. В данном примере используется лексико-синтаксический повтор (излюбленный прием американских политических лидеров), который выполняет в первую очередь суггестивную функцию, воздействуя на сознание массового адресата и побуждая его к принятию определенных ценностных установок.

Третье место по частоте употребления в выступлениях В. Путина и Д. Байдена занимают прилагательные (22% и 16% соответственно), с помощью которых осуществляется качественная оценка реалий внешнего и внутреннего мира. Многочисленные примеры оценочного изображения свойств и признаков реалий окружающей действительности с помощью прилагательных демонстрирует речь Д. Байдена: *We look ahead in our **uniquely American** way – **restless, bold, optimistic** – and set our sights on the nation we know we can be and we must be.* 'Когда мы смотрим вперед в нашей уникальной американской манере – неутомимые, отважные, оптимистичные – мы видим страну, которой можем и должны быть'. В данном примере с помощью прилагательных подчеркиваются типичные черты американского национального характера: ориентация на достижения результата, стремление к победе, «позитивное мышление», смелость. Идею американской уникальности транслируют и разнообразные метафорические эпитеты, насыщенные различными экспрессивными оттенками, способствующие созданию торжественного настроения и достижения желаемой реакции со стороны адресата: *hallowed ground* 'священная земля', *great nation* 'великая нация'.

В инаугурационной речи В. Путина прилагательные встречаются чаще, однако это преимущественно эпитеты с предметно-логическим значением, реализующие не только эстетическую, но в первую очередь информационную функцию. Например, для оценки будущего российского государства российский президент использует эпитеты: *современное, динамичное, свободное, сильное, дееспособное, активное, влиятельное; решительные действия, глубокие позитивные перемены* и др., которые сужают объем понятия и тем самым способствуют конкретизации значения, выраженного существительным.

Следует отметить, что в инаугурационных речах обоих президентов актуализируются различные виды ценностей: социально-политические; духовные; морально-этические, которые выступают имманентными регуляторами поведения субъекта. Каждая из данных ценностных систем представлена определенными категориями, например: *свобода, равноправие, демократия* (политика), *честь, достоинство, правда* (морально-этическая сфера) и др., индикаторами которых в свою очередь выступают соответствующие слова (словоформы) и их сочетания. Совокупность всех ценностных категорий и их индикаторов образует ценностную категориальную сетку – своеобразную призму, через которую воспринимается содержание исследуемого информационного источника.

В результате сплошного обследования сопоставляемых текстов были определены наиболее частотные слова (в совокупности их словоформ) в речах обоих президентов, выступающие носителями ценностных смыслов. Так, в речи В. Путина самыми употребляемыми являются лексемы, вербализующие такие ценностные категории, как любовь к Родине и национальная идентичность – осознание человеком своей принадлежности к определенной этнической группе / нации, членов которой объединяют общие цели и установки, системы ценностей и нравственные императивы. [10, с. 94]. В речи российского президента данные ценностные категории реализуются с

помощью лексемы *Россия* и ее синонимов (всего зафиксировано 38 словоупотреблений): *Россия* (18), *страна* (10), *Отечество* (6), *Отчизна* (1), *Родина* (1), *государство* (2).

Семантическим центром речи Дж. Байдена являются лексемы *Америка* (22) и ее синонимы – *The United States of America, our republic, this sacred land, (great, our) country* и др. (всего 28 словоупотреблений), а также лексемы *unity* (11), *democracy* (15), которые вербализуют ключевые ценностные категории американского национального сознания.

Очевидно, что понятие «национальная идентичность» является приоритетным в речах обоих политических лидеров, однако его восприятие американцами и россиянами различается. В американской политической традиции национальная идентичность ассоциируется с автономностью и индивидуальностью независимо от мирового социально-политического контекста (противоположная ситуация рассматривается как «кризис идентичности»), в российском политическом пространстве, наоборот, наблюдается зависимость индивидуальных качеств от распределения социально-политических ролей в мире. Эти различные ориентации проявляются как на уровне ценностных представлений, так и на языковом уровне. Так, в речи Д. Байдена транслируется уже упомянутая выше идея американской исключительности, которая часто имеет религиозную окраску и тесно связана с идеей Божьего благословения. Например, в конце своей инаугурационной речи американский президент провозглашает: *My fellow Americans, I close today where I began, with a sacred oath. Before God and all of you I give you my word. ‘Мои сограждане, я завершаю тем, с чего начал, – священной клятвой перед Богом и всеми вами’. May God bless America and may God protect our troops. ‘Да благословит Бог Америку и защитит наши войска’.* Примечательно, что Д. Байден призывает Бога благословить армию. Это свидетельствует о том, что добиваться желаемого результата политик намерен исключительно силой оружия. Таким образом, можно утверждать, что в основе американской идентичности лежит фанатическая вера в себя, в свое особое предназначение в этом мире, которая сформировалась путем постоянного и целенаправленного внушения.

Речь В. Путина лишена мессианства и транслирует совершенно иные ценности, в частности равноправие и взаимовыгодное сотрудничество: *Мы выступаем за равноправное и взаимовыгодное сотрудничество со всеми государствами в интересах мира и стабильности на нашей планете.* При этом апелляция к Богу отсутствует – все зависит от самих российских граждан: *ведущая сила преобразований – это все мы, граждане России.* Залог успеха – в напряженной работе, которая *«потребует участия всего российского общества, деятельного вклада каждого из нас, всех ответственных политических и гражданских сил, объединенных искренней заботой о России».*

В речах обоих президентов звучит призыв к единству нации (политическому и духовному), которое является необходимым условием преодоления экономического, политического и духовного кризиса. Маркерами данных ценностных категорий при этом выступают лексемы с семантикой солидаризации: русск. *мы, наш, каждый из нас, вместе, единство, целостность, солидарность, сплоченность, команда, объединить*; англ. *we, our, each of us, all of us, together, uniting, unity, union.* Например:

В речи **В. Путина:**

(1) *Убеден, что и сегодня мы добьемся прорыва, ведь мы одна мощная команда, которой по плечу любые, даже самые сложные задачи.*

(2) *Объединив усилия всех, кто радеет за страну, за ее будущее, мы обязательно достигнем наших целей.*

В речи Дж. Байдена:

(1) *Today, on this January day, my whole soul is in this. **Bringing America together. Uniting** our people. And **uniting** our nation. I ask every American **to join** me in this cause. **Uniting** to fight the common foes we face.* ‘Сегодня, в этот январский день, вся моя душа в этом. Объединим Америку. Объединим наш народ. И объединим нашу нацию. Я прошу каждого американца присоединиться ко мне в этом деле. Объединимся для борьбы с общими врагами, с которыми мы сталкиваемся’.

(2) *But the American story depends not on any one of us, not on some of us, but on **all of us**. On “We the People” who seek a more perfect **Union**.* ‘Но история Америки зависит не от кого-либо одного из нас, не от некоторых из нас, а от нас всех, от нас – народа, который стремится к более совершенному союзу’.

Как свидетельствует анализ фактического материала, понятие «единство» воспринимается президентами по-разному. В речи В. Путина единство – это тяжелый труд на пути к совершенствованию, созиданию во благо Родины: *И пусть любовь к Отечеству, все лучшее, что есть в человеке, вдохновляет каждого из нас на поиск, на самосовершенствование – для личного успеха, для работы ради своей семьи, вдохновляет на общий напряженный труд для благополучия родной страны.*

В гармоничном единстве «свободного гражданина, ответственного гражданского общества и сильного, дееспособного, демократического государства» заключается прочная основа для развития России.

В речи Д. Байдена единство – это главный способ борьбы с врагом для достижения высшей цели – американской исключительности: *Uniting to fight the common foes we face: anger, resentment, hatred, extremism, lawlessness, violence, disease, joblessness, hopelessness* ‘Объединимся для борьбы с общими врагами, с которыми мы сталкиваемся <...>. *We can make America, once again, the leading force for good in the world.* ‘Мы можем снова сделать Америку ведущей силой добра в мире’.

Заключение. Таким образом, в результате исследования установлено, что инаугурационные речи В. Путина и Д. Байдена имеют свою аксиологическую структуру, в состав которой входят ценностные системы, ценностные категории и слова, выступающие их маркерами. Слова-маркеры образуют своеобразную призму, сквозь которую воспринимается смысл высказываний и с помощью которых формируются определенные ценностные установки. К наиболее приоритетным в речах обоих президентов относятся такие социально-политические ценностные категории, как патриотизм, национальная идентичность, единство, восприятие и языковая реализация которых имеет культурно обусловленный характер.

В речи Д. Байдена транслируется идея американской исключительности, которая тесно связана с идеей Божьего благословения и мессианства. В речи В. Путина акцентируется внимание на партнерстве и равноправии, напряженном труде всех граждан России на благо будущего своей страны.

Речи президентов России и США отличаются не только в содержательном плане, но и формально: речь Д. Байдена практически вдвое длиннее речи В. Путина. Это объясняется склонностью американского президента к пафосности и театрализованности, что требует использования более сложной и объемной системы языковых средств. Речь В. Путина сдержаннее, лаконичнее и ориентирована на содержательность и смысловую емкость высказываний.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем изучении аксиологических параметров политической коммуникации в различных лингвокультурах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений / Н.Д. Арутюнова ; Оценка, событие, факт ; Отв. ред. Г.В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1988. – 338 с.; 22 см.; ISBN 5-02-010870-7.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф; Отв. ред. Г.В. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 228 с.
3. Зенкова Т. В. «Успешный человек» как ценностная доминанта американской лингвоаксиологической картины мира / Т. В. Зенкова // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2019. – Т. 16, № 2. – С. 168-179. – DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-2-168-179.
4. Квашина В.В. Проблемы аксиологии в современном языкознании / В.В. Квашина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2013. – № 2. – С. 181–189.
5. Моисеева А. А. Аксиологические проблемы современной лингвистики / А. А. Моисеева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – № 8-2. – С. 74-76.
6. Овчаренко Е. Н. Оценочные стратегии и тактики в медиадискурсе в аспекте речевых актов / Е.Н. Овчаренко // Успехи гуманитарных наук. – 2022. – № 4. – С. 158-162.
7. Радбиль Т. Б. Пути и способы выявления ценностно значимой информации в естественном языке / Т. Б. Радбиль // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности : Сборник статей, Москва, 30–31 октября 2020 года / Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 168-174. – EDN COMWYV.
8. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / под ред. Е.Ф. Серебрянниковой. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
9. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ выступлений главы государства: тематика, направления и методы исследования / М.В. Гаврилова // Политическая наука. – 2017. – № 2. – С.54–71.
10. Таганова Т.А. Национальная идентичность как объект современной лексикографии» / Т.А. Таганова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2008. – Вып. 1. – С. 94–100.

Поступила в редакцию 18.06.2023 г.

AXIOLOGICAL STRUCTURE OF INAUGURAL SPEECHES BY V. PUTIN AND J. BIDEN

E.S. Vetrova

The article deals with the axiological structure of inaugural speeches of V. Putin and J. Biden. The most frequent lexical units that act as markers of certain value categories and systems have been identified in the studied texts by means of content analysis. It has been established that patriotism, national identity, and unity as socio-political value categories are prioritized in the speeches of both presidents. Their perception and linguistic realization are nationally-marked.

Key words: inaugural speech, axiological structure, value categories, content analysis.

Ветрова Эльвира Сабировна.

Доктор филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Профессор кафедры теории и практики перевода.
E-mail: v.elvira75@yandex.ru

Vetrova Elvira Sabirovna.

Doctor of Philology, Associate Professor.
Donetsk State University.
Professor at Theory and Practice of Translation Department.
E-mail: v.elvira75@yandex.ru

УДК 82.6

**ФИЛОЛОГИЯ ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ
(ПИСЬМО К КАНГРАНДЕ ДЕЛЛА СКАЛА)**

© 2023 А.А. Кораблев

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье рассматриваются особенности филологической авторефлексии Данте Алигьери на примере концептуального анализа его письма к Кангранде делла Скала (1291–1329). Многовековая слава поэта представлена как дополнительная рецептивная проблема, которая может быть редуцирована, если корректно воспользоваться авторскими комментариями к «Божественной комедии». Анализируемое письмо содержит компактное изложение основных аспектов и принципов читательского восприятия, которые актуальны не только для адекватного прочтения дантовой поэмы, но и для обобщенного представления о ренессансной поэтике и дантовском коде в мировой литературе. Обращено внимание на двойственное отношение Данте к канонической традиции, в частности, к риторическим правилам и к принципам герменевтической четырехмерности, характерными для средневековой гуманитарной науки. Устойчивый интерес Данте к филологическому знанию предопределил особенности поэтики его итогового произведения, в котором соединились поэтический, философский и религиозный дискурсы.

Ключевые слова: Данте Алигьери, Кангранде делла Скала, «Божественная Комедия», античная риторика, средневековая герменевтика, числовая криптография.

Долгая слава – дополнительная проблема для адекватного восприятия объекта и, тем более, субъекта творчества. Как насмешливо заметил Вольтер, «божественный» Данте мало кому внятен, но его толкователи – это еще одна причина его непонятности. Отсюда вывод: «Слава Данте пребудет вечно, ибо его не читают» [4, с. 222]. Сказано хлестко, но верно лишь отчасти. Читают. И много, и достаточно основательно. В конце XIX века составитель «Дантовской энциклопедии» констатировал «переполненность» дантологической литературой [10, р. VI], но и в следующем столетии ее поток не иссяк: в XX веке было опубликовано свыше тридцати тысяч работ о жизни и творчестве Данте [3, с. 117]. Проблема же в том, что осилить и осмыслить этот разноязыкий и разнородный массив уже не под силу даже специалисту. Дальнейшее умножение нечитаемой продукции давно должно обесмыслиться, однако этот процесс, по-видимому, неостановим.

Таковыми вопросами не принято задаваться в научной статье, но они существенны в плане филологической онтологии. Это вопросы смысла. Поставленные на шаткий постулат тотального всеединства, они предполагают, что собственный смысл произведения (не логический, а логосный, находимый в его исходящей глубине) постигается лишь в соединении со смыслом личной жизни.

Разумеется, причины обращения к «Божественной Комедии» различны и не всегда удерживают читателя после прочтения текста. Читатель свободен, открывая книгу, но в процессе чтения обретает инерцию несвободы, которая способна обратить его жизнь в целенаправленную стрелу, или, если угодно, в ракету, потому что видимая цель дантовского путешествия – звезды (недаром же этим возвышающе-путеводным словом завершается каждая из трех кантик – stelle).

Текст поэмы не настолько замысловат, чтобы его не понимать, но чтобы его понять в глубинном единстве целого и частных – нужна не одна жизнь. Опыты других прочтений могут ускорить этот процесс, но могут и уклонить. Нужен реальный,

мистический контакт с произведением, дающий действительный, действенный импульс, чтобы пройти сквозь наслоения вековых стереотипов и выйти на орбиту вечных архетипов.

Обретаемое предпонимание необходимо для того, чтобы, во-первых, критически относиться к существующим толкованиям поэмы, различая в них степени соответствия собственному впечатлению; во-вторых, критически относиться к своим способностям суждения, что может стать длящимся актом самопознания и творческой самоорганизации; в-третьих, критически относиться и к самой поэме – к тому, насколько адекватно она выражает самое себя.

Читательское текстопорождение становится продолжением поэмы, ее текстовым сопровождением, паратекстом, и не только в издательской практике, в виде почти обязательных предисловий и комментариев, но и как всемирная виртуальная совокупность исследований и интерпретаций, образующая структурно-смысловую копию первоисточника.

Множественность исследований и интерпретаций «Божественной Комедии», естественно, неоднородна, но и не хаотична, поскольку обусловлена активной природой исследуемого объекта и воспроизводится в читательском восприятии с той же необходимостью, с какой была произведена в авторском сознании. Она структурирует порождаемую множественность в соответствии с явленным планом поэмы, располагая рецептивные достижения по аспектам и степеням адекватности, компетентности или конгениальности.

Типология адекватностей, а вернее сказать *неадекватностей*, – это читательский «Ад», типология отклонения от объективного смысла поэмы, вплоть до еретического отрицания его объективности. Типология компетенций – результат не только аналитического погружения в текст, но и стадильность преодоления методологической ущербности, очищение от предвзятости, феноменология восхождения к чистому созерцанию. Наличие конгениальных рецепций обусловлено архетипичностью дантовской поэтики, вследствие чего мыслители и художники имеют собственный опыт прохождения через сферы запредельного знания, пусть и безотносительно «Божественной Комедии».

Совокупность многообразных мнений о значениях и смыслах поэмы напоминает сумрачный Лес сомнений (со-мнений), в котором оказался дантовский искатель истины. И так же, как на помощь герою является учитель, чтобы вывести заблудившегося из умственного сумрака, на помощь читателю приходит автор, объясняя, как следует читать его «Комедию»: что в ней существенно и требует повышенной адекватности, а что позволительно понимать по-своему, на основании личного опыта.

Эти ключи были вручены автором своему покровителю и другу Кангранде делла Скала (1291–1329): почтительно, в блистательной упаковке – в виде посвящения ему третьей части «Комедии» вместе с вроде бы не обязательным, но обстоятельно составленным авторским комментарием. Расчет оказался прагматически точен и стилистически безупречен: частное послание содержало информацию, отправляемую в будущее. В том, что письмо поэта займет подобающее ему место, в меру достойное и не слишком претенциозное, можно было не сомневаться. Сомнения могли быть относительно разумения и применения изложенных указаний, но и они рассеивались, стоило лишь помыслить, что авторские комментарии рано или поздно будут прочитаны с надлежащим вниманием и благоговением [9, с. 89–95].

Стоит упомянуть о сомнениях в подлинности этого письма, но лишь упомянуть. Некоторые специалисты заметили в его тексте кое-какие нехарактерности дантовскому стилю [5, с. 629–630], но, насколько можно судить по их доводам, придали им преувеличенное значение. Автор имеет творческое право не совпадать с собой, и эти моменты, безусловно, заслуживают обсуждения, но они явно уступают совокупности системных соответствий.

Отметим также недопрочтение этого документа в тех случаях, когда в нем видят только «дань схоластике», а попытки последовательно применить авторские указания называют «бесплодным педантизмом» [8, с. 371], или когда исследователь полагает, что «формальные признаки литературной классификации», на которые указывает Данте, «не затрагивают его тайн» [7, с. 82].

Дантова инструкция напоминает автореферат диссертации. Мало того, что данные о «Божественной Комедии» характеризуют ее как сверхобычную для художественного произведения определенность, они изложены в установленном составе и порядке, причем с примечательной апелляцией к научной практике: «Всякий ученый труд начинается с изыскания шести вещей, а именно: предмета, лица, от которого ведется повествование, формы, цели, заглавия книги и рода философии» [2, с. 386]. Эти формальности, поскольку они названы и акцентированы, должны вызывать у читающего понимание, что письмо Данте к Кангранде не просто подношение, а «Божественная Комедия» – не только поэма.

Содержательность этих формальностей раскрывается сама, и без авторских подсказок, по ходу чтения, но раз уж они высказаны, стоит задержать внимание на самих высказываниях:

- (1) *предмет* – «состояние душ после смерти»;
- (2) *лицо* – «Данте Алигьери, флорентиец родом, но не нравами»;
- (3) *форма* – двоякая: «форма трактуемого и форма трактовки»;
- (4) *цель* – «вырвать живущих в этой жизни из состояния бедствия и привести к состоянию счастья»;
- (5) *заглавие* – «Комедия», что означает, в противоположность трагедии, печальное начало и счастливый конец;
- (6) *род философии* – «моральное действие» [2, с. 387–389].

Комментируя свои дефиниции, Данте предупреждает, что каждое из них предполагает разные возможности понимания, потому что в его произведении несколько смысловых уровней, и разъясняет их на библейском примере, следуя богословской герменевтической традиции:

- (1) *буквальный* – «исход сынов Израилевых из Египта во времена Моисея»;
- (2) *аллегорический* – «спасение, дарованное нам Христом»;
- (3) *моральный* – «переход души от плача и от тяжести греха к блаженному состоянию»;
- (4) *анагогический* – «переход святой души от рабства нынешнего разврата к свободе вечной славы» [2, с. 387].

Приверженность Данте традиции подтверждается, как это принято в научных работах, ссылками на предшественников. В письме к Кангранде они выражены в виде имен и наименований, как бы составляющих избранную авторскую библиографию, которая подразделяется, сообразно структуре и содержанию «Божественной Комедии», на три списка:

- (1) *философские тексты* ([Аристотель] – «Метафизика», «Физика», «О небе», Платон, Боэций – «Утешение [философией]», а также книга «О причинах» неизвестного автора);
- (2) *драматически-дидактические* (Сенека, Теренций, Лукан) и сопутствующие им *филологические* (Гораций – «Поэтика», [Аристотель] – «Риторика», Туллий [Цицерон] – «Новая риторика»);
- (3) *сакральные* ([Соломон] – «Книга Премудрости», «Екклесиаст», книги пророков Иеремии, Иезекииля, Даниила, послание, свидетельство, откровение апостолов [Павла, Матфея, Иоанна]) и сопутствующие им *теологические* (Дионисий [Псевдо-Дионисий Ареопагит] – «О небесной иерархии», Рикард Викторинец [Рихард Сен-Викторский] – «Созерцание», Бернард [Клервоский] – «Суждение», Августин – «О качествах души»).

Разумеется, прошлое в творческом сознании Данте не однородно. Кроме того, оно разумно и справедливо. Прошлым наполнен его Ад, населено Чистилище и озарен Рай. Традиция, которую принимает и наследует Данте, это не безвозвратное прошлое, а *непреходящее*. Это выбор прошедшего из себя самого, последствие его интеллектуально-смысловой самофилтрации, ставшее каноном и образцом. Это лучшее, что могло предложить минувшее амбициозному автору, обещая аналогичный результат – статус избранника, отмеченного признанием и славой.

Трудность и сложность исключительной, исторической, мировоззренческой миссии автора «Божественной Комедии» заключалась в необходимости преодолеть радикальную разнородность прошлого – античность и средневековье, язычество и христианство, схоластику и мистику. Именно преодоление, а не выбор, становится для него духовной, а значит и творческой программой.

Изгнание из родного города, из политической борьбы, из личностных пределов пространства и времени осложняло жизнь Данте, но освобождало его дух. Его поэма – след его социальной сублимации. Он уйдет в творчество, но не отвернется от своего времени – он будет оценивать его с точки зрения вечности.

Данте-политик возвышается до уровня Данте-поэта, оставаясь непримиримым к противникам, но лояльным к большим, эпохальным различиям, которые для него – историческая данность, дар веков. Это его личное достояние – в той мере, в какой он сумеет его освоить. Это вопрос не количества, которое безмерно, а качества, которое предполагает ценностные различия. Лично для Данте это еще и вопрос персонального профессионального бессмертия, судя по тому, как рачительно и рационально он распоряжался обретаемым культурно-историческим наследством.

В письме к Кангранде заметно, как Данте дифференцирует три типа исторической канонизации: формальный (риторические компоненты повествования), содержательный (смысловые уровни текста) и личностный (опыты формально-содержательного единства). Он не просто ориентируется на каноны, он работает с ними, как с законами, которые можно использовать для достижения существенно иной, сверхзаконной цели.

Демонстрация соответствия канонам риторики и герменевтики кажется скорее ритуальной, чем актуальной, и это впечатление, по-видимому, не обманчиво. Данте не строг в последовательности компонентов и небрежен в их изъяснении, и еще менее принципиален в отношении уровней. Для него основное семантическое различие – прямое и переносное («буквальное» и «аллегорическое») [6, с. 205], соотносимое им, как можно увидеть, с Аристотелем (чьи четкие определения неоднократно приводятся в

письме) и Платоном (о ком лишь сказано, что он «пользуется переносными формами» [2, с. 394]).

Что такое «буквальное» значение, Данте не объясняет ввиду его очевидности, «аллегорическое» же производит от греческого слова *alleon*, что по-латыни означает «другой» или «отличный» [2, с. 387], и объединяет этим понятием все три смысла, противоположные буквальному. Приведенные в письме примеры из библейского текста очень приблизительно объясняют различия переносных значений, вызывая догадки: то ли Данте просто не стал углубляться в дефинитивные тонкости, то ли намеренно показал их условность, то ли, как предполагают, это чужеродная вставка.

Дантовская интерпретация четырех смыслов поэтического текста (1 буквальный + 3 аллегорических), если посмотреть в целом, аналогична структуре дантовской поэмы: 1 пролог + 3 кантики, где 1 – жизнь земная, а 3 – области посмертного существования, по степени удаленности от земных ценностей и пристрастий. Этот же принцип соотношений, обращенный на самого себя, производит дальнейшую дифференциацию, в соответствии с различиями до-смертной и после-смертной онтологии: 1 – личная биография автора в ее буквальном и историческом понимании, 3 – множество *других* судеб в перспективе их ирреального, морального и мистического осмысления. Уникальность авторской жизни проецируется на универсальность жизни человечества.

Принцип взаимной корреляции, на который указывает Данте, когда пишет о двух формах своей поэмы (*forma tractus* и *forma tractandi*), наверное, наиболее наглядно выражен в «Комедии» именно в соотношениях ее семантики и структуры: семантика предопределяет оптику восприятия разных сфер бытия, а структура фиксирует определенность смысловых различий.

Дантовская трактовка четырех смыслов незначительно и не принципиально отличается от канонической, поэтому в авторских комментариях говорится о соответствии, а не о расхождениях, на которые указывать было бы опрометчиво, да и, пожалуй, излишне. Вполне достаточно выраженного утверждения, что герменевтическая квадрига – смысловой двигатель «Божественной Комедии».

Чтобы лучше понять отношение Данте к канонам и каноническому мышлению, обратим внимание, что в его трактатах комплекты какой-либо каноничности обычно маркированы *числами*: «Всякий ученый труд начинается с изыскания шести вещей» [2, с. 386], «...писания могут быть поняты и должны с величайшим напряжением толковаться в четырех смыслах» [1, с. 135], «человеческой душе свойственны шесть чувств» [1, с. 182], «разуму нашему подчинены четыре вида действий» [1, с. 222], а также четыре элемента, четыре причины, четыре возраста, четыре добродетели и т.д.

Уже по тому, как интонированы эти словоупотребления, где числа участвуют в изъяснении неисчисляемых реалий (смысла, души, разума и т.п.), можно заключить, что для Данте авторитетны те суждения, которые оформлены в суммарную определенность. Числа для него – не просто обозначение количества, но и знак состава, маркировка канона. Не декларируя открыто свои амбициозные приоритеты, Данте, как можно посчитать, их утверждает через числовую символику. Не отрицая традиционную систематику, он противопоставляет ей новую парадигму.

Шесть аспектов, как и *четыре* смысла, – это определившиеся схоластические числовые наборы. Данте их учитывает, но и указывает, что у него есть свое ключевое число: *три*. Оно выражено в тройственной структуре произведения, которая троится в каждой из своих частей: «Форма трактуемого делится на три части согласно трем видам деления. Первый вид: все произведение задумано в трех кантиках; второй вид: каждая часть делится на песни; третий вид: каждая песнь делится на терцины...» [2,

с. 387]. Троятся и формы образности: три зверя на пути, три спутника героя, три головы Люцифера и др., вплоть до первичной троичности в плане незримой и непостижимой реальности – Святой Троицы.

Почему бы автору ради тотальной структурной фрактальности не свести 6 аспектов к 3? Предмет, лицо и форма – это структурная основа словесного высказывания: объект, субъект и форматы их осуществления. Цель, заглавие и род – то же объектно-субъектное существование, только в динамике качественных изменений, в переходе от несовершенства к совершенству. Но Данте этого не делает. Как видно, для него значима сама ссылка, которая ему нужна и как опора (для утверждения), и как ступень (для преодоления).

Шесть аспектов – именно шесть – это не просто нумерация, это указание на традицию, на установленную количественную совокупность, которой Данте не только согласен соответствовать, но и специально указывает на это соответствие. Читатель должен знать, что его поэма стоит на прочном философско-риторическом основании. Больше того, она и сама составляет остов из перечисленных шести компонентов. Это означает, что она в своей основе аналогична трактатам «Философа» (Аристотеля), на которого Данте ссылается настолько пиететно, что даже не называет по имени. «Божественная Комедия», в силу этих соответствий, тоже в некотором роде трактат, продолжающий устремления античной философии: метафизику Аристотеля, метафорику Платона, числовую эзотику Пифагора.

По этой же причине Данте не редактирует и не редуцирует четыре смысла, утвержденные средневековой герменевтикой. Это тоже отсылка, и не только на тех, кто определял состав и границы этих смысловых слоев, но и на предмет этих различий – на Священное Писание. Читателю останется лишь вывести следствие из этой аналогии.

Шесть пунктов философской риторики и четыре пункта богословской герменевтики – это десять схоластических регламентаций, которым Данте осознанно и нескрываяемо следует при создании своей поэмы и, надо полагать, не только для демонстрации ее основательности, но и для достижения максимально надежной, испытанной временем универсальности.

«6» и «4» – числовые коды фундаментальных традиций, и обращение к ним обусловлено колоссальностью замысла. Но это технические (от греч. *τέχνη*) параметры поэтического искусства, о которых читателю знать не обязательно, если он не филолог. Это информация для тех, кто способен оценить макрокосмическое мироподобие возведенной конструкции. Обращаясь к миру через своего высокочтимого благодетеля, Данте как бы успокаивает своих, как он их называет, «завистников», а также, что более серьезно, ученых интерпретаторов и суровых инквизиторов: традиция соблюдена. И философская, и догматическая.

$6+4=10$ – число совершенства; 100 песен «Божественной Комедии» – совершенство, помноженное на совершенство (10×10). Но и дантовское число «3», которое так же обращается на самого себя (три части поэмы множатся на трехстишия и образно-понятийные триады), тоже формирует число совершенства: $3 \times 3 + 1 = 10$, где 1 – первопричина всего сущего, его начало и конечная цель. Устремленностью к первопричине завершается и «Божественная Комедия», и письмо Данте к Кангранде делла Скала, поскольку, «установив основу или первопричину, то есть Бога, искать больше нечего» [2, с. 394].

Филологические тексты Данте (письма, трактаты, прозиметрумы) доказывают, что ему было присуще трактатно-филологическое мышление, которое выражалось в сочетании поэтического, философского и религиозного дискурсов. Осознанное

отношение к своему творчеству предопределило художественную природу его итогового произведения как синтеза этих словесно-творческих осуществлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алигьери Д. Пир / Д. Алигьери // Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 112–269.
2. Алигьери Д. Письмо к Кангранде делла Скала / Д. Алигьери // Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 384–394.
3. Бэлза И.Ф. Данте и современность. К 650-летию со дня смерти поэта / И.Ф. Бэлза // Вестник АН СССР. – 1971. – № 9. – С. 117–124.
4. Вольтер. Данте / Вольтер // Вольтер. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения. – М.: Искусство, 1974. – 392 с.
5. Голенищев-Кутузов И.Н. Примечания / И.Н. Голенищев-Кутузов // Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 474–644.
6. Де Санктис Ф. История итальянской литературы: В 2 т. – М.: Издательство иностранной литературы, 1963. – Т. 1. – 535 с.
7. Доброхотов А.Л. Данте Алигьери / А.Л. Доброхотов. – М.: Мысль, 1990. – 207 с.
8. Пинский Л.Е. Поэтика Данте в освещении поэта // Пинский Л.Е. Магистральный сюжет / Л.Е. Пинский. – М.: Сов. Писатель, 1989. – С. 367–396.
9. Юдин А.А. Легитимизация притязаний на auctoritas в письме Данте к Кангранде делла Скала / А.А. Юдин // *Philologos*. – 2013. – № 16 (1). – С. 89–95.
10. *Enciclopedia Dantesca: dizionario critico e ragionato di quanto concerne la vita e le opere di Dante Alighieri* / By Scartazzini G.A., 1837–1901; Flammazzo A., 1851–1896. - Milano : U. Hoepli, 1896. – 1196 p.

Поступила в редакцию 01.04.2023 г.

PHILOLOGY OF DANTE ALIGHIERI (LETTER TO CANGRANDE DELLA SCALA)

A. A. Korablev

The article examines the peculiarities of Dante Alighieri's philological self-reflection on the example of a conceptual analysis of his letter to Cangrande della Scala (1291–1329). The poet's centuries-old fame is presented as an additional receptive problem, which can be reduced if the author's comments on the Divine Comedy are correctly used. The analyzed letter contains a compact presentation of the main aspects and principles of reader's perception, which are relevant not only for an adequate reading of Dante's poem, but also for a generalized idea of Renaissance poetics and the Dante code in world literature. Attention is drawn to Dante's ambivalent attitude to the canonical tradition, in particular, to the rhetorical rules and to the principles of hermeneutical four-dimensionality, characteristic of medieval humanities. Dante's steady interest in philological knowledge predetermined the features of the poetics of his final work, which combined poetic, philosophical and religious discourses.

Key words: Dante Alighieri, Cangrande della Scala, The Divine Comedy, ancient rhetoric, medieval hermeneutics, numerical cryptography.

Кораблев Александр Александрович.

Доктор филологических наук, профессор.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности.

E-mail: dikoepole@rambler.ru

Korablev Alexander Alexandrovich.

Doctor of Philological Sciences, Professor.

Donetsk State University.

Head of Department of History of Russian Literature and Theory of Literature.

E-mail: dikoepole@rambler.ru

УДК 81'362

БАХУВРИХИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

© 2023 Л.В. Соснина

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье рассматриваются лингвистические подходы к определению прилагательных-бахуврихи в русском, немецком и английском языках. В заявленных языках бахуврихи реализуются как сложные слова с посессивным значением, образованные путем сложения основ имен существительных и прилагательных. Данные номинативные единицы характеризуются двуплановостью номинации, основанной на двух типах предикации – качества и атрибуции. Описание бахуврихи происходит с учетом структурных и семантических особенностей. Проблема заключается в том, что необходимо дифференцировать субстантивные и адъективные бахуврихи с последующим описанием особенностей их построения. Материалом исследования послужили примеры, извлеченные способом сплошной выборки из Национального корпуса русского языка. Для определения ономаσιологической структуры языковых единиц использован метод ономаσιологического анализа, позволяющего исследовать внутреннюю структуру слова и являющегося базовым при описании прилагательных с точки зрения выделения у них ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака. Метод дистрибутивного анализа позволил оценить семантическую тождественность универбализационных композитов и производящих словосочетаний. По результатам исследования можно сделать вывод, что бахуврихи образуются путем сложения двух основ – существительное+существительное, реже существительное+прилагательное. Подтверждается мнение о том, что в указанных прилагательных субъект определения находится за пределами данного слова.

Ключевые слова: бахуврихи, композит, ономаσιологический подход, имя прилагательное, деривация, словосложение, номинация, структура, семантика.

Введение. В современной лингвистике не существует единого мнения о семантике прилагательных-бахуврихи, поэтому требуется систематизировать все имеющиеся научные подходы к этой проблеме и рассмотреть данные композиты с точки зрения их ономаσιологического статуса с последующим описанием ономаσιологической структуры. Напомним, что наиболее авторитетной в языкознании всегда считалась теория Э. Бенвениста, предложившего отнести бахуврихи к классу сложных имен, в котором «отношение между двумя компонентами некоторым образом выходит за их пределы» [3, с. 250]. Согласимся с его утверждением о том, что «это сложное имя основывается на атрибутивной конструкции» [там же, с. 251], при этом на атрибутивность бахуврихи указывает суффикс. В.И. Теркулов ставит под сомнение необходимость введения в ономаσιологическую модель «носителя атрибута» и считает, что «в качестве ономаσιологического базиса выступает именно атрибутивная функция исходного словосочетания, реализованная в композите в суффиксе» [17, с. 186]. Это объясняет положение теории Э. Бенвениста о «двуплановости» бахуврихи, которая подразумевает сочетание синтаксической и семантической функций [3, с. 253].

Актуальность данного исследования определяется множественностью научных взглядов на структурную организацию бахуврихи и особенности их существования в различных языках. Необходимо рассмотреть особенности словосложения субстантивных и адъективных бахуврихи и определить их коннотативный потенциал. *Научная новизна* работы заключается в проведении сопоставительного анализа особенностей реализации бахуврихи в трех языках – русском, английском и немецком. *Предметом* нашего анализа являются работы ученых-лингвистов, посвященные бахуврихи в вышеуказанных языках, а также наше собственное видение проблемы прилагательных-бахуврихи в современном русском языке.

Основная часть. А.Г. Файзуллина относит бахуврихи к экзоцентрическим сложным словам, полагая, что эти сложносоставные наименования (бахуврихи и императивные имена) объединяются в одну группу исходя из чисто семантического принципа, когда «субъект не назван внутри сложного слова, а находится за его пределами» [18, с. 90]. Автор приводит примеры из немецкого, татарского и русского языков, настаивая на том, что в русском языке слова *чистоплюй*, *держиморда* и *сорвиголова* называют человека, не отличающегося примерным поведением, а не являются грамматической формой повелительного наклонения. Вслед за многими исследователями автор полагает, что «важная характеристика бахуврихи – это признак двуплановости номинации, основанной на двух типах предикации – качества и атрибуции, что свидетельствует об асимметрии их плана содержания и плана выражения» [там же, с. 91].

По мнению А.Г. Садыковой, бахуврихи, являющиеся типологически общей чертой для системы субстантивного словосложения в разноструктурных языках, вызывают большой интерес при сравнительно-типологическом исследовании в силу их эмотивно-экспрессивных особенностей и высокого коннотативного эффекта [12, с. 47]. Идиоматичность в бахуврихи достигается за счет семантического усложнения деривационного акта метафорическими и метонимическими переносами значения сочетающихся основ, причем в тюркских языках чаще используются метафорические процессы переосмысления, а в английском и немецком языках – метонимические [там же, с. 47].

Р.Р. Таджибова предлагает исследовать бахуврихи с учетом антропоцентрического принципа, рассмотренного в работах Е.С. Кубряковой, В.Н. Телия, В.А. Звегинцева. Автор полагает, что антропоцентрический принцип, будучи реализованным в анализе лексической структуры прилагательных-бахуврихи в художественном тексте, открывает перед исследователем как минимум два возможных пути. Во-первых, это «постижение инвариантного (не авторского и не читательского, но собственно «языкового») смысла текста посредством реконструкции по лексическим экспликаторам и последующего взаимного соотнесения индивидуальных (персонажных) лексических систем и стоящих за ними систем концептуальных» [15, с. 70]. В данном случае мы имеем дело с прилагательными-бахуврихи, которые зафиксированы в словарях и употребляются в речи в своем прямом значении, например, *able-bodied* здоровый, *bad-tempered* раздражительный, *crook-backed* горбатый, *light-minded* легкомысленный. Во-вторых, это описание различных уровней организации языковой личности персонажа в процессе вторичной номинации типа: *big-headed* самовлюблённый, *clean-handed* честный, *doublefaced* двуличный. Считаем важным утверждение о том, что «процесс метафоризации способствует развитию многозначности адъективных композит антропосемического поля, что свидетельствует о семантической емкости, словообразовательной продуктивности и устойчивости лексем указанной разновидности» [там же, с. 71]. Как справедливо замечает А.В. Медведева, механизм метафоризации является «одним из способов создания полисемии, будучи основанным на закономерных когнитивных связях образов окружающего мира в сознании человека» [8, с. 80].

Как справедливо замечает В.Г. Павленко, значение слов «можно соотнести со значением его частей, но нельзя просто вывести из этих частей» [10, с. 87]. Так, прилагательное *long-faced* имеет буквальное значение «с продолговатым, вытянутым лицом» и переносное «с вытянутой физиономией, с унылым видом»; прилагательное *long-headed* переводится как «длинноголовый» и в то же время как «проницательный»;

прилагательное *black-browed* имеет значение «чернобровый» и «насупившийся», «хмурый». Адъектив *wide-mouthed* традиционно переводится как «большеротый», но имеет варианты перевода «горластый»; «прожорливый», «с широким горлом» (о бутылке). Р.Р. Таджибова настаивает на том, что «переносное употребление слова может привести к появлению у него производных значений и, более того, к изменению его значения» [15, с. 71]. Прилагательное *light-handed* переводится как «ловкий», «быстрый», переносное значение 1) «тактичный»; 2) «налегке», «без ноши», 3) «не полностью укомплектованный (рабочими)»; адъектив *red-handed* переводится как «краснорукий», а в переносном значении как «пойманный на месте преступления, взятый с поличным».

Л.Ф. Омельченко утверждает, что в структурно-сложных субстантивных и адъективных бахуврихи «ономасиологические категории предметности и признаковости становятся словообразовательными, так как они реализуются производными мотивированными единицами языка, объединенными одним и тем же словообразовательным значением посессивности» [9, с. 64]. Она выделяет субстантивные бахуврихи в особую группу композитов, обладающих эмоционально-оценочными значениями, для индивидуализации которых характерны «конкретизация и уточнение референта и которые в силу их частотности в обиходной коммуникации и значительной диссемантизированнойности могут быть названы разговорно-оценочными клише» [там же, с. 67].

Важно отметить, что стилистически маркированные композиты-бахуврихи реализуются в сфере экспрессивного просторечия и сленга, отличительными чертами которого являются профессиональная детерминированность и локальная принадлежность. Так, Л.Ф. Омельченко, а вслед за ней многие современные лингвисты (Р.Р. Таджибова, А.Г. Файзуллина и др.) сходятся во мнении, что экспрессивность и стилистическая сниженность просторечных композитов типа бахуврихи достигается не за счет нарушения структурных норм, а за счет «семантического усложнения деривационного акта метафорическими и метонимическими переносами значения сочетающихся основ» [9, с. 67]. Если говорить о структуре данных номинативных единиц, то ученый выделяет субстантивные и адъективные структурно-сложные бахуврихи. К первому типу относятся следующие единицы: *acidhead* жарг. наркоман, употребляющий ЛСД; *blue helmets* голубые каски, самовлюбленный; *Bigfoot* амер. «большая нога», йети, снежный человек; *loudmouth* разг. крикун; *wetback* амер. жарг. «мокрая спина»; нелегальный иммигрант из Мексики (переплывший р. Рио-Гранде). Второй тип данных наименований представлен корпусом структурно-сложных адъективных бахуврихи-антропосем. обозначающих внешние признаки человека и название частей человеческого тела и лица. Л.Ф. Омельченко описывает поливалентные композитные парадигмы, включающие лексемы с итеративным компонентом *-eyed*, *-faced*, *-handed*, *-headed*, *-hearted*, например, *moon-faced*, *iron-hearted*, *bloody-handed*, обращая внимание на тот факт, что расширению рамок внутренней валентности основ в адъективных структурно-сложных бахуврихи способствуют «наличие целого ряда качественных признаков и индивидуально-эмоциональное восприятие действительности» [там же, с. 68].

О.М. Корытова полагает, что проблема разграничения композитов, образованных сложением и сращением, особенно остро стоит в языках аналитического типа. В английском языке образование композитов является одним из основных путей пополнения словарного состава языка, что обусловлено «емкостью сложных слов, способностью с их помощью выразить содержание, соответствующее высказыванию» [6, с. 39]. Композит

замещает собой «сложные и развернутые когнитивные структуры», что дает возможность «оперировать ими в нашем сознании с большей легкостью, ибо подставляем на их место один-единственный символ» [там же, с. 39]. Существует, однако, целый пласт слов, которые не являются гипонимичными. Говоря о посессивных композитах, ученый отмечает, что значение этих композитов строится на метонимической основе. В английском языке бахуврихи «обозначают чаще всего людей в дерогативном смысле или названия животных и растений», например, слова-сращения *loudmouth* «крикун», *redhead* «рыжеволосый человек», *longleaf* «сосна южная или болотная». Помимо этого существуют единицы со значением, построенным на метафорической основе, например, *bluebell* «колокольчик», *blackstrap* «вид портвейна» [там же, с. 40].

О.М. Корытова настаивает на том, что в основе различных композитов лежат разные синтаксические конструкции. По мнению ученого, когда слово образовано на базе реально существующего в речи сочетания, компоненты которого не претерпевают каких-либо изменений внутри цельнооформленной единицы, мы имеем дело со словом-сращением. Синтаксические связи между компонентами композита сохраняются при этом в том же виде, какой они имели в соответствующем словосочетании. Композиты, образованные сложением, также соотносятся с определенными словосочетаниями или предложениями, но синтаксические связи, наблюдаемые в их структуре, внутри сложных слов нейтрализуются, приобретают обобщенный характер, например, сращения *paleface* ← *pale face*, *greenback* ← *green back*, *look-out* ← *look out* и сложения *birdbrain* ← *brain of a bird*, *liferaft* ← *raft for saving life* [там же, с. 41].

Ж. Багана, О.Н. Кравченко описывают сложные слова как единицы, имеющие в своем составе более чем одну основу. Ученые полагают, что в ряде случаев происходит «объединение словосложения и словопроизводства при создании слова», результатом чего являются так называемые «сложнопроизводные слова, представляющие собой сложные слова, оформленные с помощью аффикса в единое целое (*blue-eyed*, *rain-killer*)» [1, с. 129]. Но тем не менее процесс образования подобного слова осуществляется прежде всего путем сложения основ (*blue + eye* в *blue-eyed*, *pain + kill* в *pain-killer*), поэтому основа, по мнению ученых, «является главным словообразовательным элементом сложного слова [там же, с. 129]. Авторы предлагают сложные прилагательные английского языка разделить на две группы: прилагательные, которые свободно образуются в речи, имеют различные вариации и не всегда фиксируются словарями и узуальные прилагательные, которые относятся к устойчивым образованиям и фиксируются словарями. Первая группа сложнопроизводных прилагательных, обозначающих внешние характеристики и внутренние качества человека, условно делится на две подгруппы:

1. Прилагательные, образованные по модели Adj. + N + ed, где первый компонент определяет качественный признак второго компонента, например, *fair-haired* – светловолосый, *good-tempered* – добродушный, *strong-willed* – волевой. Сюда же относим прилагательные, образованные по модели N + N + ed и обозначающие внешний признак опосредованно, со словообразовательным значением «подобие», например: *moon-faced* – one who has a face like the moon, луноликий.

2. Узуальные прилагательные отличаются большей цельнооформленностью, т.е. слово воспринимается как единое целое с установленным значением, например, *silver-tongued* – красноречивый, *scatter-brained* – легкомысленный, ветреный, *bloody-minded* – зловредный, неуживчивый, нелюбезный, *tongue-tied* – косноязычный, потерявший дар речи [там же, с. 130].

А.Н. Воробей, развивая учение о бахуврихи, полагает, что с точки зрения структурных особенностей «анализируемые комплексы являются определительными сложными словами, в качестве второго компонента которых чаще выступают наименования частей тела, при этом лексическая единица *head* самая частотная» [5, с. 84]. Ученый настаивает на том, что чаще всего первый компонент сложных наименований «представлен основой имени существительного, выступающего в препозитивной функции, прилагательного или глагола» [там же, с. 84].

По мнению исследователей (М.Д. Степанова, Ж. Багана, О.Н. Кравченко) в немецком языке большинство производных прилагательных так же, как и в английском языке, образованы «способами словосложения и аффиксации, а именно, путем сложения производных основ прилагательного или существительного и присоединения суффикса *-ig*» [2, с. 147]. Заявленный суффикс является весьма продуктивным в словообразовании современного немецкого языка, имена прилагательные образуются из сложных основ при помощи суффикса *-ig*, чаще всего на основе соединения существительного с определяющим его прилагательным или числительным, например: *großzügig* – великодушный, *weichherzig* – мягкосердечный, *schwachköpfig* – слабоумный, *zwanzigjährig* – двадцатилетний [там же, с. 148].

Е.А. Кукушкина замечает, что особое место в системе композитообразования немецкого языка занимают так называемые бахуврихи, или посессивные композиты, которые ученый определяет как «продуктивные экзоцентрические метонимические композиты с опорным компонентом, обозначающим часть целого (*pars pro toto*)» [7, с. 107]. Первый компонент композита в немецком языке, как правило, состоит в атрибутивных отношениях со второй непосредственно составляющей: *der Brausekopf* (вспыльчивый человек), *das Bleichgesicht* (бледнолицый), *der Milchbart* (молокосос), *der Kreuzschnabel* (клест), *der Rotbart* (человек с рыжей бородой). Анализируя бахуврихи немецкого языка, ученый отмечает, что происходит «переосмысление объекта наименования через призму оценочного, чувственного или образного представления» [там же, с. 107]. Е.А. Кукушкина главными признаками бахуврихи считает экспрессивно-оценочную окраску, эмоциональную тональность и стилевую маркированность.

По мнению М.И. Буковской, бахуврихи немецкого языка представляют собой посессивные композиты, первым компонентом которых служит прилагательное, существительное или основа глагола. Само сложное слово в целом представляет собой обозначение принадлежности (части тела, одежды или другого признака человека). Автор предлагает рассматривать данные лексические единицы в рамках «семантической деривации как один из подвидов метонимического переноса *pars pro toto* (часть вместо целого)» [4, с. 3537]. М.И. Буковская настаивает на том, что бахуврихи, называющие человека, в русском языке рассматриваются в рамках фразеологии, поскольку они «обладают характеристиками фразеологических единиц, а именно: состоят из нескольких компонентов, обладают устойчивостью, идиоматичностью и воспроизводимостью», а «их отнесенность к субстантивным фразеологическим единицам обусловлена номинативной функцией таких единиц» [там же, 3539]. Сравнивая же бахуврихи в двух языках, автор пишет, что бахуврихи в немецком языке не являются фразеологическими единицами, а представлены в виде посессивных композитов. Сходство бахуврихи проявляется в их семантике, где номинация осуществляется по характеризующим человека признакам путем метонимического переноса с части на целое. Общие черты бахуврихи наблюдаются и в их семантических характеристиках. Номинация осуществляется за счет актуализации

сведений о внутренних качествах человека - черты характера, интеллектуальные способности, род деятельности, социальный статус [там же, с. 3540].

Л.Н. Роженцова, исследуя адекватные единицы синонимического ряда, заявляет о том, что синонимические связи слов также способствуют упорядочению и упрочению словообразовательных отношений [11, с. 158]. Автор пишет, что разноструктурные производные слова могут существовать в пределах одного синонимического ряда, т.е. «синонимами оказываются два имени прилагательных, одно из которых композит, а другое простое производное слово, чаще всего равное опорному компоненту композита-адекватива, реже – его первому компоненту» [там же, с.159], например, громкоголосый / голосистый, большеглазый / глазастый, слабохарактерный / бесхарактерный. В одном синонимическом ряду встречаются бахуврихи и хабитивы, репрезентирующие различные словообразовательные типы: *широкоскулый* и *скуластый* – имеющий широкие, выступающие скулы; *широколобый*, *большелобый* и *лобастый* – имеющий большой выпуклый лоб; *остроглазый* и *глазастый* – обладающий острым зрением; *полногрудый*, *пышногрудый* и *грудастый* разг. – имеющий высокую, полную грудь (о женщине); *густобровый* и *бровастый* разг. – имеющий густые брови [там же, с. 159].

Значительная часть исследования посвящена номинативным единицам, в состав которых входят суффиксоиды или компоненты сложного или сложносокращенного слова, повторяющиеся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающиеся по своей словообразовательной функции к аффиксу – суффиксу или префиксу [там же, с. 160], например: *кольчатый*, *кольцеобразный*, *кольцевидный* – имеющий вид кольца; *шаровой*, *шарообразный*, *шаровидный* – имеющий вид шара; *игольчатый*, *иглистый*, *игольный* и *игловидный*, *иглообразный*, *иглоподобный* – имеющий форму иглы. Согласимся с Л.Н. Роженцовой, что суффиксы -ов-, -ат-, -чат-, -ист-, -н- и суффиксоиды -вид-н(ый), -образн(ый), -подобн(ый) обозначают подобие тому предмету, который назван производящей основой (для простых дериватов) или первым компонентом композита (для сложных дериватов). Для дальнейшего изучения бахуврихи считаем важным замечание ученого о том, что «компрессионная информация, заложенная в композите, еще более сжимается в простом производном адеквативе» и «абстрактная интенсивность признака приобретает конкретную характеристику» [там же, с. 161].

В синонимических рядах встречаются такие языковые единицы, в которых производное слово синонимично композиту с первым компонентом, являющимся однокоренным этому производному слову. Как правило, композитами являются бахуврихи, например, *смуглый* и *смуглолицый* – *со смуглым лицом*; *карий* и *кареглазый* – *с карими глазами*; *рыжий* и *рыжеволосый*, *рыжеголовый*; *русый* и *русоволосый*, *русоголовый* – *имеющий русые волосы*; *розовый* и *розовощёкий*, *розоволицый* – *с лицом, покрытым румянцем*; *красный* и *краснолицый*, *краснощекий* – *имеющий красные, румяные щеки*. Автор весьма убедителен в том, что наблюдается «особого рода параллелизм аффиксов и первых компонентов сложных слов, что позволяет увидеть, как первые компоненты сложных адеквативов словно растворяются в простых производных словах или, напротив, опорные компоненты сложных адеквативов поглощаются первыми компонентами, оказывающимися наиболее информативными» [там же, с. 161]. Это указывает на существование неразрывной взаимосвязи между словосложением и деривацией, корневыми и аффиксальными морфемами: компоненты композитов конкретизируют значения аффиксов или эксплицируют латентные компоненты семантики производных слов. Л.Н. Роженцова делает убедительный вывод о том, что любой смысловой компонент, привнесенный в дериват аффиксом или имплицитно

присущий языковой единице, может быть выявлен собственно языковыми средствами, а компоненты композитов развёрнуто представляют информацию, сосредоточенную в производных единицах, уточняют и конкретизируют ее [там же, с. 161].

Мы предлагаем собственное видение проблемы существования бахуврихи в русском языке с учетом исследований ученых Донецкой школы композитологии (В.И. Теркулов, Л.В. Соснина). Ономасиологический подход к изучению языковых единиц всех уровней, в т.ч. имен прилагательных, является наиболее перспективным в современной лингвистике. Ономасиологическая структура значения сложного слова состоит из ономасиологического базиса, указывающего на определенный понятийный класс – родовое понятие, к которому отнесено наименование, и ономасиологического признака, который указывает на видовую характеристику, определяющую референт внутри класса. В этой двухкомпонентной структуре выделяется третий компонент – предикат, который служит для установления смысловых связей между ономасиологическим признаком и ономасиологическим базисом. В основе нашего исследования лежит классификация семантических классов композитов, включающая в себя три параметра:

а) общекатегориальное грамматическое значение номинативного комплекса;

б) ЛСГОЕ (лексико-семантическая группа одноструктурных единиц) в пределах одного лексико-грамматического разряда (с указанием общеязыковой лексико-семантической группы), в которую входит данная ЛСГОЕ), построенная на основе абсолютизации архисемы композита, отнесенной к тому или иному когнитивному классу (структурно-семантическому типу концепта);

в) ономасиологическая модель номинатемы, включающая ономасиологический базис и ономасиологический признак наименования [14, с. 233].

Исследуя процессы композитостроения имен прилагательных в русском языке, мы опираемся на данную трехчленную структуру для описания универбализационных композитов, которая включает ономасиологический класс с последующим определением ономасиологического базиса и признака.

Все композиты, являющиеся предметом нашего исследования, имеют одинаковую частеречную принадлежность и относятся к именам прилагательным. Сложные имена прилагательные можно разделить на три ономасиологических класса – *физический признак лица, социальный признак лица и характеристика предмета (объекта), процесса, состояния, явления*. Дальнейшее деление осуществляется с учетом выделения ономасиологического базиса и ономасиологического признака. В нашем исследовании мы выделили 14 ономасиологических базисов – *орган, физические свойства, параметр, количественный статус, качественный статус, действие, состояние, темпоратив, объект, отрасль, процесс, фактитив, квалитатив, колоратив*, а также 20 ономасиологических признаков – *цвет, форма, размер, интенсив, нумератив, медиатив, квалитатив, фактитив, фабрикатив, финитив, трансгрессив, дистрибутив, дестинатив, локатив, темпоратив, коррелятив, каузатив, объект, направление, контрагент* [там же, с. 234].

Основные положения теории композитостроения позволяют определить три основных направления в образовании новых лексических единиц – универбализацию, деривационное композитостроение и создание единиц квазикомпозитопроизводства. В результате универбализационных процессов между словосочетанием и образованным на его базе композитом не возникает никаких семантических различий, например: *чернобровый (с черными бровями), пятилитровый (в пять литров), жаропонижающий (понижающий жар), босоногий (с босыми ногами): Не спала какая-то старуха с черными бровями, повалилась на подоконник и глядела вниз*

(В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 5 (1983); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Чернобровый Ованес читал достаточно громко, но не вращался по часовой стрелке: очевидно, официальный текст не давал ему оснований для круговой мизансцены* (Владимир Рецептер. Ностальгия по Японии (2000); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Банка с керосином, емкостью в пять литров, упала на пол, но, к счастью, удачно: отверстием вверх, так что ничего не вылилось* (М.М. Пришвин. Серая сова (1938); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Для питья по дороге покупали минеральную воду в бутылках, заливая ее в специальный пятилитровый изотермический контейнер, укрепленный на переднем багажнике* (Н. Зимин. Читатель в пути. Семейный портрет на фоне пустыни // «Вокруг света», 1997; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Между исходным словосочетанием и его словесным эквивалентом реализуются словообразовательные, так называемые межгlossовые мотивационные отношения. Для определения статуса новой лексемы и базового словосочетания вводится понятие дублет номинатемы, которое включает в свой состав оба компонента.

Преобразование словосочетания в слово при полном сохранении семантики словосочетания в получившемся композите называется универбализацией, соответственно, композиты, возникшие в результате такого преобразования, получили название универбализационных. Значительную часть таких композитов составляют *бахуврихи* – посессивные атрибутивные конструкции, в которых субъект определения находится за пределами данного сложного слова, например, *хромоногий – человек, который хромает; с хромыми ногами*. В универбализационных композитах, в т.ч. бахуврихи, ономаσιологический базис формируется на основе семантики главного слова исходного словосочетания, а признак – на основе семантики зависимой лексической единицы, например, бахуврихи *синеглазый* образуется на базе посессивного словосочетания *с синими глазами*, где слово *глаза* относим к ономаσιологическому базису «орган», а *зеленый* реализует ономаσιологический признак «цвет», например: *Через несколько минут замечаю, что к столику направляется симпатичная англичанка с синими глазами* (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Кудрявый, светлоголовый, синеглазый Есенин был немного выше среднего роста* (Любовь Волошинова. Ростовский след Серебряного века // «Ковчег», 2013; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Если говорить о структурной организации бахуврихи, важно отметить, что «модель механизма сочленения компонентов словосочетания в структуры композита ... строится на базе определения взаимосвязи и взаимозависимости двух моделей: модели исходного словосочетания и модели структуры композита» [16, с. 298]. Модель исходного словосочетания учитывает те параметры данной единицы, которые релеванты характеристикам универбализационного композита, возникшего на ее базе. В любой исходной конструкции мы выделяем количество ее компонентов, тип связи и порядок следования, а также грамматические характеристики. По количеству компонентов выделяют двух- и трехкомпонентные модели (с участием служебных слов).

Тип связи между компонентами исходного словосочетания определяет, какую синтаксическую структуру представляет словосочетание, подвергнутое универбализации в сложное слово, при этом значительная часть универбализационных композитов (в т.ч. бахуврихи) создана на базе чистых подчинительных конструкций. Для разграничения прямых и метатезных универбализаций важным является порядок

следования компонентов исходной конструкции. Для описания структурных типов бахуврихи предлагаем использовать следующую модель. Возьмем посессивную конструкцию, преобразующую элементы исходного словосочетания в форме творительного падежа единственного числа **предл + ПрилБед + СущБед** (предл – предлог, Прил – прилагательное, 5 – Творительный падеж, ед – единственное число, Сущ – имя существительное, осн – основа, инт – интерфикс, пар - парадигма), она универбилизуется по следующей модели: **оснПрилБед + инт + оснСущБед + парПрил**, например, *с круглым лицом / круглолицый*: *Это была привлекательная, маленькая женщина с круглым лицом, с черными, очень живыми глазами* (Василий Катанян. Прикосновение к идолам (1998); Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru); *Это был круглолицый и белокожий господин с большими зальсынами и редкими светлыми волосами, аккуратно зачесанными на пробор* (Андрей Волос. Недвижимость // Новый мир, 2001; Национальный корпус русского языка; www.ruscorpora.ru).

Заключение. Таким образом, нами проанализированы работы, посвященные бахуврихи в русском, английском и немецком языках. Современные лингвисты сходятся во мнении, что под бахуврихи принято понимать посессивные композиты, имеющие в своем составе более чем одну основу. В русском языке существует две разновидности бахуврихи – посессивное словосочетание и образованный на его базе композит, например, *двухэтажный – в два этажа, с синими глазами - синеглазый*. Как видно из нашего исследования, бахуврихи русского языка могут быть описаны с учетом ономаσιологического и структурного подхода, при этом мы выделяем 11 структурных моделей данных номинативных единиц. Существующие лингвистические подходы к определению бахуврихи в других языках позволяют сделать вывод о том, что данные единицы образуются путем сложения двух основ – существительное+существительное, реже существительное+прилагательное. Ученые отмечают высокую продуктивность аффиксоидов *bodied, handed, hearted, eyed, faced*, являющихся важным конструктом при образовании бахуврихи в английском языке и суффикса *-ig*, в немецком языке. Подтверждается наше мнение о том, что в прилагательных-бахуврихи субъект определения находится за пределами данного слова. Вслед за многими учеными-лингвистами признаем высокий коннотативный потенциал прилагательных-бахуврихи, а также их экспрессивно-оценочные характеристики, присущие в целом именам прилагательным. Перспективы нашего исследования видятся нам в изучении проблемы идиоматичности бахуврихи в современном русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багана Ж. Сложные прилагательные как средство формирования оценочного характера человеческого познания / Ж. Багана, О.Н. Кравченко // Научная мысль Кавказа, 2008. – Вып. 2. – С. 128–130.
2. Багана Ж. Сложные и сложнопроизводные прилагательные: способы и модели образования в антропологических характеристиках (на материале английского, немецкого и русского языков) / Ж. Багана, О.Н. Кравченко // Научная мысль Кавказа, 2013. – Вып. 2. – С. 146–150.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; [пер. с франц. Ю.Н. Караулова и др.]. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Буковская М.И. Красная шапочка, синий чулок и другие: лингвистический статус подобных единиц в современном немецком и русском языках / М.И. Буковская // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 11. – С. 3536–3540.
5. Воробей А.Н. Структура и семантика бахуврихи в американском сленге / А.Н. Воробей // Вестник МГЛУ. – Серия Филология, 2020. - №2 (105). – С. 79-85.
6. Корытова О.М. Сращение в композитном словообразовании / О.М. Корытова // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Филология, 2009. – Вып. 1 (69). – С. 38–41.

7. Кукушкина Е.А. Бахуврихи как один из видов детерминативных композитов в немецком языке / Е.А. Кукушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12 (30): в 2-х ч. Ч. 2. – С. 107–109.
8. Медведева А.В. Когнитивные механизмы формирования коннотативных семем имен прилагательных / А.В. Медведева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2009. - № 1. – С. 78–86.
9. Омельченко Л.Ф. Английская композита: структура и семантика / дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.04 текст / Л.Ф. Омельченко. – Киев, 1989. – 493 с.
10. Павленко В.Г. Способ образования и перевода сложных слов в английском языке (на материале аналитических статей) / В.Г.Павленко// Язык и культура, 2020. - №49. – С. 83-98.
11. Роженцова Л.Н. Компоненты композитов как актуализаторы элементов семантики синонимических единиц / Л.Н. Роженцова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2016. – № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 158–162.
12. Садыкова А.Г. Универсальный характер организации семантического сложения композитов / А.Г. Садыкова // Филология и культура. – 2003. – № 1. – С. 41–48.
13. Соснина Л.В. Ономаσιологический подход к изучению бахуврихи / Л.В. Соснина // Русский язык в поликультурном мире. Материалы Международного симпозиума «Великое русское слово», г. Ялта, 9-13 июня 2020 г. – С. 468-473.
14. Соснина Л.В. Адъективные композиты русского языка: структурный и ономаσιологический аспекты: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.01 текст / Л.В. Соснина. – Донецк, 2017. – 429 с.
15. Таджибова Р.Р. Антропоцентризм как признак функционирования прилагательных «бахуврихи» / Р.Р. Таджибова // Евразийский союз ученых. Филологические науки. – 2016. - № 4 (25). – С. 70–71.
16. Теркулов В.И. Бахуврихи в русском языке/ В.И. Теркулов // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2008. - № 2 (8). – С. 185–190.
17. Теркулов В.И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте: дисс. ...доктора филол. наук: 10.02.02 текст / В.И. Теркулов. – Горловка, 2008. – 472 с.
18. Файзуллина А.Г. Словосложение как способ образования инвективной лексики в разноструктурных языках / А.Г. Файзуллина // Лингвистика, 2009. – С. 87–91.

Поступила в редакцию 26.05.2023 г.

BAHUVRIHI IN LANGUAGES WITH DIFFERENT STRUCTURE

L.V. Sosnina

The article examines linguistic approaches to the definition of adjective bahuvrihi in Russian, German and English. In these languages bahuvrihi are treated as compound words with possessive meaning, formed by adding bases of nouns and adjectives. These units are characterised by a two-dimensional nomination based on quality and attribution as two types of predication. The structural and semantic features are taken into account in the analysis of bahuvrihi. It should be pointed out that it is necessary to differentiate substantive and adjective bahuvrihi with the subsequent description of their construction peculiarities. The empirical material is extracted by continuous sampling means from the Russian Language National Corpus. The method of onomasiological analysis, which enables to study the word structure, is applied to determine the onomasiological structure of linguistic units. This method is considered to be the basic one in describing adjectives from the point of view of distinguishing their onomasiological basis and onomasiological feature. The method of distributive analysis is used to evaluate the semantic identity of univerbalisation composites and producing word combinations. As a result, a conclusion can be made that bahuvrihi are formed by adding two bases – noun+noun and noun+adjective. The adjectives analysis has confirmed that the definition subject is outside the given word.

Key words: bahuvrihi, composite, onomasiological approach, adjective, derivation, word formation, nomination, structure, semantics.

Соснина Людмила Васильевна.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

Профессор кафедры английского языка.

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

Sosnina Ludmila Vasilievna.

Donetsk National Technical University.

Professor of the English Language Department.

E-mail: ludmilasosnina@gmail.com

УДК 81'373.21

ИСТОРИЯ ДОНЕЦКИХ АСТИОНИМОВ¹

© 2023 В.И. Теркулов

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Статья посвящена определению этимологий названий города Донецка, отмечаемых у него в разные исторические периоды. Автором устанавливается причина возникновения двух астионимов Юзово-Юзовка в ранней истории Донецка, один из которых (Юзово – изначально название станции) определяется как первичный, а второй (Юзовка) – как просторечный, но затем ставший официальным и вытеснивший из обихода первичное наименование. На основе этого констатируется редкая, но не уникальная модель создания города путём объединения сёл и посёлков вокруг станции и её имени. Переименование Юзовки в Сталин определяется автором как закамуфлированное под название в честь В.И. Ленина увековечивание имени И.В. Сталина. Констатируется также, что замена названия Сталин на Сталино, которое первоначально было названием станции, но широко употреблялось как альтернативный астионим, продиктована желанием, с одной стороны, унифицировать наименование города, а с другой, – избежать нежелательной омонимии астионима и исходного антропонима. В работе определяется создание в целях борьбы с культом личности названия Донецк в результате редеривации от названия Донецкой области. Представленные данные являются основой для словарных статей Донецк, Сталино, Юзовка «Словаря названий городов Донбасса».

Ключевые слова: астионим, Донецк, Юзово, Юзовка, Сталин, Сталино.

Введение. Целью нашего исследования является определение этимологии донецких астионимов, то есть названий города Донецка, отмечаемых у него в разные исторические периоды. Термин «этимология» ввёл в научный обиход Е.С. Отин, обозначивший им «причину называния, мотив первичной номинации объекта» [13, с. 8]. В отличие от этимологии, которая определяет **происхождение слова**, этимология устанавливает **причины связывания онима**, который может иметь достаточно прозрачную этимологию, например астионим *Юзовка*, вполне очевидно произведённый от антропонима *Юз*, с **обозначенным им объектом** (как будет показано ниже, связь между фамилией валлийского предпринимателя и названием местечка не так очевидна, как этимология этого названия). Иначе говоря, этимология отвечает не на вопрос «**как был образован оним?**», а на вопрос «**почему данный объект назван именно так?**».

Предлагаемый текст, являющийся научной базой для словарных статей *Донецк*, *Сталино*, *Юзовка* создаваемого на кафедре русского языка ДонГУ «Словаря названий городов Донбасса», представляет собой обобщение результатов изысканий в этой области, частично представленных нами в ряде ранее опубликованных работ (см.: [22–24]).

Несмотря на то, что исследований краеведов и лингвистов, посвящённых определению особенностей возникновения донецких астионимов, много (см., например работы Е.С. Отина, А.Р. Федониной, О. Измайлова, Е. Ясенова и др.), существует достаточно большое количество «белых пятен», попытка устранения которых и представлена в нашей статье, задачами которой являются:

1) установление причины сосуществования двух наименований *Юзово/Юзовка* в ранней истории города Донецка;

¹ Приношу искреннюю и глубокую благодарность донецкому краеведу А.Р. Федонину, предоставившему мне огромное количество материалов, необходимых для исследования.

- 2) определение особенностей создания местечка на основе анализа этиологий его первичных астионимов;
- 3) уточнение некоторых особенностей первичной этиологии названия *Сталин*;
- 4) установление причин замены астионима *Сталин* астионимом *Сталино*;
- 5) определение этиологии имени *Донецк*.

Основная часть. В донецкой истории представлено пять астионимов для главного города Донбасса: *Юзово*, *Юзовка*, *Сталин*, *Сталино*, *Донецк*. Иногда говорят о том, что Донецк в 1923 году некоторое время назывался *Троцком* (в честь Льва Троцкого). Например, в газете «Комсомольская правда» от 19.05.1989 опубликована статья доктора исторических наук Н.А. Васецкого, в которой утверждается, что «Троцкий стал первым членом политбюро, при жизни которого его именем назывались города, фабрики, коммуны и улицы. В 1923 году на карте нашей страны появилось сразу два *Троцка* – так стали называться бывшие *Гатчина* (под Петроградом) и *Юзовка* (на Украине)» [1]. Доказательств в статье не приводится, и подтверждения этому факту исследователям истории Донецка обнаружить не удалось. Убедительны, в связи с этим, доводы А.Р. Федонина, опровергающие даже не столько возможность использования данного имени для называния нашего города, сколько невозможность его обратной замены на *Юзовку*, поскольку, как следует из Постановления ЦИК СССР, именно *Юзовка* стала *Сталином*. Он пишет: «Действительно, мог ли всесильный на тот момент Л.Д. Троцкий допустить, чтобы в том же 1923 году (или в начале 1924-го) город вновь стал Юзовкой? **Ведь не «Троцк», а «Юзовку» переименовали в «Сталин» в начале 1924 года** (выделено нами – В.Т.). К тому же, повторим, документального подтверждения эта версия не имеет. А вот Троцк-Гатчину долго ещё не решались лишить именованья в честь Льва Давидовича. Лишь в 1929 году город переименовали в Красногвардейск» [27, с. 102].

Если же говорить о подтверждённых названиях города, здесь возникает некий парадокс: легко осознаваемая прямая словообразовательная связь между *Юзово*, *Юзовкой* и именем *Дж. Юза*, *Сталиным*, *Сталино* и именем *И.В. Сталина*, *Донецком* и названием реки *Донец* во многом опровергается этимологическим анализом, обнаруживающим во всех упомянутых случаях не прямую, а **опосредованную или затемнённую мотивационную связь** названий главного города Донбасса с производящими единицами.

Юзовка, Юзово

Перед тем как выдвинуть свою гипотезу возникновения первичных названий местечка, плавно перетекающую в гипотезу об особенностях создания самого населённого пункта, напомним, что астионимы по происхождению бывают двух типов: искусственные и естественные. Как известно, «в большинстве своём названия городов – продукт **искусственной номинации** (выделено нами. – В.Т.) как особого типа имьятворчества <...>. При этом достаточно часто астионимы создаются на основе наименований расположенных в этом месте примечательных географических объектов – результата **естественной номинации** (выделено нами. – В.Т.)» [11, с. 142].

Мы можем однозначно говорить об искусственности астионимов *Сталин* и *Донецк* (см. ниже), но вот *Юзово-Юзовка*, скорее всего, возникли в результате естественной номинации. Иначе говоря, приведённые названия были перенесены с другого объекта, и это подтверждается хотя бы тем, что каких-либо документов, показывающих преднамеренность создания данных наименований (как официальных – указов, приказов и т.д., так и неофициальных, например, воспоминаний жителей

местечка), у нас нет, в отличие хорошо задокументированных актов государственного именованя для названий *Сталин* и *Донецк*.

Итак, *Юзово* и *Юзовка* были первичными вариантными именами Донецка. Отмечаемая вариативность астионимов позволяет нам выдвинуть, как нам кажется, достаточно интересную гипотезу о том, как создавался город.

Традиционно считается, что Донецк был создан в 1869 г. Однако в этом году никакого *Юзово* и никакой *Юзовки* ещё не было: в 1869 году Александром II было только утверждено соглашение между Дж. Юзом и российским правительством о создании «Ново-Российского общества каменноугольного, железного, стального и рельсового производства», которое давало этому обществу право на строительство завода и железной дороги. Более того, по сути, Юзовка становится городом только 3 июня 1917 года по Постановлению Временного правительства «О преобразовании 41 сельского поселения в города, с введением в них Городового положения» [19, с. 486]. До этого у Юзовского поселения не было никакого официального статуса. Корреспондент газеты «Приморский край» пишет по этому поводу в 1899 году: *Настоящего положения в иерархии населённых мест Российской империи Юзовке, кажется, пока не отведено: она ни город, ни село, ни деревня, а так, ничем не числится* (цит. по: [8]). Это объясняют нежеланием Дж. Юза отдавать власть в поселении. Вот как это трактует А.С. Серафимович: *Земля-то, на которой стоит Юзовское поселение, принадлежит заводу, и он неукоснительно собирает с обывателей очень высокую контрибуцию за каждую пядь земли. Земство отказывается затрачивать здесь средства на организацию медицины и школьного дела, считая, что, по существу, Юзовка – город и что весь доход, какой даёт население, поступает целиком заводчикам, так что медицину и школьное дело пришлось бы организовывать на средства других плательщиков уезда, а это несправедливо* [20, с. 264]. В конце XIX в., таким образом, Юзовка была местечком с непонятным статусом. Вопрос состоит в том, как возникло это местечко.

Существует три версии создания *Юзово-Юзовки* и формирования её первичных астионимов.

Согласно первой, Юзовка возникла как **самостоятельный населённый пункт** сразу же после того, как Юз начал строительство завода. В этом случае следует говорить о мемориальном названии: *Юзовка* – поселение, созданное Юзом. Здесь, правда, есть целый ряд сомнений.

Во-первых, у стихийных поселений вокруг завода, по свидетельству очевидцев, были другие названия, никоим образом не связанные с именем Юза. Как пишет К.Г. Паустовский, «скопления землянок назывались по-разному: *Нахаловка, Собачевка, Кабыздоховка*» [17, с. 75], но вовсе не *Юзовка*.

Во-вторых, название *Юзовка* для обозначения населённого пункта отмечается нами в текстах только с 1886 года (см. ниже). Если бы посёлок возник одновременно с заводом, данный астионим стал бы известен значительно раньше (от начала строительства завода прошло 17 лет).

В-третьих, непонятно, почему возникла вариативность *Юзово-Юзовка*. Мы, конечно, можем предположить, что жители местечка не могли определиться с тем, как им лучше назвать его, и поэтому использовали два имени. Но какое-то из этих наименований должно было быть первичным. Какое и почему?

Вторая версия учитывает то, что **завод строился не на пустом месте**. Как отмечает А.А. Ектова, «уже к 1869 г. территория современного Донецка была заселена. По данным переписи 1859 г., в небольших населённых пунктах, **которые позже**

поглотила Юзовка (выделено нами. – В.Т.), проживало 2279 человек» [5, с. 54]. В связи с этим у исследователей возникает идея о переименовании какого-то уже существующего населённого пункта в *Юзово-Юзовку*. В этом случае можно было бы говорить о мемориальном **замещённом** названии. Этот населённый пункт должен был так быть связан с заводом, что даже его жители должны были бы сами использовать параллельно исконное название и название *Юзово* или *Юзовка*. Чаще всего «Протоюзовкой» считают с. Александровку, созданную как слободу поручиком Евдокимом Степановичем Шидловским в 1778 г. (народноэтимологически искажённая фамилия поручика стала основой для сохраняющегося до нашего времени названия этого села, получившего, правда, статус уже внутригородского посёлка, – *Щегловки*). Однако это утверждение не выдерживает никакой критики, поскольку, по свидетельству В.П. Степкина, *Александровка-Щегловка* «вошла в состав Донецка только в августе 1930 г.» [21, с. 3].

По мнению некоторых краеведов, Юзовка возникла на месте не Александровки, а поселения под названием *Овечий хутор*: «На месте металлургического завода в 1856 году стоял так называемый “Овечий хутор”: несколько крытых соломой хат и овчарен, кругом расстилалась голая степь. Возле угольных шахт капиталист Юз построил металлургический завод, и “Овечий хутор” был переименован в посёлок Юзовка» [6]. Но и здесь мы имеем дело с явным недоразумением. В. Морев убедительно доказывает, что населённого пункта с таким названием не существовало: «Овечий хутор – это не название самого хутора, а его хозяйственное предназначение» [12]. Этот овечий хутор, то есть, собственно, кошары, действительно, упоминался старожилами: именно на месте кошар в имении Ливенов Дж. Юз возводил завод: завод, но не город.

Неубедительность версии переименования определяется тем, что учёным не известно текстов, в которых бы астионимы *Юзово* и *Юзовка* употреблялись параллельно с каким-нибудь другим названием одного и того же населённого пункта. Но даже если мы и признаем, что в *Юзово-Юзовку* был переименован какой-то населённый пункт, остаётся непонятным, почему у него появилось два имени (а с учётом исконного – целых три!). Какое из них было первичным и почему?

Третья версия основывается на том, что даже современный Донецк представляет собой объединение старых и новых рабочих и шахтёрских посёлков. Таким же он был и в юзовские времена. В связи с этим возникает идея об обозначении астионимами *Юзово* и *Юзовка* **не какого-то отдельного посёлка, а их объединения**. При этом связь между названием поселения и именем Юза трактуется как не прямая, а опосредованная, то есть отражающая **естественную** модель астионимной номинации: существовал объект 1 (не местечко), названный в честь Юза (искусственная номинация), и имя этого объекта было перенесено на название объекта 2 – объединения посёлков, связанных с объектом 1 (естественная номинация).

Первым эту версию выдвинул Е.С. Отин, который считал, что источником наименования города было словосочетание *Юзовский завод*. Он пишет: «Первое время завод и посёлок именовались одинаково – *Юзовский завод*, но впоследствии произошло их расподобление: название посёлка принимает форму *Юзовка* благодаря «стяжению» составного топонима в одно суффиксальное слово» [13, с. 53]. Своё мнение учёный обосновывает тем, что а) так же, по его предположению, возникло название *Луганск* (из *Луганский завод*) и б) «ещё в наше время (в 60-70-е годы прошлого века) в речи греков-тюркофонов посёлка Старобешево автором было записано неофициальное народно-разговорное название областного центра – *Заут* (результат фонетической адаптации

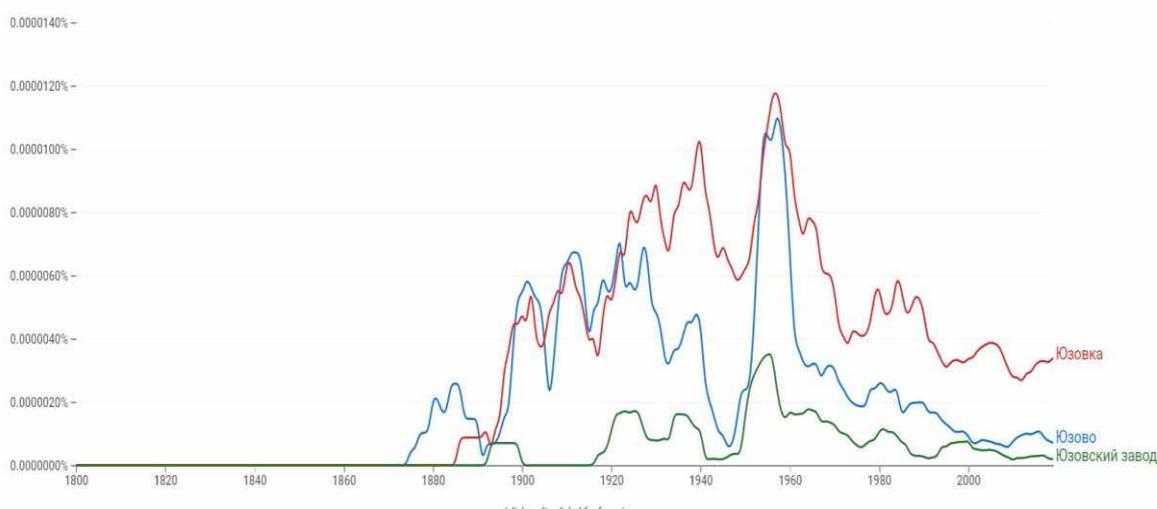
русского слова *завод*), а дороги в сторону Донецка – *Заут йол*, буквально «заводская дорога». Народная память сберегла старый топоним, которым тюркоязычные греки называли рабочий посёлок возле *Юзовского завода*» [13, с. 54]. Однако у нас есть, как минимум четыре возражения против этой версии:

1) нами не обнаружено ни одного документального подтверждения существования посёлка, называвшегося *Юзовский завод*, а следовательно название греками *Юзовки Заутом* говорит только о том, что для них город был важен как место, где расположен завод: это всего лишь метонимический перенос, актуальный только для жителей Старобешево;

2) формы *Юзово* и *Юзовка* всё-таки словообразовательно связаны с фамилией *Юз*, а не с названием завода: от словосочетания *Юзовский завод* должно было образоваться, скорее, слово *Юзовск*, а не *Юзовка* (ср.: *Луганский завод* – *Луганск*);

3) завод *Юза*, по крайней мере при его жизни (он умер в 1889 г. в Санкт-Петербурге), не называли *Юзовским*: словосочетание *Юзовский завод*, по данным корпуса Google Books Ngram Viewer, отмечается только с 1894 года, в то время как название *Юзово* – с 1872 года, а *Юзовка* – с 1886 (см. рис. 1); скорее всего, данное словосочетание обозначало **не завод Юза, а завод в Юзовке**, и возникло оно ближе к концу XIX века.

Рис. 1. Хронология частотности употребления наименований *Юзово*, *Юзовка*, *Юзовский завод*

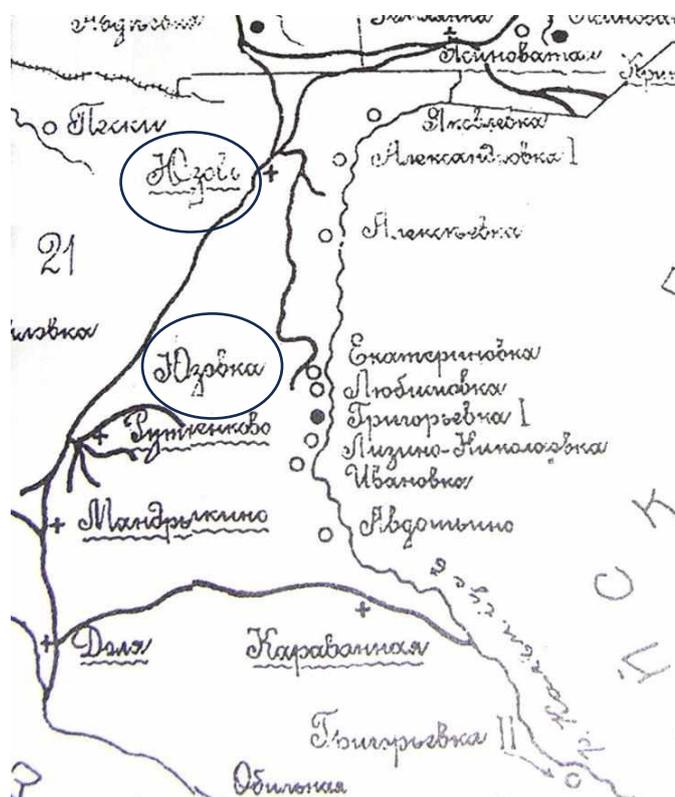
Наша версия происхождения города и его названия также основывается на представлении о *Юзовке* как об объединении посёлков. Мы предполагаем, что первым донецким астионимом было наименование *Юзово*, и оно связано с Юзом и с металлургическим заводом опосредованно: это изначально название обслуживавшей завод станции.

Вот тут и следует разобраться с целым рядом вопросов об астионимной вариативности *Юзово-Юзовка* первичного названия Донецка. Есть две проблемы, которые стоят перед исследователями: непонятно, во-первых, действительно ли оба имени были использованы для обозначения местечка, или у каждого из них была своя специализация, а во-вторых, если существовало два имени, почему их было два, какое из них было первичным? Как будет показано ниже, ответы на эти вопросы позволяют

не только дать описание первичной астионимной истории Донецка, но и формируют гипотезу об особенностях создания самого населённого пункта.

Донецкий краевед А.Р. Федонин, ссылаясь на фундаментальный труд «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского, в котором отмечается, что «верстах в 6 к. с-з. от Юзовки и в 13 к ю. от Ясиноватой расположена железнодорожная станция Юзово с грузооборотом до 25 ½ мил. п.» [18, с. 841], утверждает, что Юзово и Юзовка были не вариантами обозначениями одного населённого пункта, а связывались с разными топообъектами. По его мнению, местечко называлось Юзовка, а станция, находившаяся в 6 верстах (6,5 км) от Юзовки, – Юзово [26]. В какой-то мере это утверждение подкрепляется также разграничением на картах начала XX столетия местечка и станции (рис. 2).

Рис. 2. Юзовка и Юзово в 1911 г.

Следует, однако, помнить, что и труд П.П. Семенова-Тян-Шанского, и приведённая карта появились уже в начале XX века, когда астионим Юзовка стал употребляться для названия местечка чаще, чем Юзово, а не в конце XIX в., когда варьирование наименований Юзово/Юзовка для обозначения именно местечка имеет множество подтверждений. Е.С. Отин, например, пишет: «Действительно, в 10-20-е годы XX в. топоним Юзовка чаще употреблялся как название населённого пункта, тогда как форма Юзово преимущественно относилась к железнодорожной станции» [13, с. 54]. Однако учёный не соглашается с утверждением донецкого краеведа в том, что такая специализация наименований была изначальной, и приводит ряд доказательств в пользу того, что оба названия, по крайней мере, на ранних этапах истории города были равноприменимы: «Как равноправные оба эти варианта («местечко» Юзово или Юзовка) зафиксированы, например, во втором томе «Сборника

статистических сведений по Екатеринославской губернии», посвящённом её Бахмутскому уезду (Екатеринослав, 1886)» [13, с. 53–54]. Кроме того, «форму Юзово как название станции и обе формы – Юзово и Юзовка в качестве названия селения употребил писатель А.С. Серафимович (в рассказе «На заводе»), посетивший Юзовский завод в 1897 году» [13, с. 54]. В одном месте А.С. Серафимович пишет: *Вот, наконец, и Юзово. Небольшие, под черепицей, домики стоят необыкновенно тесно на нескончаемых улицах.* Затем в том же абзаце: *Юзовка – это целый город с тридцатью с лишним тысячным населением* [20, с. 264]. Отметим, что и в газетах конца XIX – начала XX вв. также часто отмечается параллельное употребление указанных онимов. Например, в августе 1892 г. в газете «Приморский край» в сообщении о холерном бунте в Юзовке используются как название Юзово (*3 августа в 8 часов вечера прибыл в Юзово Его Превосходительство г. вице-губернатор с двумя батальонами солдат, но бунтовавшей толпы уже не застал*), так и астионим Юзовка (*Принятые меры г. вице-губернатором предупредили возможность беспорядков как в Юзовке, так и соседних рудниках и шахтах*) [7].

Таким образом, по нашему мнению, в «Полном географическом описании...» и на картах начала XX в. отражается более поздняя тенденция к разведению названий, хотя она и в это «более позднее время» не была абсолютной (см., например, ниже примеры варьирования онимов в письмах К.Г. Паустовского 1916 г.).

Трудно предположить, что названия Юзово и Юзовка возникли автономно, независимо друг от друга, тем более что, как показано выше, они активно употреблялись как варианты названия местечка. Образование на базе официальных наименований на *-ово* разговорных наименований на *-ка* широко распространено в Донбассе (ср. *Мушкетово – Мушкетовка, Рутченково – Рутченковка* и т.д.). Наименования на *-ка* обычно не трансформировались в наименование на *-ово*, нами не обнаружено (ср.: *Горловка, Константиновка* и под., отмечаемые только в одном виде – с формантом *-ка*)². Это и позволяет предположить первичность онима Юзово, по крайней мере, с точки зрения региональных астионимных деривационных аналогий.

Абсолютно подтверждено также то, что наименование Юзово возникло в 1872 году как название станции, которая определялась как «одна из важнейших станций Мариупольской ветви, по размерам грузооборота уступающая только станциям: Мариуполь-порт, Тритузная, Горяиново и Алчевское» [30]. Станция является в это время не менее важным объектом, чем завод. В конце 1880-х гг. она становится пассажирской, и примерно с этого времени в документах появляется астионим Юзовка. По крайней мере, по данным корпуса Google Books Ngram Viewer первое задокументированное употребление слова Юзовка, как это показано на рис. 1, отмечается в 1886 году – в упомянутом выше «Сборнике статистических сведений по Екатеринославской губернии». Иначе говоря, первичность наименования Юзово подтверждается и имеющимися сейчас у нас данными о хронологии упоминаний указанных названий.

Более того, у нас есть ряд подтверждений тому, что Юзово было не просто первичным, но и некоторое время официальным названием местечка.

Показательно то, как использовал астионимы Юзово и Юзовка К.Г. Паустовский в своих письмах Е.С. Загорской 1916 года. В письме от 22 марта, ещё до приезда в

² Исключение составляет только астионим Селидово, возникший на базе комонима Селидовка, но переименование в данном случае было искусственным: в 1956 году село Селидовка получило статус города, и изменение названия связано с желанием заменить явно комонимное (сельское) наименование астионимным (городским).

Юзовку, он сообщает ей о своей «ссылке» именно в Юзово: *Зачем они мотают и мучают меня. Я не успел ещё устроиться здесь, и снова ехать в эту дыру, Юзово* [14]. В письме же от 24 марта, написанном после приезда в Юзовку, в одном абзаце он использует астионим Юзово: *В глубокой яме, в выжженной степи, в туманах пыли – грязное, полуеврейское Юзово*, а в другом – Юзовка: *Внешне все сложилось так – вызвали меня в Юзовку, на новороссийский завод, чтобы наладить здесь дело* [15]. В письме от 1 апреля 2016 г. он уже употребляет только название Юзовка: *Панкин догадался, что я был «в бегах», вскипел и дал в Таганрог телеграмму перевести меня временно в Юзовку. Юзовка – это для браковщиков считается чем-то вроде Нарымского края* [16]. О. Измайлов считает использование онима Юзово ошибкой писателя: *Юзовка (или, как её ошибочно называл тогда Паустовский, Юзово) не радовала будущего писателя* [9].

Этому противоречит множество фактов. Например, то, что в предписании, полученном К.Г. Паустовским от полковника Панкина и приведённом писателем в письме от 22.03.1916, используется именно форма Юзово: *Приказываю Вам немедленно выехать в Юзово, на юзовский завод, для временных работ по приёмке корпусов гранат. Полковник Панкин* [14].

Кроме того, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона именно название Юзово даётся как основное для обозначения, по утверждению автора словарной статьи, посада: «**Юзово** (Юзовка) – посад с упрощённым городским управлением, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, при реке Кальмиусе и балке Скоморошке, на земле Новороссийского металлургического общества» [29, с. 327]. Как видим, астионим Юзовка даётся в скобках, и это может говорить только о том, что в 1904 г. в Санкт-Петербурге он ещё воспринимался составителями словаря как вторичный, просторечный (см. рис. 3).

Рис. 3. Статья Юзово в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона

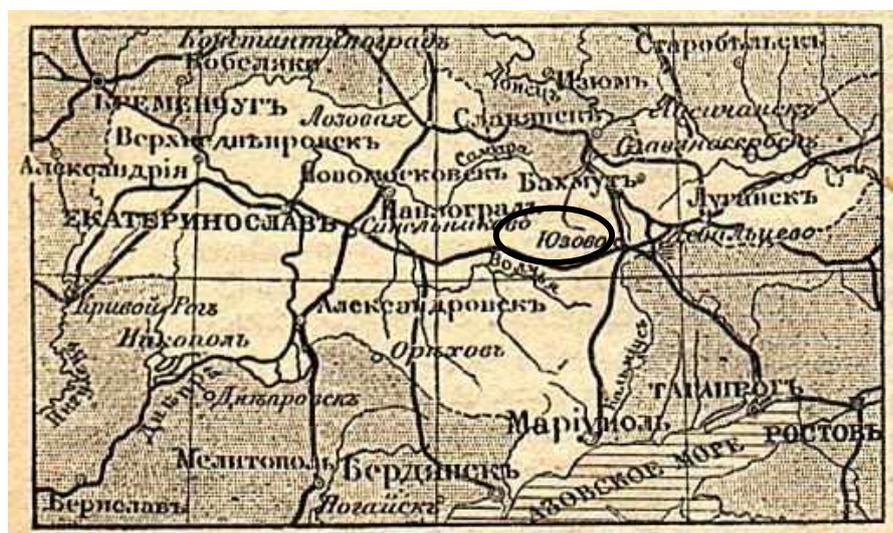
Юзово (Юзовка)—пос. съ упрощ. город. упр., Бахмутскаго у. Екатеринославской губ., при рѣкѣ Кальмиусѣ и балкѣ Скоморошкѣ, на землѣ Новороссійскаго металлургическаго общ. Основанъ въ 1869—70 гг., одновременно съ постройкой чугуноплавильн. завода, Джономъ Юзомъ, получившимъ казенную субсидію. Жит. св. 32 тыс. Прав. црк., евр. мол. домъ, церк.-приход. шк. и 2 начальн. учил. (русское и англійск.), 3 хедера; больн., врачъ, фельдшеръ; аптека; почт.-телеграфн. отд.; типогр., 5 фотогр., книж. торг.; отд. госуд. банка съ сберет. кассамп и коммисіонерство одного частнаго коммерч. банка; англійск. клубъ; нотаріусъ; потребительск. общ. служащихъ на зав. Кромѣ собственнаго владѣнія (814 дес.), Новоросс. общ. арендуетъ у сосѣднихъ владѣльцевъ до 17 тыс. дес. нѣдръ и 533 дес. поверхности, имѣя заводы: чугуно-плавильн., желѣзо-дѣлат., сталелит. и рельсопрокат., гон-

Наименование Юзово активно использовалось в это время как официальное и в документах ряда религиозных организаций. Например, в «Екатеринославских епархиальных ведомостях» используется только астионим Юзово: *Указом Святейшего*

Синода от 28 ноября 1888 г. за № 5778 при Преображенской церкви м. **Юзово** Бахмутского уезда открыт приход с причтом, из двух священников, дьякона и двух псаломщиков [2, с. 57]; Причтом м. **Юзово** Бахмутского уезда 23 июня 1889 года просвещён святым крещением мецанин города Полтавы еврей Пейсах Новак, с наречением имени Пётр [3, с. 298]; Определён окончивший курс в Екатеринославской духовной семинарии Иван Капустянский, 10 октября, в состав причта в приход местечка **Юзово** Бахмутского уезда на праздное место. Перемещён псаломщик села Кохановки Павлоградского уезда Александр Семов, 9 октября, в приход м. **Юзова** Бахмутского уезда на праздное псаломщицкое место [4, с. 368–369].

Первичность **Юзово** подтверждается, ещё и тем, что на некоторых картах конца XIX в. отмечается именно это имя города и не отмечается название **Юзовка** (см. рис. 4).

Рис 4. Карта Екатеринославской губернии к. XIX в.

Именно поэтому мы и можем говорить не об ошибке писателя, а об использовании им вначале того наименования, которое он видел в официальных документах (**Юзово**), а потом – того, которое он услышал на улицах местечка (**Юзовка**).

Приведённые выше факты свидетельствуют в пользу того, что на начальном этапе отмечается реальное варьирование **Юзово** и **Юзовка** для обозначения именно местечка, причём вариант **Юзово**, скорее всего, был хронологически первым и первичным, официальным, принятым в энциклопедиях и документах астионимом, а вариант **Юзовка** – изначально разговорным, имевшим хождение в первую очередь среди «аборигенов», а уж затем – широко распространившимся и вытеснившим название **Юзово**.

Всё это позволяет предположить, что в основе названия местечка **лежит название не завода, а станции**, поскольку изначально **Юзовом** называлась именно станция. Процесс перенесения названия станции на название местечка здесь вполне объясним и допустим: в сознании носителей языка название станции обычно дублирует название населённого пункта, в котором она расположена. Ср., например, ст. **Константиновка** и г. **Константиновка**, ст. **Мариуполь** и г. **Мариуполь** и т.д. Однако в 1872 году никакого населённого пункта с названием **Юзово** не существовало: существовала только станция с таким названием. Произошла, так сказать, онимная метонимия, расширение значения топонима, которое и объединило в сознании приезжих и «аборигенов» в один

населённый пункт ряд рабочих посёлков, связанных со станцией и располагавшихся по пути от неё до завода. Затем в народной речи на базе слова *Юзово* образовался разговорный вариант *Юзовка*, который вытеснил из обихода исконное наименование, оставив его обозначением станции.

Кстати, создание городов вокруг станций, объединяющих ряд поселков, – процесс не уникальный. Например, вокруг станции *Вичуга* в Ивановской области вырос город *Вичуга*, объединивший в 1925 году три десятка населённых пунктов (19 рабочих посёлка, 5 промзон, одно село и 5 деревень). Согласно наиболее распространённой версии, попавшей практически во все путеводители, город «назван по имени железнодорожной станции (первоначальное её название Новая Вичуга). Станция же своим названием обязана старейшему населённому пункту окрестностей – селу Вичуге (в 1938 году бывшее село преобразовано в посёлок Старая Вичуга)» [32].

Таким образом, мы можем предположить, что создание нашего города отражает не уникальные, но все-таки достаточно редкие процессы объединения расположенных рядом поселков (*Александровки, Гладковки, Семёновки* и т.д.) вокруг станции и перенесения названия станции на это объединение, трансформирующее, в сущности, его в единый населённый пункт – местечко *Юзово/Юзовка*.

Сталин, Сталино

Как утверждается в большинстве публикации о первичной этиологии г. Сталин, основанной на данных донецкого краеведа А.Р. Федонина, это название города связано (с некоторыми оговорками) с именем В.И. Ленина (см, например: [25, с. 293]). Мы всё-таки должны сделать некоторые уточнения.

Напомним, что, согласно найденным А.Р. Федониным документам, 8 марта 1924 г. пленум Юзовского окружного исполкома вынес решение о переименовании г. *Юзовки* в г. *Сталин*. 9 марта на торжественном заседании Юзовского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов с участием профессиональных союзов председателем юзовского горисполкома Н.И. Шкадиновым были даны разъяснения по поводу того, почему исполком предложил именно такое переименование города, которое связывалось с идеей увековечивания в его названии имени В.И. Ленина, умершего 21 января 1924 года. В опубликованной А.Р. Федониным выписке из протокола этого заседания приводятся слова Н.И. Шкадинова: «По условиям нашего округа, где у нас преобладает **стальная промышленность** (выделено нами. – В.Т.), а сама революция, изображающая, по словам тов. Ленина, локомотив, сделанный из **стали** (выделено нами. – В.Т.), на котором был машинистом тов. Ленин. Исполком считает, что символом, характеризующим нашего вождя тов. Ленина, будет **“СТАЛЬ”** (выделено нами. – В.Т.) и решил поименовать г. Юзовку – город Сталиным, а округ и завод Сталинским...» (цит. по: [25, с. 293]). И далее: «Переименование города Юзовки в Сталин вполне приемлемо, т.к. его стальным последователем является тов. *Сталин*. Это имя дала ему партия, т.к. он был твёрд и непоколебим, как сталь. Мы же должны быть так же тверды и непоколебимы, как сталь. Сталь будет нашим символом, и всякая попытка ненавистников стальных идей тов. Ленина разобьётся о стальную стену» (цит. по: [25, с. 293]).

Выскажем наши сомнения не по поводу первоначального ленинского мотива номинации города: он действительно был, и это подтверждено документально, а по поводу того, насколько случайно совпало название города с партийным псевдонимом Йосифа Джугашвили.

Как показывает вышеприведённый текст, Н.И. Шкадиновым было использовано три обоснования обозначения города именем *Сталин*:

1. У нас «преобладает стальная промышленность».

2. Сталь – символ, который характеризует В.И. Ленина, потому что он «машинист стального локомотива революции».

3. Стальным последователем тов. Ленина является тов. Сталин, причём «это имя дала ему революция».

Из всех этих аргументов признаем всё-таки убедительным только последний. Скорее всего, именно имя товарища Сталина было главным в этом ряду, а все остальные аргументы приводились только «для отвода глаз».

Во-первых, абсолютно непонятно использование суффикса *-ин* для образования слова от лексемы *сталь*: нами не обнаружено для неё ни одного апеллятивного производного с данным аффиксом.

Во-вторых, для формирования астионима логичнее было использовать естественные дериваты от слова *сталь*. Об этом, кстати, пишет и А.Р. Федонин: «Эта кампания (по переименованию г. *Сталина* в г. *Донецк*) породила категорическую версию, что, мол, переименование *Юзовки* в *Сталино* (название *Сталин* «забылось») произошло исключительно в честь стали. Но в таком случае название могло быть и более прямолинейным: *Стальград*, *Стальск*, *Сталеварск* и т.п. К тому же, если бы имя Сталина не имело к городу отношения, стоило ли его переименовывать? А уж документы полностью доказывают ошибочность этой идеи» [25, с. 299].

В-третьих, желанием показать тов. Сталину связь именно его псевдонима с названием города было одно очень интересное решение в протоколе о переименовании: «4) Тов. Сталина избрать почётным забойщиком и почётным членом Горсовета» (цит. по: [25, с. 294]).

Именно поэтому ленинский мотив именованья был очень скоро забыт, и практически сразу ни у кого не возникало сомнений о связи астионима с именем И.В. Сталина. Например, в протоколе Малого Президиума ВЦИК Украины от 22 апреля 1924 г. читаем: «Слухали: <...> 20. Прохання Юзівського ОКВ про зміну назви м. Юзівки й Юзівської округи, назвавши їх ім. **Сталіна** (выделено нами. – В.Т.) (докл. т. Буценко)» (цит. по: [25, с. 293]). Связь с именем Ленина в протоколе уже не отмечается. Точно так же воспринимали название города и жители Донбасса, так им объясняли мотивы переименования и средства массовой информации. Например, в газете «Кочегарка» в марте 1924 года читаем: «Юзовские Горсовет и Окрисполком постановили переименовать Юзово **в город т.<оварища> Сталина** (выделено нами. – В.Т.)» (цит. по: [28])

Отметим, что наш *Сталин* стал первым городом, названным в честь вождя. Следующим в 1925 году был переименован в *Сталинград* Царицын, в 1929 г. *Сталинбадом* стал Душанбе, в 1932 г. *Сталиниси* стал называться грузинский городок Хашури, а *Сталинском* – Новокузнецк и т.д. Интересно то, что и зарубежные города некоторое время носили имя Сталина: в 1949–1956 *Сталином* называлась болгарская Варна, в 1950–1960 – румынский Брашов носил имя *Орашул-Сталин*, а в период с 1953 по 1956 *Сталиногрудом* были польские Катовицы. По нашим сведениям, существовало как минимум 12 городов, в чьих названиях отразилось имя Сталина, но хронологически первым из них была Юзовка.

Итак, в результате бюрократических согласований, кстати, очень недолгих (см. перечень документов в [25, с. 290–300]), 6 июня 1924 г., то есть спустя почти 3 месяца после торжественного заседания в Юзовке, было принято решение переименовать г. *Юзовка* в г. *Сталин*, округ *Юзовский* – в *Сталинский* и ст. *Юзово* Екатерининской ж. д. в ст. *Сталино*.

Здесь те, кто переименовывал, наступил на те же грабли, что были и у Юзовки: город и станция назывались не одинаково, но эта неодинаковость была малозаметной, и, видимо, поэтому все, как на официальном, так и на неофициальном уровнях, постоянно путались, называя город то *Сталин*, то *Сталино*, поскольку приезжали люди на вокзал не в Сталин, а в Сталино.

В конечном итоге достаточно быстро название *Сталин* было замещено названием *Сталино*. А.Р. Федонин и Е.С. Отин считают, что выбор именно этого имени обусловлен тенденцией к «украинизации» (выделено нами – В.Т.) целого ряда названий населённых пунктов при помощи окончания среднего рода» [13, с. 57]. Говоря о версии А.Р. Федонина, Е.С. Отин писал: «Как правильно считает донецкий историк, утверждению формы Сталино (укр. Сталіне) способствовала искусственная “коренизация” (украинизация) целого ряда названий населённых пунктов при помощи окончания среднего рода (укр. -е, русск. -о: Сталіне (Сталино) вместо Сталін (Сталин). И если названия городов с исходной частью -ське в русскоязычном Донбассе не прижилось (в живой речи никогда не употреблялась форма *Артемівське*, а только *Артемівськ* или *Артемовск* и т.д.), то отличная от них форма *Сталіне (Сталино)* сохранилась» [13, с. 57].

С этим мнением трудно согласиться.

Во-первых, непонятно, почему украинизация остановилась только на одном городе – *Сталине*: списка других украинизированных названий городов **не приводится**, а нам не удалось обнаружить в астионимах не только Донбасса, но и других регионов, в которых проводилась политика коренизации, следов «украинизации названий ряда городов».

Во-вторых, вызывает сомнение сам факт переименования для поддержания политики украинизации города, связанного с именем Сталина. Если бы это действительно проводилось как акт «коренизации», и на это было бы получено разрешение сверху, он бы был широко «распиарен», как мы сказали бы сейчас, поскольку все действия, связанные с коренизацией, в то время широко обсуждались в прессе (см. об этом: [10, с. 544–545]). Но этого не было, да и не могло быть: с именем Сталина так обращаться нельзя. Тем более, что название на *-ино* – явно не городское: при помощи этого форманта образовывались в основном названия сёл. Использование его должно было иметь более весомые причины, чем политика коренизации: замена топонима *Сталин* на *Сталино* внешне очень уж похожа на замену, связанную с изменением статуса «город – село». Но изменения статуса не произошло, а значит те, кто переименовывал, сознательно шёл на такое изменение названия, пренебрегая традициями восприятия городского / сельского имени.

В-третьих, названия городов и посёлков на *-ино (-іне)* – не являются признаком украинских ономастических номинативных практик. С одной стороны, в России мы обнаруживаем огромное количество таких названий **городов**, например *Бородино* в Красноярском крае, *Ермолино* в Калужской области, *Княгинино* в Нижегородской области, *Красавино* в Вологодской области и т.д. (около 80 названий). С другой стороны, нами найдено **всего 8 городов** бывшей Украины, чьи названия заканчиваются на *-ино*. При этом 3 города находятся в бывшей Луганской (*Ирмино*, *Лутугино*, *Сорокино*), 2 – в бывшей Донецкой (*Моспино* и старое название Красноармейска – *Гришино*) и по одному – в Днепропетровской (*Прищепино*), Черкасской (*Ватутино*, появившееся в 1949 г.) и Полтавской (*Глобино*) областях. Как видим, преимущественно этот формант используется в русскоязычных регионах, явно при образовании названий от русских имён.

В-четвёртых, на почтовых марках того времени обычно приводится не украинизированное название *Сталіне*, а транслитерированное русское *Сталино* (см. рис. 5), что подтверждает первичную трансформацию названия именно в русском языке и транслитерацию русского слова в украинском языке. Что же касается отмечаемого в 30-е годы, кстати, во время свёртывания украинизации, написания *Сталіне*, то оно вполне очевидно было переводом на украинский язык уже существующего русского наименования *Сталино*.

Рис. 5. Почтовые штемпели.

Отметим, кстати, что нами обнаружена парадоксальная ситуация, когда в украинском варианте названия города сохраняется старое наименование – *Сталін*, а в русском – новое: *Сталино* (Рис 6)

Рис.6. Почтовая открытка к. 20 – н. 30 г. XX столетия

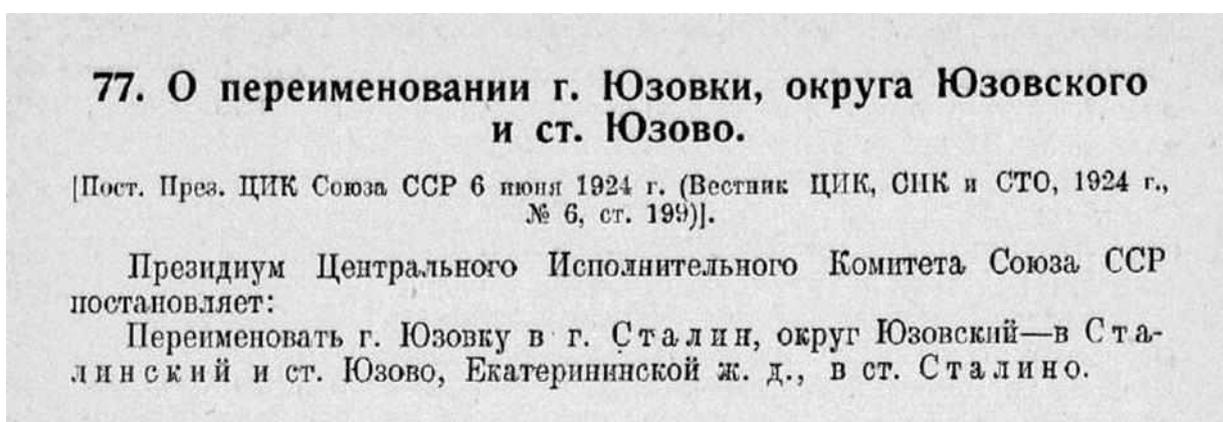

Ну и в конце концов возникает вполне резонный вопрос: почему авторы украинизаторской версии пренебрегают тем фактом, что название Сталино уже существовало, оно активно употреблялось как вариантное для обозначения города, причём очень часто и на официальном уровне, и его не нужно было выдумывать для того, чтобы удовлетворить коренизаторов: это было название станции (см. рис. 7). При этом в 20-е годы, как и в случае с *Юзово-Юзовка*, вариативность наименований города

Сталин-Сталино вполне объяснима: у подавляющего большинства станций название совпадает с названием города, в котором эта станция находится. Исключения редки, и они обычно связаны с принципиально различающимися наименованиями, например Никитовка в Горловке, Мушкетово в Донецке и т.д. В тех же случаях, когда названия города и станции различаются только одной буквой, возникает неразбериха. Если на железнодорожных билетах написано, что поезд идёт до *Сталино*, то, вероятно, путешественник предполагает, что он едет именно в *Сталино*, а не в *Сталин*.

Иначе говоря, мы все-таки считаем, что замена *Сталин* на *Сталино* представляет собой перенос названия станции, которая согласно решению Малого Президиума ВЦВК от 22 апреля 1924 года получила вместо названия «станция Юзово» название «станция Сталино», на название города.

Рис. 7. Постановление о переименовании г. Юзовки и ст. Юзово

Кстати, Е.С. Отин всё-таки вспоминает о станции и даёт, на наш взгляд, более точное объяснение причин замены наименования: «Территориальная близость (а затем и общность), экономическое единство быстро растущего промышленного города и его железнодорожной станции привело к появлению единого для них имени (**что вообще типично для названий городов и их станций**) (выделено нами – В.Т.). Более всего подошёл для этого вариант среднего рода, так как имеющееся в нем окончание **выполняло топонимообразующую функцию, формально отличая его от антропонима Сталин** (выделено нами – В.Т.)» [13, с. 57].

Иначе говоря, никакая не украинизация, а абсолютно другие факторы стали причиной выбора имени *Сталино* для города.

1. Предпосылкой выбора одного названия из двух стала избыточность наименований, которая могла стать причиной неразберихи.

2. Вхождение в состав города территории станции привело к осознанию станции не как отдельного топографического и топонимического объекта, а как части города, что потребовало унификации названия города и станции во избежание недоразумений, в первую очередь для военных нужд.

3. Выбор варианта *Сталино*, как нам представляется, обусловлен стремлением избавиться от нежелательной омонимии: согласитесь, даже такие невинные фразы, как *Я родом из Сталина*, *В Сталине борются с самогонщиками*, *По Сталину ходят бродячие собаки* и т.д., выглядят достаточно двусмысленно и треплют всеу имя вождя всех народов, становясь поводом для шуточек акул мирового капитала и их приспешников, что допустить абсолютно невозможно. Единственное: переименование

города с таким названием должно было пройти незаметно. Нельзя было убрать из названия имя Сталина: это могло стать причиной достаточно болезненных обсуждений. Помогла ситуация с двойным именем: при переименовании просто использовали одно из имён города, которое по законам того времени для различения городов на -о и без -о не склонялось (например, *Киров – Кирово*).

Мы можем предположить, что официальное переименование произошло в 10–20 числах марта 1932 г. и во избежание кривотолков (любое переименование объектов, связанных с именем вождя, – это всё-таки, согласитесь, явление прецедентное) не афишировалось. Думаю, нам ещё предстоит поработать в архивах, дабы найти нужный нам документ о переименовании. Он был обязательно. Мы можем даже определить дату его появления, на которую указывают обнаруженные донецким краеведом Е. Ясеновым изменения названия города в официальном печатном органе сталинского горкома КП(б)У, горсовета и Городского совета профсоюзов – ежедневной рабочей газете «Диктатура труда», которая 21 марта 1932 г. вышла в городе Сталин (фото 8), а 23 марта – в городе Сталино (фото 9) (см.: [31]).

Фото 8. Газета «Диктатура труда» от 21 марта 1932 г. (Сталин)

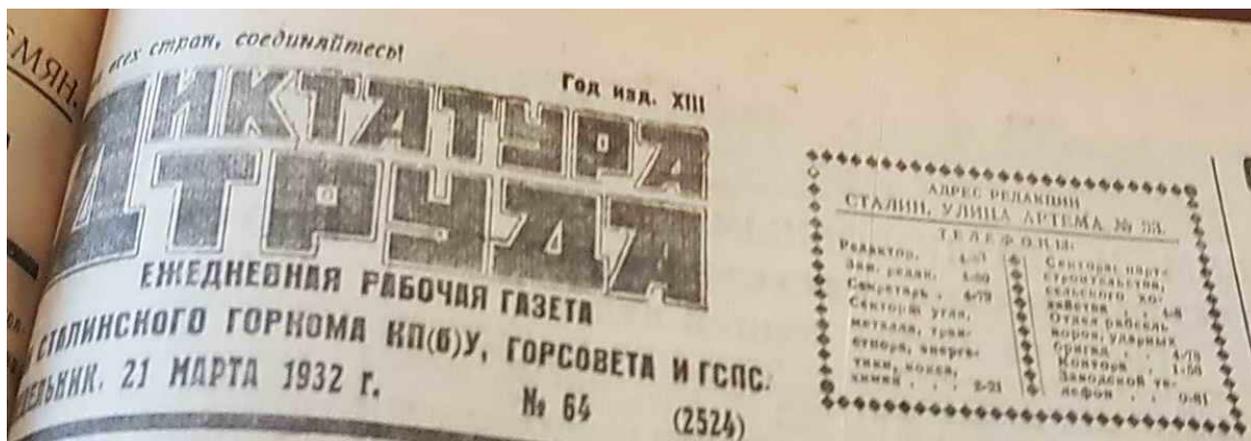

Фото 9. Газета «Диктатура труда» от 23 марта 1932 г. (Сталино)

Думаем, не нужно доказывать, что такие изменения не могли произойти исключительно по желанию редактора: вероятнее всего, он получил чёткую директиву сверху, предписывающую ему поменять в шапке название города. И такая директива

должна была основываться на некоем государственном документе, который, к сожалению, мы не можем пока обнаружить, но который обязательно должен существовать.

Донецк

История переименования Сталино в Донецк не вызывает ни у кого сомнений. Абсолютно очевидно, что после развенчания культа Сталина город должен был получить другое имя, даже несмотря на то, что в 1924 году юзовские большевики связывали это название со сталью (впрочем, как было показано выше, никого они обмануть не смогли). Заметим, правда, что переименование произошло только в 1961 году, то есть через восемь лет после смерти Сталина и через пять лет после доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС. Впрочем, именно в ночь с 31 октября на 1 ноября 1961 года тело Сталина вынесли из мавзолея, что и стало, скорее всего, сигналом к борьбе с умершим (на всякий случай выдержали паузу: а вдруг...)

Как написано в указе Верховного Совета УССР от 9 ноября 1961 г., «принимая во внимание пожелания коллективов предприятий, шахт, строек, совхозов, колхозов, научных учреждений и учебных заведений, а также ходатайство общественных организаций Сталинской области, Президиум Верховного Совета Украинской ССР постановляет: “Переименовать Сталинскую область в Донецкую, а город Сталино – в Донецк”» (цит. по: [25, с. 299]).

Такое решение, по свидетельству старожилов, очень удивило жителей *Сталино*: где мы, а где река *Донец*, находящаяся от Донецка примерно в 150 км, название которой явно обнаруживается в названии города. Реальными *Донецками*, непосредственно связанными с рекой, был *Славяносербск*, называвшийся *Донецком* в 1784–1817 гг., когда он был центром *Донецкого уезда*, были и остаются *Донецк* в Ростовской области, до 1951 г. называвшийся станицей *Гундоровской*, а с 1951 по 1955 – *Гундоровкой*, а также *Северодонецк*, до 1950 г. назвавшийся *Лисхимстроем*.

Наиболее убедительной нам представляется идея Е.С. Отина, констатирующая факт своеобразной астионимной редеривации. Скорее всего, первоначально было решено переименовать область. Как известно, атрибут Донецкий, Донецкая связан как с самой рекой Донец, откуда упоминавшийся выше Донецкий уезд с центром в Донецке-Славяносербске, так и с **Донецким каменноугольным бассейном**, откуда:

1) Донецкая область в составе Донецко-Криворожской республики с центром в Никитовке, Горловке, объединявшая советы и военно-революционные комитеты на территории Донецкого угольного бассейна с декабря 1917 по апрель 1918 года;

2) Донецкая губерния с центром в Луганске, образованная 5 февраля 1919 года декретом Совета народных комиссаров Украинской ССР (Совнаркома УССР) «О создании Донецкой губернии» и просуществовавшая до 1925 г., разделившись на Артёмовский, Луганский, Мариупольский, Старобельский и Сталинский округа;

3) Донецкая область с центром в г. Артёмовске, выделенная 2 февраля 1932 года постановлением ВУЦИК из состава Днепропетровской и Харьковской областей. Однако уже 17 июля 1932 г. центр Донецкой области был перенесён в Сталино, и область переименовали в Сталинскую.

Таким образом, у властей предрержавших особо и выбора не было: они просто вернули области старое название. И уже от него было образовано название столицы этой области. Как справедливо пишет Е.С. Отин, «переименование в 1961 г. началось, по сути, с возвращения в топонимию Украины уже существовавшего ранее названия области, мотивированного названием *Донецкий бассейн* (сокращённо *Донбасс*). И уже

на базе этого возвращённого названия области искусственно (на этот раз удачно) было образовано название её центра – *Донецк*. Таким образом, этот процесс имел нетипичное – «обратное» направление: не область получила своё имя от административного центра (как в большинстве случаев типа: *Киев* → *Киевская область*, *Харьков* → *Харьковская область* и под.), а наоборот – имя её центра “вычленилось” из структуры названия области. Механизм появления таких слов в лингвистике определяется термином “обратное словообразование”» (или редеривация. – В.Т.) [13, с. 57–58].

Заключение. Итак, наше исследование показало, что градообразующим объектом, давшим первичное имя местечку, предположительно была станция *Юзово*, объединившая под своим названием ряд посёлков, находившихся на пути от неё к заводу. На основе наименования *Юзово* возник разговорный астионим *Юзовка*, вытеснивший из обихода астионим *Юзово*, сохранившийся только как название станции. В 1924 г. официально – для увековечивания имени В.И. Ленина, но, точнее, для возвеличивания имени И.В. Сталина – *Юзовка* получила имя *Сталин*, которое в 1932 г. было заменено на *Сталино*, изначально официальное название станции, для унификации городского наименования и во избежание нежелательной омонимии с именем вождя. В 1961 г. название *Сталино* было заменено названием *Донецк*, возникшим в результате редеривации на основе словосочетания *Донецкая область*. Предлагаемая статья является научной заготовкой для Словаря названий городов Донбасса (словарные статьи *Донецк*, *Сталино*, *Юзовка*). В дальнейших работах мы предполагаем дать описание этиологий названий других городов Донецкого каменноугольного бассейна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васецкий, Н.А. Я не гожусь на вторые роли / Н.А. Васецкий // Комсомольская правда. – 19.05.1989.
2. Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1889. – № 3 (1 февраля). – Отдел официальный.
3. Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1889. – № 17 (1 сентября). – Отдел официальный.
4. Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1889. – № 21 (1 ноября). – Отдел официальный.
5. Ектова А.А. Личность на фоне эпохи: вклад И.М. Ектова в развитие металлургической промышленности Донбасса / А.А. Ектова // Начало. – 2019. – № 1. – С. 54–58.
6. Згинник Е. Немного об Овечьем хуторе: по материалам газеты Соц. Донбасс. – 1937. – 15 сент. (№ 212) / Е. Згинник // Сталино – город гостеприимный. – Режим доступа: <https://www.facebook.com/484161891696801/posts/823312921115028/> (дата обращения: 21.07.21).
7. Згинник Е.О холерном бунте в Юзовке или местечке Юзово / Е. Згинник // Говорит Донецк. – Режим доступа: <https://fromdonetsk.net/o-kholernom-bunte-v-yuzovke-ili-mestechke-yuzovo.html> (дата обращения: 21.02.23).
8. Згинник Е. «Выросла Юзовка, как гриб» // Донецкий: авторский сайт Е. Ясенова. – Режим доступа: <http://donjetsk.com/retro/27992-vyrosलयuzovka-kak-grib.html> (дата обращения: 21.02.23).
9. Измайлов О. От Киева до Севастополя, от Донбасса до Одессы. Юг России Константина Паустовского / О. Измайлов // Украина.ру. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/history/20200531/1027843443.html> (дата обращения: 21.02.23).
10. Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта / В.В. Корнилов. – М.: Питер, 2017. – 800 с.
11. Мадиева Г.Б. Научная, народная и кабинетная этимология астионимов (на материале названий городов Республики Казахстан) / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун, Г.А. Борибаетова // Вопросы ономастики. 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 140–161.
12. Морев В. По следам легендарного суслика / В. Морев // Донецкий: авторский сайт Е. Ясенова. – Режим доступа: <http://donjetsk.com/retro/16645-po-sledam-legendarnogo-suslika.html> (дата обращения: 21.02.23).

13. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса / Е.С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2014. – 199 с.
14. Паустовский К.Г. Письмо Е.С. Загорской от 22 марта 2016 г. // Константин Паустовский. – Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-21.htm> (дата обращения: 21.02.23).
15. Паустовский К.Г. Письмо Е.С. Загорской от 24 марта 2016 г. / К.Г. Паустовский // Константин Паустовский. – Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-22.htm> (дата обращения: 21.02.23).
16. Паустовский К.Г. Письмо Е.С. Загорской от 1 апреля 2016 г. / К.Г. Паустовский // Константин Паустовский. – Режим доступа: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/letters/letter-23.htm> (дата обращения: 21.02.23).
17. Паустовский К.Г. Беспокойная юность / К.Г. Паустовский. – М.: Аст-рель, 2006. – 258 с.
18. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. / Под ред. П.П. Семенова-Тян-Шанского. – Т. XIV: Новороссия и Крым: [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губернии, области Войска Донского и Ставропольской губернии]. – СПб. 1910. – 983 с.
19. Сборник указов и постановлений Временного правительства. – Петроград, 1918. – Вып. № 2, ч. 1. – № 23. – С. 484–489.
20. Серафимович А.С. На заводе / А.С. Серафимович // Открытие страны огня. – Донецк: Донбасс, 1978. – С. 259–275.
21. Стёпкин, В.П. Полная история Донецка: историко-краеведческий очерк / В.П. Стёпкин, В.И. Гергель. – Донецк: Апекс, 2008. – 560 с.
22. Теркулов В.И. История астионимов Донецка: Юзово и Юзовка / В.И. Теркулов // Ономастика Поволжья: материалы XIX Международной научной конференции, посвящённой 220-летию со дня рождения лексикографа, собирателя фольклора и русского писателя В.И. Даля. Оренбург, 11–12 ноября 2021 г.; науч. ред.: Е.Н. Бекасова, В.И. Супрун; сост.: П.А. Якимов. Оренбургский государственный педагогический университет. – Оренбург: Издательство “Оренбургская книга”, 2021. – С. 265–271.
23. Теркулов В.И. Астионим Юзовка: к проблеме этимологии первого названия города Донецка / В.И. Теркулов // XIV Международные Крымские Михайловские литературно-онимастические чтения (10 сентября 2020 г.) : Материалы конференции / Ред. В.М. Калинин, А.В. Петров. – Симферополь, 2021. – С. 188–192.
24. Теркулов В.И. История названий города Донецка: Юзово, Юзовка, Сталин, Сталино / В.И. Теркулов // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – С. 66–69.
25. Федонин А.Р. Знакомство с историей / А.Р. Федонин. – Донецк: Сталкер, 1997. – 448 с.
26. Федонин А.Р. Между Юзовкой и Донецком / А.Р. Федонин // Донецк: история, события, факты. – Режим доступа: <https://infodon.org.ua/uzovka/615> (дата обращения: 21.02.23).
27. Федонин А.Р. Донецкие именованья в тумане дезинформации / А.Р. Федонин // Страницы истории Донбасса: Юзовка-Донецк : сборник материалов Юзовских чтений (г. Донецк, 7 марта 2023 года) / Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н.К. Крупской ; сост. И.А. Говорова ; науч. ред В.Г. Юшковец ; ред. И.Л. Барыбина ; отв. за вып. М.А. Морозова. – Донецк, 2023. – С. 101–106.
28. Федько А. Юзовку переименовали в Сталин / А. Федько // Донецк: история, события, факты. – Режим доступа: <https://infodon.org.ua/uzovka/552> (дата обращения: 21.02.23).
29. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб, 1904. – Т. XLI (81). – 586 с.
30. Ясенов Е. Что за станция такая? / Е. Ясенов // Донецкий. Авторский сайт Е. Ясенова. – Режим доступа: <http://donjetsk.com/retro/2112-что-за-станция-такая.html> (обращение: 21.02.2023).
31. Ясенов Е. Меняем «Сталин» на «Сталино» / Е. Ясенов // Донецкий. Авторский сайт Е. Ясенова. – Режим доступа: <http://donjetsk.com/retro/13063-menyuem-stalin-na-stalino.html> (дата обращения: 21.02.2023).
32. См.: Вичуга: достопримечательности. – Режим доступа: <https://culttourism.ru/ivanovskaya/vichuga/>, Вичуга. Россия – Путешествия на карте. – Режим доступа: <https://tropki.ru/rossiya/ivanovskaya-oblast/vichuga> и др. (дата обращения: 21.02.23).

Поступило в редакцию 11.05.2023 г.

HISTORY OF DONETSK ASTIONYMS

V.I. Terkulov

The article is devoted to the definition of the etiology of the names of the city of Donetsk, celebrated in it in different historical periods. The author establishes the reason for the existence of two astyonyms Yuzovo-Yuzovka in the early history of Donetsk, one of which (Yuzovo - originally the name of the station) is defined as primary, and the second (Yuzovka) - as colloquial, but then became official and displaced the primary name from use. Based on this, a rare, but not unique model for creating a city by combining villages and towns around the station and its name is stated. The renaming of Yuzovka to Stalin is determined by the author as camouflaged under the name in honor of V.I. Lenin perpetuating the name of I.V. Stalin. It is also stated that the replacement of the name Stalin with Stalino, which was originally the name of the station, but was widely used as an alternative astyonym, is dictated by the desire, on the one hand, to unify the name of the city, and on the other hand, to avoid unwanted homonymy of the astyonym and the original anthroponym. The paper defines the creation of the name Donetsk in order to combat the cult of personality as a result of rederivation from the name of the Donetsk region. The presented data are the basis for the dictionary entries Donetsk, Stalino, Yuzovka "Dictionary of the names of the cities of Donbass".

Key words: astyonym, Donetsk, Yuzovo, Yuzovka, Stalin, Stalino.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».

Заведующий кафедрой русского языка.

E-mail: v.terkulov@donnu.ru

Terkulov Vyacheslav Isayevich.

Doctor of Philology, Professor.
Donetsk State University.

Head of the Russian Language Department.

E-mail: terkulov@rambler.ru

УДК 070:791

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА

© 2023 *И.М. Артамонова, Ц.А. Антоненко*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

На сегодняшний день Донбасс остаётся одной из самых динамически трансформирующихся территорий на мировой карте, горячей точкой и красной линией. Преобразуются его политическая, экономическая и социальная системы, меняются их границы. В такой ситуации особую роль играет изучение и глубокое понимание информационных процессов в коммуникационной сфере региона. Данная статья направлена на анализ преобразований информационного пространства Донбасса, его медиасистемы как структурного стержня информационного пространства. Мы ставим своей основной целью выявить динамику заданных преобразований, проследить их от момента зарождения журналистики в Донбассе до развития медиасистемы в настоящее время и предсказать дальнейшие трансформации, которые возможны в структуре информационного пространства Донбасса. Мы проанализируем не только средства массовой информации и коммуникации, существующие в Донбассе, процесс их зарождения, преобразования и развития, но и тематику контента, которую они формируют. Обратимся к анализу научной литературы, чтобы представить собственное понимание актуальных для данной статьи понятий и терминов. Выводы, представленные в данной статье, послужат основой для исследования медиасистемы и информационного пространства современного Донбасса.

Ключевые слова: медиасистема, структура, информационное пространство, структурные трансформации, СМИ, Донбасс, преобразования.

Изучение СМИ и журналистики началось в середине прошлого века, когда ряд исследователей из разных стран мира заинтересовались вопросом взаимодействия различных медиа в структуре одного государства. Заинтересованность эта была вызвана, в первую очередь, пониманием того, что медиа не могут функционировать изолированно от прогресса информационно-коммуникационных технологий и социальной динамики развития государства. При этом развитие национальных медиасистем в каждый отдельный период было тесно связано и определялось изменениями в политике, экономике, технологиях, законодательстве, что вызывало необходимость при стремительно развивающихся средствах связи и передаче информации в изучении и обобщении как теоретических, так и практических подходов к осознанию задач, функций и элементов влияния этого явления на всё национальное информационное поле.

В современной коммуникативистике есть чёткое представление структуры информационного пространства, которая включает в себя следующие базовые элементы [8]:

1. Развитая и совершенствуемая система коммуникационных технологий (т.н. медиасистема);
2. Аудитория, способная к восприятию информации через каналы медиа (посредством этой медиасистемы);
3. Система международного информационного взаимодействия (расширение национальной медиасистемы).

Таким образом, мы видим, что сама по себе медиасистема в том или ином виде является главным структурным компонентом формирования, развития, трансформирования и постоянного видоизменения информационного поля, о каком бы уровне его функционирования не шла речь. Понимание медиасистем как явления в

научной журналистике, а также как важнейшего социального института, необходимого для нормального функционирования современного общества, постоянно расширялось и углублялось различными исследователями журналистики.

Д. Макквейл в 6-м издании своего глобального исследования массовых коммуникаций «Mass Communication Theory» описывает медиасистему как актуальный набор средств массовой информации в конкретном национальном государстве. При этом набор этот отличается рядом жёстко определяемых критериев: масштаб и централизация, степень политизации, разнообразие профиля, источники финансирования, степень государственного регулирования и контроля [12].

Е.Л. Вартанова определяет медиасистему как взаимосвязанный комплекс медиаканалов, медиаконтента, медиатехнологий, адресованных аудитории, действующих в рамках национального и международного законодательства в контексте геополитического и экономического положения страны, её этнокультурных условий и исторических традиций, а также особенностей идентичности аудитории» [6].

М.Г. Шилина отмечает: «Медиасистема есть системное динамическое единство субъектов (владельцев, менеджеров, журналистов) различных видов медиа (печатных СМИ, РВ, ТВ, интернет-медиа, мобильные медиа), связанных коммуникацией различного уровня и функционирующих с целью предоставления аудитории в публичном пространстве социально-значимой информации» [10].

Наше понимание медиасистемы базируется на определении этого термина А.В. Потребиным и С.С. Бодруновой. Потребин определяет медиасистему как совокупность взаимосвязанных медиапредприятий на национальном или региональном информационном пространстве [9]. Бодрунова, в свою очередь, дополняет: «Медиасистема – крупная функциональная подсистема общества (Teilsystem), имеющая собственные границы, логику развития, степени открытости и характер взаимодействия с остальной социальной системой» [5].

Таким образом, мы приходим к выводу, что медиасистема, по сути, означает взаимосвязанную систему функционирования всех видов распространения и потребления информации, т.е. всех видов медиа, к которым мы относим классические медиа (пресса, радио и телевидение), а также интернет-СМИ и новые медиа (мессенджеры, социальные сети, микроблоги, видеохостинги и т.п.), получившие активное развитие с конца XX века. Взаимосвязь всех видов медиасистемы создаёт информационное пространство, внутри которого циркулирует существующая информация. При этом медиасистема, как и информационное пространство, может быть локальной, т.е. региональной, национальной и в редких случаях международной.

В зависимости от преобразований, происходящих на уровне функционирования каждой отдельной медиасистемы, данный конструкт в целом может также преобразовываться и трансформироваться. Важно понимать, что трансформации региональной медиасистемы могут повлечь или не повлечь в каждом конкретном случае трансформации национальной медиасистемы, а за ней может последовать преобразование международной медиасистемы.

В 2014 году все сферы жизни и функционирования Украины сотрясло мощнейшее политическое землетрясение, которое неизбежно привело к значительным трансформациям не только политической, экономической, социальной и других сфер жизни государства, но и её медиасистемы. Донбасс отделился от Украины, а вместе с ним, как закономерный итог, отделилась и его медиасистема.

В этой статье мы попытаемся рассмотреть те трансформации, которые довелось пережить медиасистеме Донбасса, и те преобразования, которые в ней произошли,

чтобы представить дальнейшие трансформации структуры информационного пространства Донбасса, которые неизбежно произойдут в процессе воссоединения с Российской Федерацией.

Ключевым объектом данного исследования является информационное пространство современного Донбасса.

Предмет исследования – структурные преобразования, происходящие и происходившие в информационном пространстве Донбасса за 185 лет.

Актуальность данной статьи связана, в первую очередь, с теми динамичными внутренними и внешними изменениями, которые происходят в информационном пространстве Донбасса. Преобразования эти, как технические, структурные, так и содержательные, вызванные социальным развитием, информационными запросами общества, видятся нам вполне однозначными, а их изучение необходимым веяньем времени.

Журналистика – одна из самых динамично развивающихся профессиональных сфер в современном мире, где ключевую нишу занимает общество информационное, постоянно нуждающееся в немедленном информировании обо всех событиях в стране и мире. Вместе с журналистикой динамично развивается и информационное пространство, его структурное и содержательное наполнение. Прежде чем мы выявим, какова взаимосвязь медиасистемы и структуры информационного пространства, надо понять, что из себя представляет само информационное пространство как термин медианауки.

В.Л. Гирич и В.Н. Чуприна описывают информационное пространство с точки зрения технологического подхода к его изучению. Они пишут: «Информационное пространство – совокупность информационных ресурсов и инфраструктур, которые составляют государственные и межгосударственные компьютерные сети, телекоммуникационные системы и сети общего пользования, иные трансграничные каналы передачи информации» [7]. Исходя из этой формулировки становится понятна связь информационного пространства и медиасистемы как таковой. Согласно трактовке Гирича и Чуприны, медиасистема представляет собой структурный каркас информационного пространства.

С. Ширин придерживается схожей концепции, описывая мировое информационное пространство как «интегрированные при помощи усовершенствованных в ходе информационной революции коммуникационных систем и способов передачи информации национальные и трансграничные информационные потоки» [11]

Основываясь на всех подходах к изучению самого термина «информационное пространство», мы смогли сформулировать своё понимание этого понятия, в рамках которого разрабатывается и наше представление о формировании информационного пространства, его структурных и содержательных преобразованиях.

Таким образом, мы понимаем информационное пространство как некое поле, внутри которого создаётся, редактируется, сохраняется и передаётся разного рода информация. При этом внутри этого поля функционирует определённая медиасистема, которая позволяет аудитории (потребителям поля) использовать, сохранять, редактировать и передавать информацию.

Такое понимание, в свою очередь, подтверждает ранее выдвинутый тезис о роли структуры медиасистемы в контексте изучения информационного поля. Такой подход позволяет нам с достаточной обоснованностью заключить, что преобразования медиасистемы влекут за собой преобразования информационного пространства,

поскольку сама по себе медиасистема является структурным элементом, а скорее даже структурным скелетом информационного пространства, как регионального, так и национального и даже международного.

Учитывая всё вышесказанное, мы можем перейти от теоретического изложения ключевых дискуссионных позиций к их эмпирическому доказательству и анализу практических аспектов структурных трансформаций информационного пространства современного Донбасса. В этой части исследования мы ставим своей основной задачей анализ современной медиасистемы Донбасса, её структурных элементов и взаимодействия, взаимосвязанности этих элементов внутри информационного пространства, переживающего серьёзные трансформации, связанные с политическими, социальными и экономическими изменениями.

Более ранние исследования информационного пространства Донбасса позволили нам сделать вывод о его глубоком ретроспективном фундаменте. Первые средства массовой информации появились на территории современного Донбасса ещё в 1838 году. На первых этапах формирования медиасистема региона была довольно слабой: от 15 до 28 газет и журналов. Их содержание сводилось к статьям и заметкам о деятельности местных органов власти, сельском хозяйстве и торговле, выборах в земские управы и государственную думу, культурной жизни региона и тому подобное. Конец XX века заложил основу не только медиасистемы Донбасса, но и дал начало формированию на этих территориях информационного пространства, а вместе с ним положил начало и созданию массовой прессы.

Великая Отечественная война дала толчок развитию фотожурналистики и радиожурналистики в Донбассе. Радио стало в военный период самым актуальным средством массовой информации: оно поддерживало боевой дух солдат и гражданских, рассказывало о ситуации на фронте, помогало сохранять веру в оккупированных фашистами городах, в блокадных населённых пунктах. В то же время фотография стала способом запечатлеть (сохранить и передать) все ужасы войны и триумф победы. Самая знаменитая фотография в мире – Знамя Победы над Рейхстагом – была сделана уроженцем Донбасса Евгением Анатольевичем Халдеем.

1950-е годы положили начало развитию телевидения в Донбассе. Первая телетрансляция прошла в 1956 году, а уже через 20 лет вещание стало цветным. К 2014 году в Донбассе была зарегистрирована 161 телерадиокомпания. Среди них 3 компании имели лицензию на теле- и радиовещание, 23 компании имели право заниматься только телевидением и 20 компаний могли заниматься радиовещанием. Остальные 115 телерадиокомпаний осуществляли провайдерскую деятельность.

Подчеркнём, что медийный ландшафт Донбасса до определённого момента не позволял ни одному каналу покрывать всю территорию региона, поэтому до 2011 года три телеканала делили между собой покрытие: «27 канал», ТРК «Украина» и телеканал «Юнион» считались самыми крупными вещателями на территории Донбасса и охватывали каждый около 30-40% аудитории.

В конце 90-х годов в Донбассе начали появляться интернет-медиа. По данным Национальной комиссии, осуществляющей государственное регулирование в сфере связи и информации, на Украине на 31.06.2013 года Донбасс являлся одним из ведущих регионов по вовлечённости населения в интернет, уступая только Киеву и Львову.

Самыми популярными по посещаемости Интернет-СМИ в Донбассе были:

1. Donbass.ua – около 100 000 посещений в месяц;
2. Остров – около 25 000 посещений в месяц;
3. 62.ua – около 15 000 посещений в месяц;

4. Новини Донбасу – около 6 000 посещений в месяц;
5. КИД – около 10 000 посещений в месяц;
6. В городе – около 5 000 посещений в месяц;
7. Комитет – около 5 000 посещений в месяц;
8. Телеграф – около 2 000 посещений в месяц;
9. Диалог-информ – около 5 000 посещений в месяц [1].

Некоторые из этих интернет-ресурсов функционируют до сих пор, например Donbass.ua, Остров и 62.ua, информируя население о ситуации в регионе, политических и социальных процессах. Подчеркнём, что информация на этих ресурсах подаётся с украинской стороны и не всегда соответствует действительности.

2014 год ускорил процесс развития новых медиа. На сегодняшний день регистрация сетевых медиа не ведётся, однако в ДНР существует порядка сотни разных интернет-СМИ, а также средств массовой информации, которые относятся к новым медиа (телеграмм-каналы, каналы в социальной сети «ВКонтакте», TikTok-каналы и YouTube-каналы). При этом аудитория крупнейших новых медиа Донбасса в Телеграмме иногда превышает их же аудиторию в «ВКонтакте». Так, количество подписчиков группы «ЧП Донецк Z» в «VK» составляет 175 062, в то время как в Телеграмме количество подписчиков – 339 724.

Такое развитие сетевых медиа связано с их географической независимостью, с омоложением аудитории – потребителей контента, создаваемого журналистикой. Кроме того, в Донбассе этот технологический слом связан, в первую очередь, с развитием гражданской журналистики (журналистики очевидцев тех или иных событий), поскольку она была и остаётся более оперативной, чем журналистика традиционная.

Эти исторические вехи заложили основы медиасистемы Донбасса. Мы проанализировали их с момента возникновения до наших дней. Тем не менее, для понимания дальнейшего пути развития и преобразования структурных элементов информационного пространства мы хотели бы более детально рассмотреть процесс формирования медиасистемы ДНР, которая, в свою очередь, будет плавно и логично вовлечена в национальную медиасистему Российской Федерации до 2026 года – окончания обозначенного Президентом РФ Владимиром Путиным переходного периода.

В 2014 году ситуация в информационном поле Донбасса резко изменилась. Многие медиа прекратили вещание, Донбасс отсоединился от общенациональной медиасистемы Украины и постепенно стал формировать свою собственную медиасистему, которая, и это важно, за 9 лет независимости Донецкой Народной Республики так и не смогла в полной мере стать национальной, сохранив, в большей степени, признаки региональной.

На сегодняшний день в Донецкой Народной Республике зарегистрировано 17 газет, 9 телеканалов и 5 радиоканалов. Все они равны в своих правах, передают схожую информационную повестку, направленную на укрепление патриотического духа граждан Республики, информирование о ситуации на фронте и в социальной сфере жизни Донбасса, в экономической среде, а также о процессе восстановления Донбасса. Основные факторы – социально-экономические, политические, географические, культурно-исторические – действуют в комплексе в рамках региона. Среди региональных универсальных изданий, адресуемых «всем» и повествующих «обо всем», – традиционная общественно-политическая пресса. Ее главные функции – информационная, обзорная, аналитическая. Все остальные – рекламная,

развлекательная и т.д. – присутствуют обычно в качестве второстепенных. Основной предмет освещения – местные события, аудитория – самая широкая в рамках своего региона. С 2022 года одной из ключевых тем масс-медиа ДНР стали темы интеграции Республики в Российскую Федерацию.

Отметим, что в первые годы формирования медиасистемы Донецкой Народной Республики ключевую роль играли именно печатные средства массовой информации. Почти одновременно на территории Республики появилось довольно много информационных газет, которые открыто и прямо говорили о ситуации в ДНР, критиковали властные структуры и их решения, высказывали смелые идеи и не боялись писать жёсткие материалы. Со временем, как мы видим из приведённых ранее данных, их количество сократилось. Во многом это связано с экономическими проблемами – некупаемостью. Аудитория предпочитала получать информацию из телевидения или интернета, газеты, в свою очередь, требовали больших затрат, но приносили малый доход.

При этом отметим, что на сегодняшний день существуют газеты, которые распространяются по всей Республике, т.е. могут быть причислены к республиканским, например «Комсомольская правда. Донбасс», а есть те, которые выходят исключительно в своём городе и, соответственно, могут относиться к городским: «Макеевский рабочий», «Кочегарка», «Енакиевский рабочий» и т.д.

Телевизионная отрасль медиасистемы современного Донбасса в большей части сохранила региональный вид, поскольку почти все телеканалы не имеют дочерних компаний, т.е. не могут относиться к национальным. Исключением является «1 Республиканский телеканал», чья «дочка» вещает в Горловке – телеканал «бТВ». Телеканалы «Оплот», «Новороссия» и «ЮНИОН» вещают на большей части Республики, а телеканалы «Авеста», «ТВ-Сфера», «Торезское Телевидение» и «Шахтёрская студия телевидения» – только в своих регионах.

Отдельно, в контексте рассмотрения структуры телевизионной медиасистемы Донецкой Народной Республики, хотелось бы подчеркнуть, что из всех телекомпаний Донбасса только телеканал «Оплот» пережил ребрендинг. Телеканал начал своё вещание в 2014 году, заменив собой муниципальный телеканал, и изначально специализировался на развлекательном контенте, демонстрируя фильмы и сериалы. В 2018-2019 году телеканал пережил ребрендинг, сменив не только стиль подачи информации – он стал более серьёзным и строгим – но и цветовую гамму, формат контента, логотип и даже команду журналистов. Новый стиль телеканала походил на стиль федерального канала «Россия 24», вещающего под патронатом ВГТРК.

Радиоканалы Донецкой Народной Республики основаны на базе телеканалов. Например, «Папино Радио» выходит в эфир на базе телеканала «Оплот», «Радио ТВ» вещает на базе телеканала «ЮНИОН», «Радио Республика» выходит в эфир на базе телеканала «1 Республиканский» и так далее. Тем не менее, в 2014-2016 году в эфиры Донецкой Народной Республики выходили и частные радиостанции, которые работали независимо от каких-либо телеканалов. Например, радио «Донбасс.ФМ» или «Комсомольская правда», ретранслировалось радио «Energy» и ряд других российских радиостанций. Впоследствии в связи с военным положением было принято решение о защите телерадиочастот, которые все были отданы под государственный контроль.

Официальная регистрация интернет-СМИ в Донецкой Народной Республике не ведётся, однако их число заметно увеличилось с 2014 года. В Республике есть

собственное агентство новостей – ДАН, официальный новостной портал правительства – «ДНР-online», сайт газеты «Комсомольская правда» – «КП. Донбасс» и др. Каждая официальная структура (министерство, университет, школа и т.д.) также имеет свой официальный сайт, на котором публикуются новости из жизни этой структуры, важные изменения и тому подобное.

Как уже отмечалось, с 2014 года резкий толчок к развитию получили новые медиагруппы в социальной сети «ВКонтакте», телеграмм-каналы, YouTube-каналы и так далее. Особую роль в освещении специальной военной операции России на Украине, как и в целом жизни Донбасса играют телеграмм-каналы военных корреспондентов, такие как:

- Readovka – 2 280 055 подписчиков;
- WarGonzo – 1 228 582 подписчиков;
- Сладков + – 1 015 793 подписчиков;
- Поддубный |Z|O|V| edition – 813 373 подписчиков;
- Kotsnews – 623 275 подписчиков;
- Военкор Котенок – 409 325 подписчиков.

С воссоединением Донецкой Народной Республики и Российской Федерации очередные структурные трансформации информационного пространства неизбежны. В марте 2023 года было объявлено о том, что телеканалы «ЮНИОН» и «1 Республиканский» будут объединены в один телеканал, с единым телевещанием и статусом республиканского телеканала. Телеканал «Оплот» станет муниципальным. Кроме того, началось вещание нового телеканала с рабочим названием «Донбасс-24» под эгидой ВГТРК.

В то же время начинает свои эфиры официальное радио «Комсомольская правда. Донецк», расформировывается Министерство информации ДНР, большинство газет объединяются под эгидой Республиканского медиахолдинга. Все эти трансформации происходят постепенно и плавно, позволяя адаптироваться к новому формату работы как журналистам – создателям медиаконтента, так и аудитории – потребителям этого контента.

Основываясь на заданных тенденциях преобразования медиасистемы Донбасса, мы можем отметить, что до 2026 года в Донецкой Народной Республике появится немало федеральных медиа (газет, телевизионных и радиальных редакций), многие интернет-издания также откроют свои представительства в Донецке и ряде других городов Республики, планируется активное развитие новых медиа, микроблогинг также займёт отдельную нишу в медиасистеме Донбасса, визуальный контент будет развиваться на платформах TikTok и VK Клипы. Активно будет развиваться Rutube как альтернатива не вполне лояльного YouTube. Все эти преобразования, без сомнений, повлияют на структуру информационного пространства Донбасса, обогатят его медиасистему и войдут в историю журналистики региона.

Таким образом, мы видим, что структурные преобразования информационного пространства современного Донбасса прямо пропорциональны преобразованиям его медиасистемы, поскольку, как было наглядно доказано, медиасистема и есть структурная основа информационного пространства. Без неё его формирование и развитие невозможно, поскольку именно медиасистема позволяет собирать, обрабатывать, передавать, сохранять и получать информацию, другими словами, обеспечивает коммуникацию между медиа и аудиторией, а также является

своеобразным посредником между информационным полем и его потребителями – аудиторией.

Также мы можем сделать вывод о том, что глубокая фундаментальная основа существующей медиасистемы Донбасса позволила ей мягко и плавно трансформироваться под влиянием политических, социальных и экономических изменений, происходивших на этой территории за более чем 180 лет. Медиасистема Донбасса постепенно развивалась от прессы к фотографии и радио, а позже к телевидению, интернету и новым медиа.

Сегодня медиасистема Донбасса переживает динамичный процесс слияния с медиасистемой Российской Федерации, встраиваясь в нее под соответствующие стандарты и нормы вещания, формирования повестки дня, а также медиариторики, что ведет к ее усложнению, с одной стороны, а с другой – к качественным изменениям и в типологии, и в реализации актуальных функций, в понимании индустриальной структуры массмедиа.

В перспективе мы видим качественное углубление развития структуры информационного пространства Республики, начатой в 2014 и 2022 году, плавное слияние с медиасистемой Российской Федерации и углубление республиканского медиапроизводства на основе интеграции аудитории в информировании и просвещении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антоненко Ц.А. Масс-медийный комплекс Донбасса: 1991-2014 / Ц.А. Антоненко // МЕДИАВЕКТОР. – 2022. – №6. – С. 10-15.
2. Антоненко Ц.А. Формирование информационного пространства Донбасса: технологический подход / Ц.А. Антоненко // Мат. I Всероссийской конференции «Региональная журналистика: культурные коды, пространство смыслов, полиэтничный дискурс». – Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2022. – С. 19-22.
3. Артамонова И.М. Интернет-СМИ и социальные сети: стратегии коммуникационных практик / И.М. Артамонова // Мат. I Международной научной конференции Донецкие чтения 2016. Образование, наука и вызовы современности. – Ростов-на-Дону. ЮФУ, 2016. – 4т. Филологические науки. Культура и искусство. – С. 72-75
4. Барашкина Е.А. Медиасистемы: учебно-методическое пособие / Е.А. Барашкина. – Самара: изво Самарского ун-та, 2022. – 68 с.
5. Бодрунова С.С. Медиакратия: СМИ и власть в современных демократических обществах: дис. ... д-ра полит.наук: 10.01.10 / Бодрунова Светлана Сергеевна. – СПб., 2015. – 492 с.
6. Варганова Е.Л. Медиасистема как актуальный концепт теории СМИ / Е.Л. Варганова // Мат IX Междунар. науч. конф.НАММИ «Актуальные проблемы медиаисследований». – М.: Фак.жур. МГУ, 2019. – С. 11-12.
7. Гирич В.Л., Чуприна В.Н. Глобальное информационное пространство и проблемы доступа к мировым информационным ресурсам [Электронный ресурс]: Российская гос-во библиотека. – Режим доступа: https://olden.rsl.ru/upload/mba2007/mba2007_05.pdf
8. Лозовский Б.Н. Журналистика и СМИ: краткий словарь / Б.Н. Лозовский. – Изд. 2, испр. и доп. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, 2007. – 306 с.
9. Потребин А.В. Медиапространство и медиасистема, информационное пространство и информационный рынок / А.В. Потребин // Мат. I Междунар. науч.-практ. Конференции. – Минск: Белорусский гос. ун-т, 2017. – С. 200-208.
10. Шилина М.Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМК / М.Г. Шилина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. – 2010. – №1. – С. 6-22.
11. Ширин С. Факторы внешней среды в современной глобальной системе международных отношений / С. Ширин // Международные процессы, 2005. – 3 т. – №3 (9).
12. McQuail D. Mass Communication Theory / D. McQuail. – 6 edition. – Los Angeles: SAGE, 2010. – 632 p.

STRUCTURAL TRANSFORMATIONS OF INFORMATION SPACE
IN PRESENT-DAY DONBASS

I.M. Artamonova, T.A. Antonenko

The article addresses information space of Donbass, which remains one of the most dynamically transforming territories in the world, being a hot spot and a red line. Donbass political, economic, and social system undergoes profound changes. In such a situation, a deep insight into the processes taking place in the region communication sphere is of great importance. This article deals with the analysis of the transformation processes in Donbass information space. The focus is made on its media system as the structural core of the information space. The objective is to reveal the dynamics of the given transformations, to trace them from the moment of the media system emergence up to the present day, and to envisage further shifts that are likely to take place in Donbass information space. The media and communications existing in Donbass, their genesis, dynamic, and the content agenda are subjected to the analysis. The key concepts and terms of the research are outlined. The conclusions drawn can make the basis for further study of the information space of Donbass.

Key words: system of media, information space, structural transformations, mass media, Donbass, changes.

Поступила в редакцию 04.06.2023 г.

Артамонова Инесса Михайловна.

Доктор наук по социальным коммуникациям,
доцент.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет».

Заведующий кафедрой журналистики.

E-mail: inesa_artamonova@mail.ru

Антоненко Цесанна Андреевна.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный
университет»

старший преподаватель кафедры журналистики.

E-mail: c.antonenko@donnu.ru

Artamonova Inessa Mikhailovna.

Doctor of Science in Social Communications,
Associate Professor.

Donetsk State University.

Head of Department of Journalism.

E-mail: inesa_artamonova@mail.ru

Antonenko Tsesanna Andreevna.

Donetsk State University

Senior Lecturer at Department of Journalism.

E-mail: c.antonenko@donnu.ru

УДК 070

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ЖАНРЫ В ДЕТСКИХ ЖУРНАЛАХ «ПИОНЕР» И «КОСТЁР» 1970-1980-Х ГОДОВ³

© 2023 Я.А. Блохина

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»

Статья посвящена изучению типичных диалогических жанров в советской детской периодике. Автор выявляет содержательные, стилистические и визуальные формы их реализации, которые способствуют построению конструктивного, открытого и полезного диалога между редакцией и детской читательской аудиторией. С точки зрения методологии работа базируется на положениях социального конструкционизма и критического анализа дискурса. Материал исследования включает в себя выпуски журналов «Пионер» и «Костёр» за 1970–1980-х гг. Благодаря диалогическим жанрам советский ребенок получает ответы на важные для него вопросы, обогащает собственные знания в различных предметных областях и перенимает фундаментальные ценности и идеалы советского общества. Значимую роль играют представленные в журналах мультимодальные средства, которые поддерживают интерес юных читателей и побуждают вступить в продуктивное общение с редакцией.

Ключевые слова: диалогический жанр, диалогичность, диалог, информационные жанры, аналитические жанры, детская читательская аудитория, журнал «Пионер», журнал «Костёр», советский.

Настоящая работа выполнена в рамках научного проекта, направленного на построение медиатизированной модели советского общества и определение характера взаимодействия между такими субъектами социальных практик, как государство, детские СМИ и детская аудитория на основе анализа периодической печати для детей – журналов «Пионер» и «Костёр» 1970–1980-х годов. Цель данной статьи – выявить типичные диалогические жанры, представить содержательные, стилистические и визуальные формы их реализации и на основе полученных данных определить роль диалога между советской детской прессой и ее юными читателями.

Детские периодические издания традиционно выступают в качестве платформы для реализации межпоколенческого диалога, в рамках которого затрагиваются важнейшие для всех его участников вопросы: «Дети и подростки, признаваемые полноправными и значимыми личностями, вступают в межпоколенческий диалог с взрослыми, причём он происходит не в форме наставлений старшего поколения младшему – организуется площадка для обсуждения актуальных вопросов, результатом которого становится взаимообогащение сторон» [6, с. 121]. По утверждению Г.Л. Капустиной, создание такого диалога дает возможность реализовать «межпоколенческую трансмиссию норм и ценностей» [6, с. 131].

Роль коммуникации между взрослыми и детьми, между детьми и их сверстниками в советской детской периодике обсуждают ряд исследователей. В частности, при изучении дискурсивного пространства журнала «Пионер» ученые в первую очередь обращают внимание на его диалогический характер: «Общение разворачивается в дискурсе журнала в интерактивную коммуникацию – диалог между взрослыми и детьми. Диалогическое единство детско-юношеского журнала позволяет усилить силу слова, обращенную к массовому читателю и оценить соотносительную роль адресанта

³ Статья подготовлена в рамках научного проекта «Медиатизированная модель советского общества в детской периодике». Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>.

и адресата в реализации общения» [7, с. 156]. Т.В. Дубровская рассматривает диалогичность как основополагающий принцип организации советского периодического издания для детей: «Между разными выпусками журнала прослеживаются интертекстуальные и диалогические связи, которые устанавливаются как посредством структурного единства и повторяющихся тем, так и с помощью жанровых диалогических единств: инициальные и реактивные жанры могут быть размещены в разных выпусках» [4, с. 169]. Исследовательница выявляет структурные и содержательные характеристики советского детского журнала и частично обсуждает его жанровое своеобразие. Автор выделяет типичные монологические жанры (научно-популярные заметки, статьи, энциклопедия, корреспонденции, публичные обращения и ответы пионерии и комсомола), конструирующие репрезентации советского общества и социокультурных практик, и характеризует их по степени идеологической нагрузки, типам репрезентируемых социокультурных практик и характеру семиотических ресурсов. С.В. Харитоновна изучает жанрово-тематический состав советской детской прессы, с помощью которого устанавливаются *аксиологические приоритеты и актуализируются конкретные ценностные ориентации* [10].

Диалогические отношения унисонного характера в печатном медиадискурсе Беларуси в различные исторические периоды рассматривает А.А. Биюмена [1]. Исследовательница выявляет тематические и языковые особенности макротекстовых единств в СМИ и определяет роль оценочности в функционировании макротекста. Изучение диалогичности в аспекте ее реализации конкретными языковыми средствами в советской детской прессе представлено в работе, опубликованной нами ранее [2]. В рамках настоящего исследования мы обращаемся к собственно диалогическим единствам, которые, по мнению Л.Р. Дускаевой, реализуют «эксплицированную» или «внешнюю» диалогичность: «Это формы публикаций, в которых смысловые позиции двух и более коммуникантов разворачиваются как непосредственное реплицирование» [5, с. 20]. При их изучении мы опираемся на классификацию журналистских жанров А.А. Тертычного [9], согласно которой к жанрам периодической печати относятся информационные, аналитические и художественно-публицистические жанры. Сразу же оговоримся, что группа художественно-публицистических жанров выпадает из поля нашего внимания, поскольку входящие в нее жанры имеют монологический характер.

Материал настоящего исследования включает в себя выпуски журналов «Пионер» и «Костёр» 1970–1980-х гг. Общее количество изученных контекстов – 74, включая мультимодальные контексты. Методологически работа базируется на ключевых положениях социального конструкционизма и критического анализа дискурса. Посредством анализа диалогических публикаций с применением общенаучных методов наблюдения, интерпретации и обобщения были выделены типичные диалогические жанры, а также определены содержательные и стилистические формы их актуализации. Кроме того, были рассмотрены визуальные компоненты, сопровождающие данные публикации, и выявлена их роль в построении диалога между редакцией и детской читательской аудиторией. Результаты проведенного исследования мы приводим далее.

При анализе материалов советской детской периодики мы выделили такие информационные жанры, как информационное интервью, вопрос-ответ, основная цель которых заключается в информировании юных читателей. Аналитические жанры, направленные на анализ и интерпретацию событий, процессов и ситуаций, представлены беседой, аналитическим интервью. Рассмотрим примеры представленных жанров более подробно.

Жанр **аналитического интервью**, представленный в советских детских журналах, ориентирован на получение «определенный сведений о действительности» [9]. В периодических изданиях публикуется ряд интервью с опытными специалистами, экспертами в конкретной предметной области. Рубрика «Пятилетка, в которой работать тебе» в журнале «Пионер» посвящена планам социально-экономического развития СССР и будущей роли ребенка в народном хозяйстве страны. К примеру, выпуск журнала «Пионер» за май 1980 года содержит интервью с министром строительства СССР Георгием Аркадьевичем Караваемым, который отвечает на вопросы журналиста о том, что и как будут строить в одиннадцатой пятилетке, как меняется профессия строителя и какие стройки ждут нынешних школьников. Министр дает развернутые ответы, используя преимущественно экономическую терминологию (*хозяйственные задачи, разработка полезных ископаемых, перерабатывающие предприятия, добывающие предприятия, природные богатства, автоматические линии, литейное производство, нефтехимический завод и др.*), которая отражает основную задачу Коммунистической партии в области экономического строительства, создания и развития материально-технической базы коммунизма: «Главная экономическая задача партии и советского народа состоит в том, чтобы в течение двух десятилетий создать **материально-техническую базу коммунизма**. Это означает: полную электрификацию страны и совершенствование на этой основе техники, технологии и организации общественного производства во всех отраслях народного хозяйства; комплексную механизацию производственных процессов, все более полную их автоматизацию; широкое применение химии в народном хозяйстве; всемерное развитие новых, экономически эффективных отраслей производства, новых видов энергии и материалов; всестороннее и рациональное использование природных, материальных и трудовых ресурсов; органическое соединение науки с производством и быстрые темпы научно-технического прогресса; высокий культурно-технический уровень трудящихся; значительное превосходство над наиболее развитыми капиталистическими странами по производительности труда, что составляет важнейшее условие победы коммунистического строя» [8]. Специфика таких публикаций заключается в том, что они обращены к детскому читателю и способствуют репрезентации его как полноценного и активного участника в экономическом развитии советского государства. Апелляция к читательской аудитории осуществляется путем использования обращений (*дорогие ребята, юные пионеры*), форм императива (*посмотрите на карту, настойчиво овладевайте, будьте готовы и др.*), а также личных и притяжательных местоимений второго лица (*ты, тебя, вы, вам, вас, твои, ваши*), которые ориентированы «на интимизацию общения и сокращение дистанции между оратором и аудиторией» [3, с. 18].

Особый интерес у юных читателей вызывают интервью со знаменитыми спортсменами, тренерами, комментаторами – людьми, известными по всей стране, в рубрике «Переменка» в журнале «Пионер». Так, в январском номере 1980 года представлено интервью с Николаем Николаевичем Озеровым, в котором журналист расспрашивает народного артиста, заслуженного мастера спорта, спортивного комментатора Центрального телевидения и Всесоюзного радио СССР о его детстве, образовании и профессии. Несмотря на свой солидный статус, герой интервью нередко дает ответы, пронизанные нотами юмора, что конструирует его как человека, умеющего шутить и смеяться над собой:

Я хотел быть как папа. Мечтал петь, как он, в Большом театре. И даже (никому об этом не говоря) собирался вырасти таким же лысым. Как видите, ни то, ни другое мне не удалось ... <...>

В Никози я вел передачу сидя прямо на футбольном поле, и футболисты, пробегая мимо, спрашивали, который час ... В Болгарии я вел репортаж с дерева. На дерево влез сам, а с дерева меня уже снимали ... («Пионер», 1980, № 1)

Особенность таких публикаций состоит в том, что имя интервьюируемого не указывается и читателям предлагается угадать его и прислать свои ответы. С целью помочь узнать участника интервью редакторы публикуют его фотографии, сделанные в молодости (рис.1). Подобные материалы вызывают большой читательский интерес, что подтверждается присланными в редакцию письмами ребят. Принцип обратной связи играет ключевую роль при взаимодействии с читательской аудиторией, поскольку позволяет установить и развивать «доброжелательные и доверительные отношения» [6, с. 126].

Рис. 1 Фотография Н.Н. Озерова в молодости («Пионер», 1980, № 1)

Интерес детских читателей вызывают жизнь и творчество выдающихся советских писателей и артистов. Ребята присылают в редакции письма с вопросами об известных личностях СССР (А.И. Пантелееве, Н.И. Дубове, Юрии Никулине, Савелии Крамарове, Юрии Куклачёве и т.д.), в связи с чем корреспонденты организуют с ними встречи, на которых задают волнующие читателей вопросы, и публикуют полные версии интервью на страницах журналов.

Не менее примечательными для детских читателей, на наш взгляд, являются **интервью**, в которых в качестве корреспондента выступает ребенок. Данные интервью являются в полной мере **информационными**, поскольку интервьюер лишь получает сведения от интервьюируемого лица, никак не пытаясь их комментировать. В ответах опрашиваемого лица акцент ставится на вопросы: что? где? когда? Например, в октябрьском выпуске журнала «Пионер» за 1988 год опубликовано небольшое интервью, которое организует Алеша Гришин, ученик московской школы № 179, с сотрудником еженедельника «Собеседник» Мариной Мулиной. Школьник-

корреспондент задает несколько простых вопросов об обществе «Милосердие», интересуясь, чем оно занимается, кто в нем работает и в каких городах оно функционирует.

В журналах также публикуются и другие типы информационного интервью. Обратимся к публикациям, посвященным науке и технологиям. В рубрике «КОСтя ТЁРкин берет интервью» журнала «Костёр» за 1972 годы в качестве интервьюера выступает вымышленный персонаж КОСтя ТЁРкин, который обращается к советским ученым с вопросами о шельфах, об аппаратах для погружения под воду, о геофизической разведке, о хирургических операциях, медицинских приборах и т.д. Данные интервью носят преимущественно познавательный характер и предоставляют читателям научное объяснение конкретной реалии, конкретного события или процесса. Использование специальной терминологии в ответах (*геологическое строение, титановые минералы, драги, сейсмометрические методы, геофизическая разведка, батисферы, гидростаты, ланцет, инепер, флуориметр, флуоресценция и др.*) способствует получению ребенком-читателем научно достоверных сведений и обогащению его знаний в конкретной научной области.

Не менее востребованным жанром, представленным в советской детской прессе, является жанр **беседы**. Это «аналитический жанр журналистики, опирающийся на использование диалогического, вернее, “полилогического” метода получения информации» [9]. Его отличие от жанра интервью состоит в том, что он представляет собой «обмен “равноправными”, равнозначными репликами, суждениями, размышлениями», что обеспечивает «многостороннее, полифоническое видение предмета обсуждения» [9]. Рубрика «Дискуссионный пионерский клуб “За и против”» в журнале «Пионер» включает в себя беседы ребят о дружбе в классе, о пионерском отряде и самостоятельной жизни, об отношениях со сверстниками и взрослыми, о том, как прийти во взрослую жизнь хорошим человеком, достойным гражданином своей страны и т.д. В выпусках № 9, 10 и 11 за 1980 год в данной рубрике участники обсуждают документальное повествование для детей и взрослых Лии Симоновой «Человек приходит из Детства». Традиционно в беседах принимают участие от трех до пятнадцати человек, включая взрослых, писателей, журналистов, редакторов журналов, высказывающих свое авторитетное мнение. Включение в содержание журналов материалов полемического характера способствует реализации «функции контакта, стимуляции общения», установлению эффективного диалога с читательской аудиторией даже несмотря на обострение противоречий между участниками, выражающими разные точки зрения [6, с. 127]. Так, в апрельском номере журнала «Пионер» за 1973 год собеседники говорят на тему, как помочь мальчику Вите, которого бьют и унижают одноклассники, а он боится и не может себя защитить. Дети активно делятся своей точкой зрения, приводят примеры, пытаются найти решение данной проблеме. Их высказывания краткие, содержат разговорную лексику с семантикой отрицательной оценки (*лупить, треснет, тузит, корчил из себя храбреца, все на тебя косятся и др.*). Оценку происходящему дает взрослый участник беседы, экспертное лицо – писатель Борис Николаевич Камов, который приводит ценный и наглядный пример из жизни детского писателя Аркадия Петровича Гайдара. Он рассказывает похожую поучительную историю, произошедшую на фронте, из которой ребята делают вывод, что важно перестать бояться и поверить в собственные силы. Подобный «персонифицированный подход – через обращение к герою публикации – во многом ключ к воздействию на детскую аудиторию» [6, с. 128].

Отметим также беседы, в которых авторитетные советские ученые обсуждают загадочные научные факты и открытия (рубрика «КООТ» в журнале «Костёр»). В февральском выпуске журнала «Костёр» за 1978 год опубликована беседа, посвященная тайне озера Лох-Несс. Доктор биологических наук Илья Сергеевич Даревский, кандидат технических наук Анатолий Леонидович Простаков и кандидат биологических наук Виталий Николаевич Танасийчук полно и аргументированно высказываются на тему существования Лох-несского чудовища, вступают в дискуссию, выражая свое согласие и несогласие с точками зрения собеседников. При этом участники не прибегают к сложной научной терминологии, что способствует легкому восприятию научной информации детским читателем. Кроме того, беседа сопровождается иллюстрациями (рис. 2 и рис. 3), которые подкрепляют мнения уважаемых ученых и упрощают понимание всего сказанного по теме.

Рис. 2 Карта озера Лох-Несс («Костёр», 1978, № 2)

Рис. 3 Фотография Лох-несского чудовища («Костёр», 1978, № 2)

Жанр **вопроса-ответа** относится к информационным жанрам, который «возникает в результате соединения вопроса читателя и ответа на него либо самого журналиста, либо какого-то компетентного лица» [9]. В советской детской прессе публикации данного жанра организуются в следующих формах:

1. *Вопрос от редакции – ответ от читателей.* В рубрике «Барабан» журнала «Костёр» редакторы задают вопросы своим читателям о школе, о планах на будущее, о взаимоотношениях со сверстниками и взрослыми, о ценных личностных качествах и т.д. Например, в сентябрьском номере за 1976 год ребята активно отвечают на вопрос «Кем быть, когда вырастешь?», приводя примеры разных профессий и указывая на то, что любая работа полезна и интересна:

Меня с детства влечет к работе шофера. Почему она мне нравится? Да потому что я люблю технику. Мне интересно, как движутся поршни, как делается искра, как работает мотор...

Моя мама работает инструктором. В Астрахани трудно представить себе, что кто-то плавать не умеет. Но такие люди находятся. Их-то мама и учит. Я думаю, что мамина профессия важная.

Я хотела бы стать клоуном-дрессировщиком, потому что я очень люблю животных. А моя мама работает на заводе маляром. Эта профессия интересна тем, что из двух красок получают одну («Костёр», 1976, № 9).

2. *Вопрос от читателей – ответ от редакции или от компетентного лица.* Советские юные читатели активно участвуют в наполнении содержания журналов, присылая письма в редакцию. Иными словами, они сами задают вектор развития издания и формируют конкретные части его выпуска. Рубрика «Круглый стол «Пионера»» содержит ряд писем детских читателей на такие серьезные политические темы, как гонка вооружений, ядерное оружие, агрессия по отношению к соседним государствам, терроризм и т.д. На вопросы «Чьи вооруженные силы сейчас сильнее: наши или США?», «Какую политику руководители Китая проводят сейчас в военной области?», «Будет ли дальше сокращаться гонка вооружений?» и некоторые другие отвечают журналисты-международники: ответственный секретарь еженедельника «За рубежом» Владимир Червяков, обозреватели газеты «Правда» Владимир Большаков, Игорь Лебедев, Сергей Филатов («Пионер», 1980, № 2). Ответы экспертов содержат разнообразие военной лексики (*ядерные испытания, биологическое оружие, арсеналы, стратегические вооружения, военная техника, танки, военнослужащие, вооруженные конфликты и др.*). В подобных публикациях подчеркивается положительная роль Советского Союза и стран социалистического лагеря, как государств, выступающих за мир и безопасность:

Что же надо сделать, чтобы предотвратить войну? Ответ простой: бороться за мир, за разоружение. Советский Союз и братские ему социалистические страны за последние годы выступили с сотней предложений по разоружению.

В том, что Советский Союз готов немедленно приступить к ограничению вооружений, человечество убеждалось не раз. Последний тому пример – наша новая инициатива: сократить численность советских войск в центральной Европе («Пионер», 1980, № 2).

При этом страны капиталистического лагеря маркируются отрицательно как государства, поддерживающие военные конфликты и агрессию:

Конечно, ООН не всегда была последовательна в своих действиях. Ведь ее членами являются и те государства, которые сами развязывают агрессию. Они-то и стремятся не допустить принятия невыгодных им решений.

Дело теперь за правительствами западных держав. Ни для кого не секрет, что именно по их вине продолжается гонка вооружений, не двигается с места дело разоружения («Пионер», 1980, № 2).

3. *Вопрос от редакции – ответ от компетентного лица.* Актуальные для детских читателей вопросы, связанные, в частности, с пионерией, задают сами редакторы в майском номере журнала «Пионер» за 1981 год. В честь дня рождения Всесоюзной пионерской организации им. В.И. Ленина они обращаются к Герою Социалистического труда В.Ф. Соколову, к народному артисту СССР Ю.Б. Левитану, заслуженному деятелю искусств РСФСР А.С. Ильину, заслуженному мастеру спорта Е.А. Майорову с вопросами о пионерских днях, мечтах и увлечениях. Представители народного хозяйства, культуры и спорта горячо отзываются о своем пионерском детстве, несмотря на сопровождающие его трагические события Великой Отечественной войны. Использование эмотивной лексики придает эмоциональную окраску описываемым ими

событиям и стимулирует интерес со стороны читателя-пионера к воспоминаниям бывших пионеров:

*И когда мы, голодные и замерзшие, но до слез **радостные**, встретили их, из солдатских вещевых мешков вдруг появился... хлеб. **Удивительно теплый** среди этого морозного дня и **поразительно вкусный**.*

*Мои пионерские годы почти такие же, как и годы моих сверстников. Я учился, **очень любил русский язык**, хорошо плавал, **обожал смотреть в городском кинотеатре приключенческие фильмы**.*

*Звук настраиваемых музыкальных инструментов, **льющаяся рядом мелодия**, которую наигрывал кто-то из ребят, - все это создавало атмосферу непонятную, но **прекрасную** («Пионер», 1981, № 5).*

Таким образом, в ходе анализа материалов советских детских журналов мы выявили следующие диалогические жанры, эксплицитно реализующие диалогичность:

- 1) информационные жанры (информационное интервью и вопрос-ответ);
- 2) аналитические жанры (аналитическое интервью, беседа).

Каждый их представленных жанров обладает своими содержательными, стилистическими, а также визуальными особенностями, которые способствуют выстраиванию конструктивного, открытого и полезного диалога между редакцией и детской читательской аудиторией. Подчеркнем, что благодаря выделенным диалогическим жанрам советский ребенок получает ответы на важные для него вопросы, обогащает собственные знания в различных предметных областях и перенимает фундаментальные ценности и идеалы советского общества. Значимую роль играют представленные в журналах мультимодальные средства, которые поддерживают интерес детских читателей и побуждают вступить в продуктивное общение с редакцией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биюмена А.А. Об одном типе диалогичности в газетном макротексте / А.А. Биюмена // Вестник МГЛУ. Сер. Филология. – Минск : МГЛУ, 2021. – № 6 (115). – С. 7–14.
2. Блохина Я.А. Категория диалогичности в развлекательных жанрах советской детской прессы (на примере журнала "Пионер" 1970-1980-х гг.) / Я.А. Блохина, Т.В. Дубровская // Русский лингвистический бюллетень. – 2022. – № 6 (34).
3. Дубровская Т.В. Публичные речи русских и английских судей: диалог с аудиторией / Т.В. Дубровская // Вопросы филологии. – 2010. – № 2 (35). – С. 11–22.
4. Дубровская Т.В. Советские социокультурные практики через призму жанров в журнале «Пионер» / Т.В. Дубровская // Научный диалог. – 2023. – Т. 12. – № 5. – С. 154–172.
5. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Под ред. М.Н. Кожинной / Л.Р. Дускаева. – СПб.: Изд. 2-е, доп., испр. СПбГУ: Филол. факультет, 2012. – 274 с.
6. Капустина Г.Л. Современная детская газета как тип издания: дис. ... канд.филол.наук / Г.Л. Капустина – Тамбов, 2014. – 212 с.
7. Маругина Н.И. Дискурс журнала "Пионер" как средство социализации детей и юношества советского периода / Н.И. Маругина // Молодежные движения и организации XX века (к столетию образования ВЛКСМ): Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием, Шадринск, 23 октября 2018 года / редколлегия: О.М. Коморникова, С.А. Парфенова, Н.Ф. Чипинова; Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2018. – С. 154–157.
8. Программа Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Госполитиздат, 1961. – 144 с.
9. Тертыйный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие [Электронный ресурс]. – М.: Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 10.08.2023).

10. Харитонова С.В. Жанрово-тематические и лексико-стилистические средства в объективации аксиологического содержания первой русскоязычной детской газеты БССР "Зорька" / С.В. Харитонова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2021. – № 3 (41). – С.142–151.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Костёр, 1972, № 1, № 2, № 3, № 6, № 8, № 9, № 11.
2. Костёр, 1978, № 2.
3. Пионер, 1973, № 4.
4. Пионер, 1976, № 9.
5. Пионер, 1980, № 1, № 2, № 5, № 9, № 10, № 11.
6. Пионер, 1981, № 5.
7. Пионер, 1988, № 10.

Поступила в редакцию 25.05.2023 г.

DIALOGICAL GENRES IN CHILDREN'S MAGAZINES "PIONEER" AND "KOSTER" OF THE 1970-1980S

Y.A. Blokhina

The article deals with the study of typical dialogical genres in the Soviet children's periodicals. The author reveals the content, stylistic and visual forms of their implementation, which contribute to building a constructive, open and useful dialogue between the editors of the magazines and their young readers. Methodologically the work is based on the main principles of social constructionism and critical discourse analysis. The research material includes issues of the magazines "Pioneer" and "Koster" of the 1970s–1980s. Through the dialogical genres the Soviet children receive answers to important questions, enrich their own knowledge in various subject areas, and adopt fundamental values and ideals of the Soviet society. A significant role is played by the multimodal tools, which maintain the interest of the readers and encourage them to engage in productive communication with the editors of the magazines.

Key words: dialogical genre, dialogism, dialogue, informational genres, analytical genres, young readers, magazine 'Pioneer', magazine 'Koster', Soviet.

Блохина Яна Алексеевна.

Кандидат филологических наук.
ФГБОУ ВО «Пензенский государственный
университет».
Исследователь.
Email: yana.yaroslavcev@mail.ru

Blokhina Yana Alekseevna.

Candidate of Philology.
Penza State University.
Researcher.
Email: yana.yaroslavcev@mail.ru

УДК 80.161.1-1

ОБРАЗ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА© 2023 *О.В. Блюмина**АОЧУВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»*

В работе рассматривается образ войны в творчестве Николая Тряпкина. Несмотря на то, что Николаю Тряпкину посвящено немало литературоведческих и научных исследований, имя его относится к числу тех явлений, место которых в современной русской литературе ещё до конца не определено. И его стихотворения на военную тематику до настоящего времени остаются вне поля зрения исследователей. В многообразии тематических пластов лирики Тряпкина военные стихи занимают значительное место. Война в стихах Тряпкина осмыслена с позиций поэтической философии крестьянина, основанной на нравственных идеалах народа, философии, отражающей многообразные проявления национального духа русского народа. Образ войны воплощается у Николая Тряпкина в том числе во взаимодействии с одним из важнейших способов организации художественного бытия в его творчестве – космизмом. А также интертекстуальностью. В процессе работы применялись методы: биографический, описательный, метод мотивного анализа, метод интертекстуального анализа.

Ключевые слова: образ войны, фольклор, космическое осмысление бытия, двойное восприятие, библейский, космизм, интертекстуальность.

Введение. Целью данной статьи является исследование образа войны в поэзии Николая Тряпкина в контексте одного из важнейших способов организации художественного бытия в его творчестве – космизмом. «Художественный мир Н. Тряпкина – это отнюдь не мир крестьянской избы, не мир России или Евразии, хотя, безусловно, в нём есть всё вышеназванное. Это космос, Вселенная, явленная не отделимо от человека и его бытия» [11, с.109], при таком понимании в аспекте космизма лирики Николая Ивановича развитие образа войны должно быть рассмотрено и в его связи с наследием народного творчества и традициями русской литературы, и в полифоничности и интертекстуальности его поэтики. Актуальность работы обусловлена тем, что это едва ли не первая попытка описания реализации образа войны как элемента художественного мира Николая Тряпкина.

Основная часть. Тема войны в русской советской поэзии представлена широко.

Поэтами-фронтовиками, которые ушли на фронт солдатами, – Семёном Гудзенко, Юлией Друниной, Юрием Левитанским, Давидом Самойловым, Николаем Старшиновым, Иосифом Уткиным и многими другими. Это один взгляд, окопный, не просто прочувствованный, а пережитой.

Поэтами – военными корреспондентами Александром Твардовским, Алексеем Сурковым, Павлом Шубиным, Константином Симоновым, Брониславом Кежуном и проч. Они писали и сильно, и пронзительно, и лиро-эпически, но это уже несколько иные координаты, иная конкретика. В каких бы переделках ни случалось побывать поэтам, в их поэтическом отклике всё равно очевидно доминирует взгляд наблюдателя.

И был Николай Тряпкин. Ровесник писателям-фронтовикам, не попавший на фронт из-за тяжёлого заикания, но немало написавший и передумавший о войне. О ней он писал и в самую военную годину, и в последующие годы тема войны не отпускала поэта.

Николай Тряпкин – особенное, неповторимое явление в русской литературе XX века. И несмотря на то, что лучшие литературоведы и критики такие В. Кожинов, С. Куняев, А. Тарасенков, С. Николаева, В. Редькин и другие обращаются к его творчеству; в конце XX – начале XXI века появляются диссертационные исследования,

посвящённые различным аспектам творческого пути поэта (Бараков В. «"Почвенное" направление в русской поэзии второй половины XX века» [1], Кошелева И.Н. «Фольклорный мир поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого» [10], Хриптулова Т.Н. «Поэтическое творчество Н.И. Тряпкина: типологические и генетические связи» [19]), имя Н. Тряпкина продолжает относиться «к числу тех явлений русской поэзии, место которых в истории литературы ещё только определяется» [19, с. 169].

Татьяна Хриптулова опубликовала большую монографию, в ней «творчество Тряпкина рассматривается как метатекст, взаимодействующий с такими системами как фольклор и классическая литература» [19, с. 6]. Творчество Николая Тряпкина в основном рассматривается в русле традиции и фольклора. И это справедливо. Но особенность его художественного мира ещё и в исключительной полифоничности [2], во всеохватности, в абсолютной смычке действительного и поэтического миров.

Сейчас стихотворения поэта на военную тематику остаются на обочине интересов исследователей. А между тем, война в стихах Николая Тряпкина – это ещё одно, третье измерение. Во время войны – он жил ею, ею болел. В сорок пятом встречал Победу... Однако и тряпкинская война, и тряпкинская Победа существуют в реальности крестьянского мира, который, как обоз с продовольствием, тащится за уходящим вперёд отрядом, он тоже участвует в сражении, но бойцы его безоружны. И не считают себя бойцами, даже стесняются этого.

Юрий Кузнецов говорил о Николае Ивановиче «... Тряпкин – последний русский поэт. Трудно и даже невозможно в будущем ожидать появление поэта подобной **народной** стихии» [3, с. 7]. В этой характеристике важно не только указание места поэта в современной русской поэзии, но и определение основы его поэтической философии, «проистекающей из нравственных идеалов народа» [20, с. 10].

Образ войны – один из ключевых образов в русской литературе, что было предуготовлено самой исторической судьбой России. Можно сказать, что определение своей национальной специфики, своего культурно-исторического места в международном пространстве средствами языковой изобразительности началось с произведений на военную тематику. «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Слово о гибели Русской земли» представляют собой лирический отклик на войну в той или иной её ипостаси.

Поэзия Николая Тряпкина, безусловно, наследует и преломляет архетипы, входящие в концептуальное поле войны. Но основной массив его стихотворений описывает Великую Отечественную Войну.

Среди современных исследователей образ войны разрабатывается в работах Прокофьевой В.Ю. [14], Переваловой С.В. [13], Даренского В.Ю. [6], Уфимцевой Н.В. [18], Смолиной А.Н. [16], Козловой Г.А. [8], Урюпина И.С. [17], Октябрьской О.С. [12], Сидоровой Г.П. [15] и др. Для данной статьи наиболее значимыми будут работы Даренского В.Ю. «Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне» [6], Урюпина И.С. «Мотив крови в поэзии П.Г. Антокольского и К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны» [16], а также работы Хриптуловой Т.Н. [18], [19]. Следует сказать, что при изучении поэтических репрезентаций образа войны традиционно не делается различия между окопными поэтами, поэтами-фронтовыми журналистами и поэтами – представителями послевоенного поколения. Поэзия же Николая Тряпкина, повторюсь, в освоении военной темы стоит особняком. Личный опыт поэта также неразрывен с общенародным опытом, но это иное переживание, архетипические мотивы войны воплощаются в

образно-смысловых вариантах, в основании которых своеобразие лирического героя, говорящего от имени современника, непременно поэта, не попавшего на войну в силу не зависящих от него обстоятельств, и философия которого прочно связана с философией крестьянина.

Война, как сорняк, прорастает сквозь привычный круговорот **деревенской** жизни, не ломая её, но как будто искривляя пространство – всё то, да не то, другое. Актуален, на мой взгляд, для такого понимания образ одного известного рассказа Рэя Брэдбери «И грянул гром» [4] не по сути, а по форме, как незаметно может искривиться реальность, превратившись в только похожую на неё, но по сути – трагедию. Трагедия похожая на реальность. Принявшая её формы, но от этого не ставшая менее страшной и менее драматичной. Мирные константы обросли жестокими переменными. И в результате читательское восприятие вовлекается в другие потоки, которые тоже омывают берега истории, но на отмели остаются особенные, единичные имена и смыслы. И сами потоки словно устремлены к главному руслу, чтобы влившись в него, не раствориться, а досказать, выразить недосказанное, невыраженное, оставшееся в стороне от смыслов и постижений.

Эпиграфом к военной теме творчества Николая Тряпкина я бы взяла стихотворение «Как людей убивают», написанное спустя двадцать лет после войны.

Как людей убивают?

Как людей убивают?

Никогда я не видел, как людей убивают,

Не крутился я в бандах, и на войны не брали,

И в застенки меня палачи не бросали,

И пред смертью не звал я молодого Орлёнка,

И на землю гляжу я глазами ребёнка.

Только травы мне шепчут да колосья кивают,

Точно сами собой все друзья умирают.

А ведь где-то, когда-то, и с кем-то, и кто-то

За меня выполняет эту злую заботу,

И с железною властью бойца и солдата

Сам он грудь открывает под прицел автомата

Или душит кого-то в промозглом кювете...

Это всё ведь бывает у нас на планете...

А в полях мне всё слышится звон жаворонка,

И гляжу я на землю глазами ребёнка...

О, страна моих предков! Земля дорогая!

Это что же? За что же мне милость такая?

И в каком же стоять пред тобой мне ответе –

На такой вот сырой и жестокой планете?

Только травы мне шепчут да колосья кивают,

Точно сами собой все друзья умирают.

И хожу я под говор ленивого шмеля,

И пою свои песни вот на этой свирели.

И цветы отвечают кивками участия...

Это что же –

И есть настоящее счастье?

Это стихотворение, можно сказать, во многом суммирует многочисленные реализации темы войны в творчестве поэта. Это и благодарность Богу, судьбе за то, что не обагрил своих рук кровью, пусть даже вражеской. И острое понимание того, что возможность продолжать **смотреть на мир глазами ребёнка** не отнята у него бесчеловечностью замысла. Он был помилован. И помилован именно как поэт, ибо дарован ему неповреждённый от начала поэтический дар, и особенность этого дара – тоже явлена как милость, милость не заслуженная, тяжёлым грузом легшая на плечи. Груз вины перед друзьями, которые **умирают точно сами собой**, вдалеке от жизненного пути поэта, но вышедшими на него после своей смерти. И то, **что цветы отвечают кивками участия**, не случайная метафора. Герой стихотворения в полной мере осознаёт эту ничем не оправданную милость оставаться в естественной своей повседневности и в тоже время знает, чем он может попытаться искупить свою вину. Именно попытаться, потому что покрыть виновность полностью он не рассчитывает, это значило бы слишком много милостей для одного человека.

На разные голоса пел о Великой Отечественной войне Николай Иванович. Например, в цикле стихотворений «Новобранец» (1942) – это неунывающая, с присказками да с прибаутками, абсолютно народная песня. Действительно, лёгкие строки словно стремятся к тому, чтобы превратиться в песню. Цикл построен так, что первые два произведения не дают представления о том, на какую войну отбывает новобранец. На нынешнюю, или, может быть, это воспоминание о прошедших военных походах. Начинает первое стихотворение сам будущий солдат, он прощается со своей возлюбленной в такой манере, чтобы приободрить её, не нагонять тоски и не впадать в излишний пафос.

*«Хоть с твоей любовью, дроля,
Мне расстаться нелегко,
Не держи любовью боле,
Еду к фронту, далеко.*

*Плюнь, что рвёт крылечко вьюга.
Ждёт нас тройка под навес.
Собери ж котомку другу,
Мой весёлый интерес!»*

Лексика, синтаксический строй, грамматические формы отсылают нас именно к народным лирическим семейным песням-прощаниям, создающим иллюзию того, что война – это не страшно и ненадолго.

*С полной чарой запеканки
Вышли гости на помост.
Закусил – и ногу в санки
Он в ковровые занёс.*

Только в третьем стихотворении цикла становится понятно, что речь идёт о настоящей, а не ставшей историей войне:

*«Еду в край, где немцы-гады,
Целясь в Родину мою,
Шлют торпедные снаряды
Чрез балтийскую струю.*

*Допивайте, гости, водку,
Не рычи, таёжный зверь.*

*На подлодку-быстроходку
Назначаюсь я теперь».*

Вот и всё о том, куда же всё-таки отправляется новобранец. Последний катрен возвращает к основному мотиву первого –

*«Но с твоей любовью, дроля,
Боль-разлука нелегка».*

То есть фактически главная печаль героя о том, что он расстанется надолго с любимой. И именно ради этого написано стихотворение. А строка **немцы гады шлют торпедные снаряды** – неприятность, с которой неунывающий новобранец легко справится.

И вот стихотворение следующего, сорок третьего года, как антитеза, как вызов первому, другой лик войны врывается в текст.

*И вдруг под гривою угарной,
Стуча по цементу моста,
Промчится поезд санитарный
С эмблемой Красного Креста.*

*И я пойму: то сказ кровавый
Тревожно роищут провода.
То по ночам в седые травы
Сочится раною звезда.*

Перед нами весьма характерное для Тряпкина **космическое** осмысление события по имени «война». Ввысь, по вертикали, возносится боль, и оттуда, из израненных недр Вселенной оплакана Земля **сочащейся раной**. Короткое, из двух строф, стихотворение словно бы стремительно мчит нас от тяжёлой конкретики к обобщению, но обобщению индивидуализированному, личному, внутреннему: тревожное впечатление от стремительной езды поезда подготовленно метафорой *под гривою угарной* – где грива (ассоциация с лютым зверем), и **угар** (того же корня, что и **жар** – Исходное *gēr̥ > žēr̥ после смягчения g в ж перед гласным переднего ряда ě < ē и изменения «ять» в а после шипящего ж. Первичное значение – «горящие, раскаленные уголья» (ср. *пирог* с пылу, с жару), затем – «тепло от них» и «жар» (и далее – «повышенная температура тела», а также «рвение, пыл») [21], вызывающий ассоциацию одновременно и с **копотью** (чёрный цвет) и **жаром** (красный цвет), фактически создают образ в виде треугольника: две линейно соединённых составляющие, **чёрный** и **красный**, и одна нелинейная – страх, возникающая из ассоциации **грива** – **лев**. В последней строке **красный цвет** уже актуализирован словосочетанием *Красный крест*. В следующей строке **красный** мгновенно становится **кровавым сказом**. Ф. И. Буслаев показал, что в истории русского языка глагол *съ-каз-ати* значил, собственно, "раскрыть, объяснить (тайнственно скрытое от непосвященных)", ср. прямой смысл таких слов, как *сказка, сказ, сказание*. Устная культура, каковой и была культура народная, особое значение придавала именно соотношению двух действий: *сказать* – *(раз)решить* – при исконном значении слова *разрешить* "развязать, открыть", т. е. "истолковать" [9]. Слово, которое равно делу истолкования, объяснения. То есть **сказ кровавый**, которым роищут провода, разрешает для поэта многие вопросы, таинственные бытийные взаимосвязи. Вторая, третья, четвёртая строка строят синусоиду – вверх: *Тревожно роищут провода*, вниз: *То по ночам в седые травы*, и резко вверх – и мгновенно вниз: *Сочится раною звезда*. Ну, и травы, поседевшие от горя, переполнившего землю, вбирают в себя вселенскую боль.

Название стихотворения «Воскресенье» соединяет в себе два смысла, одновременно присутствующих в стихотворении (выходной день и возрождение жизни).

*Лучом апреля и щепы
Сверкает быт моей избы.
Какая зайчиков игра!
Какие звоны топора!
И дышишь явной широтой...
Всё – после бури, после той...
Война прошла, война сняла
Три добрых четверти села.
Как обожгла мой дом! Как он
Теперь весной вознаграждён!
И я при солнечном огне
Скоблю ожоги на стене.*

*И я без выдумки скажу:
Домой, что в сказку, прихожу.
Тут на оконные крестцы
Садятся чёрные скворцы.
Тут славит с карточки мой дед
Свой возрождённый Назарет –
Свое село, свой милый дом...
Какое небо за окном!
Какая синь горит с утра!
Как солнце брызжет с топора!
И в звоне слез я слышу звон
Иных начал, иных времён.*

*И песню я одел в зарю
И в песне день благодарю
За горизонт, открытый нам,
Во все края, ко всем цветам...
Какое счастье в мире есть:
К весёлым плотникам присесть,
Цигарку шуструю крутить
И между делом говорить:
Что в небе – время высоты,
Что в мире – время широты
И что в беседе снегурей
Есть кротость девушки моей!*

Всё в этом произведении играет двойным светом, двойным восприятием. Например, первая строка *Лучом апреля и щепы* – здесь **щепа** похожа на **тонкий луч** и на **лучину**. Но главное во второй строке – **сияет быт моей избы**. Сияют не комната, не стены. А быт избы, **маленькое бытие**. Луч – щепа, бытие – быт. Так начинают разворачиваться два смысла названия «Воскресенье». Дальше мы видим всё ту же знаменитую тряпкинскую космичность – пространство с разомкнутыми границами. Победная, мирная весна возвращает деревне, природе, всему миру постоянство, покорёженное войной. Ненастоящий, искривлённый мир, трагедия, притворившаяся

действительностью (см. выше), сбрасывает с себя мороки беды, черноту слёз, светлеет и сливается с бескрайностью. Оковы, ограничивающие, сжимающие пространство, пали. Я словно слышу глубокий-глубокий вздох мироздания в строках:

*Какая зайчиков игра!
Какие звоны топора!
И дышишь явной широтой...
Всё – после бури, после той...*

Между тем была, была беда, и сколько неисцелимого горя стоит за строками:

*Война прошла, война сняла
Три добрых четверти села.
Как обожгла мой дом!*

Но свет созидающий, а не испепеляющий уже проник в **маленькое бытие**.

*И я при солнечном огне
Скоблю ожоги на стене.
И Библейское понимание вновь сливается с конкретикой жизни
Тут славит с карточки мой дед
Свой **возрождённый Назарет** –
Своё село, свой милый дом...*

Осиянная деревня соединяется с мирозданием. Нет пределов, нет преград, только синь и солнце окрест.

*Какое небо за окном!
Какая синь горит с утра!
Как солнце брызжет с топора!*

И звон **иных времён**, который слышит лирический герой в звоне слег, – это тоже двойное восприятие: христианское, возрождающее и земное, буквальное – надежда на то, что теперь начнётся новая, счастливая жизнь без войн. Эту жизнь начнут строить люди, много пережившие и перестрадавшие вместе, всем народом, многое понявшие и пересмотревшие прежнюю систему ценностей. Я бы сказала так: в этих строках о духовном, душевном и материальном счастье говорит поэт.

*И в звоне слег я слышу звон
Иных начал, иных времён.*

И снова песня, и горизонты, и простое счастье **к плотникам присесть**.

*И песню я одел в зарю
И в песне день благодарю
За горизонт, открытый нам,
Во все края, ко всем цветам...
Какое счастье в мире есть:
К весёлым плотникам присесть,
Цигарку шустрюю крутить.*

Ну и последние две строки так легко и радостно соединяют небо и землю именем **Воскресенье** в заглавии.

*Что в небе – время высоты,
Что в мире – время широты
И что в беседе снегорей
Есть кротость девушки моей!*

Бескрайность небесной высоты и широты мира заканчивается сравнением снегорей и девушки. Всё уместилось в деревенской победной весне.

В стихотворении «Дорога», написанном спустя более двадцати лет после окончания войны,

*И день и ночь сновали здесь воронки
Горючей пыли, резавшей глаза,
И прыгали солдатские трёхтонки,
И топала солдатская кирза.*

*Гремел большак, не ведая забвенья,
Во всю кадриль булыжин и торцов.
Тогда он шёл в одном лишь направленьи
Туда – на Брест, на Ржев и на Зубцов.*

*Гремел большак, раскинув на полсвета
Воскрылья праха, горького, как соль.
И я стоял у пыльного кювета
И постигал всемирную юдоль.*

*А мимо шли угрюмые, как Виш,
Скребучие колонны тягачей.
А мимо пролетали грузовые,
И проползал железный скарабей.*

*И только помню вещую тревогу
От песен тех – из пыли и песка, –
Где горький дым отцовского порога
И горькая солдатская тоска.*

*И ты, герой, пускающий колечки
Из трубки той пред зимним очагом!
Ты заслужил, чтоб я востеплил свечки
Перед твоим кирзовым сапогом.
И пусть плывут над крыльями поэта
Воскрылья праха, горького, как соль,
Чтоб я стоял у пыльного кювета
И постигал всемирную юдоль.*

Снова перед нами **космичность** произошедшего и двойное зрение поэта. Действительно, поэт словно бы стоит на обочине события и записывает, впитывает, воссоздаёт:

*Чтоб я стоял у пыльного кювета
И постигал всемирную юдоль.*

Прошли годы, десятилетия, но герой стихотворения (а мы понимаем, что он же – Николай Тряпкин) всё возвращается туда, всё пытается постичь, до конца понять масштаб и глубину событий. Определить их роль и ценность для себя. Вселенское здесь начинается у **отцовского порога**, где **горький дым**. И уходит – **Туда – на Брест, на Ржев и на Зубцов**. И наконец,

*Гремел большак, раскинув на полсвета
Воскрылья праха, горького, как соль.*

Всё произведение строится на соединении высокого и земного, образов от горнего и образов от бытового:

Гремел большак, раскинув на полсвета

*Воскрылья праха, горького, как соль.
И я стоял у пыльного кювета
И постигал всемирную юдоль,*

*И только помню вещую тревогу
От песен тех – из пыли и песка, –
Где горький дым отцовского порога
И горькая солдатская тоска,*

*И ты, герой, пускающий колечки
Из трубки той пред зимним очагом.*

Военную технику лирический герой, стоящий у обочины, сравнивает с гоголевским Виём (ибо только у него явлен этот удивительный персонаж) и с полумистическим скарабеем. Но главное, на чём сходятся вышнее и обиходное (очевидно, что мы имеем дело не с противопоставлением, не с антиномиями, а всё с той же особенностью тряпкинско-поэтического мироздания. Космос начинается прямо от порога, и заканчивается там же), это две главных точки: 1. Крылатость поэта, которая, как известно, самого высшего свойства, надмирного. Однако же **воскрыльями** над его **крыльями прах военных дорог**, горький как соль.

*И пусть плывут над крыльями поэта
Воскрылья праха, горького, как соль,*

Пыль эта земная выше **вдохновения**, которое ниспосылает поэту небо. Может быть, это и есть то самое постижение, к которому так стремился поэт. Особенно если учитывать, что слово **воскрылья** библейского происхождения: *воскрилия* (Иез. 16:8 [5], Мат. 23:5) [7] – полы, края одежды. У Матфея имеются в виду кисточки, которые закон предписывал евреям делать на краях одежды (Чис. 15:38-39, Втор. 22-12) [5]. Кисти эти были пурпурно-голубыми и располагались на четырёх концах одежды, они должны были напоминать заповеди Господни. Фарисеи думали, что чем шире их *воскрилия*, тем виднее для народа их благочестие. Прикосновение с верою к этим кистям одежды Иисусовой кровоточивой женщины исцелило её болезнь (Мат. 9:20) <...> [7]. 2. И вот и прямо, и фигурально склоняется поэт в молитве к солдатскому сапогу, из-под которого и взлетела в небеса та самая пыль, высшая всех высот.

*Ты заслужил, чтоб я востеплил свечи
Перед твоим кирзовым сапогом.*

Николай Тряпкин вообще невероятный энциклопедист. Но использовал он свои знания настолько легко, настолько естественно, что читатель и не замечает их. А между тем широта его кругозора такова, что весь мир так или иначе втянут в художественное пространство, объясняя и уточняя одно через другое, близкое через отдалённое. При этом культурное многоголосье полностью подчинено коренному тряпкинскому слову.

Заключение. Элементом художественной системы поэзии Тряпкина является в том числе образ войны, представленный многочисленными реализациями, замешенными на фольклоре, на традиционном крестьянском мировидении, и в то же время взаимодействующими с тряпкинским космизмом и интертекстуальностью. В дальнейших работах исследование образа войны в рамках целостного описания художественной мира поэзии Николая Тряпкина будет продолжено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бараков В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция / В. Бараков. – Вологда: Русь, 2004. – 268 с.

2. Блюмина О.В. Взаимодействие сакрализованных и десакрализованных смысловых компонентов как одна из особенностей стиля Николая Тряпкина / О.В. Блюмина // Текст в культурном, языковом, социальном пространстве : [сборник научных статей / отв. ред. В.В. Никульцева]. – Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М. : МФЮА, 2021. – 602 с.
3. Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. М. : Молодая гвардия, 2005. С 20.
4. Рэй Брэдбери. И грянул гром [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://libking.ru/books/romance-sf/66492-3-rey-bredberi-i-gryanul-grom.html> (дата обращения 25.06.2023).
5. Ветхий Завет [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bible.by/old-testament/>
6. Даренский В.Ю. Война как духовная инициация: экзистенциальные архетипы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / В. Ю. Даренский // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2014. – № 1(15). – С. 90-110.
7. Евангелие от Матфея (Мф. 19:17) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://azbyka.ru/biblio/?Mt.19&r> (Дата обращения 25.06.2023)
8. Козлова Г. А. Евангельские мотивы в русской поэзии о Великой Отечественной войне / Г.А. Козлова // Творчество В.И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории : Материалы III Международной научно-практической конференции, Краснодар, 17–18 мая 2019 года. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. – С. 90-99.
9. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Электронный ресурс] / В.В. Колесов – Режим доступа : <https://coollib.com/b/363857/read> (дата обращения 25.06.2023).
10. Кошелева И.Н. Фольклорный мир в поэзии Н. Тряпкина, Ю. Кузнецова, В. Высоцкого: способы реализации фольклорной цитаты в тексте: дисс. ... канд. филол. наук / И. Н. Кошелева. – Бийск, 2005. – 177 с.
11. Николаева С.Ю. Концепция мира в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный Вертоград. Альманах Всероссийского фестиваля имени Николая Тряпкина. М.: НИЦ «Академия». 2010. Вып. 1. С. 108-116.
12. Октябрьская О.С. Поэзия А.Л. Барто и Е.А. Благиной о Великой Отечественной войне: типология основных мотивов и образов / О. С. Октябрьская // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2020. – № 3. – С. 37-46.
13. Перевалова С.В. «Он весь - свободы торжество!»: поэтические мотивы Блока в русской «лейтенантской» прозе / С. В. Перевалова // Литература в школе. – 2023. – № 3. – С. 43-55. – DOI 10.31862/0130-3414-2023-3-43-55.
14. Прокофьева В.Ю. Женские образы России в русской поэзии периода Великой Отечественной войны / В. Ю. Прокофьева // Россия в войнах и локальных военных конфликтах XX - начала XXI : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 28 сентября 2018 года / Ответственный редактор Д.П. Самородов. – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал ФГБОУ ВО "Башкирский государственный университет", 2018. – С. 248-252.
15. Сидорова Г.П. "Ожиданием своим ты спасла меня": гендерные особенности взаимоподдержки в русской военной лирике (1930-2000-е гг.) / Г. П. Сидорова // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 2. – С. 200-205.
16. Смолина А.Н. Советская поэзия периода Великой Отечественной войны и Православие: лингвокоммуникативный аспект / А. Н. Смолина // Экология языка и коммуникативная практика. – 2015. – № 1(4). – С. 243-268.
17. Урюпин И.С. Мотив крови в поэзии П.Г. Антокольского и К.М. Симонова периода Великой Отечественной войны / И. С. Урюпин // Правда о войне в художественных интерпретациях. К юбилею Победы : Материалы XXV Шешуковских чтений, Москва, 31 января 2020 года / Под общей редакцией Л.А. Трубиной. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2021. – С. 16-23.
18. Уфимцева Н.В. Образ войны в русском языковом сознании по материалам ассоциативных словарей / Н. В. Уфимцева // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета, Донецк, 27–28 октября 2022 года / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. Том 4 Часть 2. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. – С. 41-44.
19. Хриптулова Т.Н. Поэтическое творчество Н.И. Тряпкина: типологические и генетические связи: дисс. ... доктора наук / Т.Н. Хриптулова – Тверь, 2019. – 537 с. [Электронный ресурс] – Режим доступа : https://dissertations.tversu.ru/system/dissertations/theses/000/000/224/original/%D0%A5%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A2.%D0%9D.%D0%B4%D0%B8%D1%81%D1%81.%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.pdf?1572102627 (дата обращения 25.06.2023).

20. Хриптулова Т.Н. Творчество Н.И. Тряпкина: особенности поэтики / Т.Н. Хриптулова. – Тверь – Смоленск : Издательство «Маджента», 2015. – 216 с.

21. Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского Н.М. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://lexicography.online/etymology/shansky/%D0%B6/%D0%B6%D0%B0%D1%80> (дата обращения 25.06.2023).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

22. Тряпкин Н.И. Звёздное время : Избранные стихотворения / Сост. и автор предисл. Г.В. Шувалов. – М.: Литературная Россия, 2018. – 384 с.

Поступила в редакцию 15.06.2023

IMAGE OF WAR IN WORKS BY NIKOLAY TRYAPKIN

O.V. Blyumina

The article addresses the image of war in the works by Nikolai Tryapkin. Despite the fact that a lot of literary and scientific research has been devoted to Nikolai Tryapkin, his name is one of those phenomena, whose place in modern Russian literature has not yet been fully determined. His poems about war remain understudied. In the variety of thematic layers of Tryapkin's lyrics, poems about war occupy a significant place. The war in Tryapkin's poems is viewed in terms of a peasant's poetic philosophy, which is based on the moral values and ideals of the people, and on the philosophy that reflects the diverse manifestations of the Russian people's national spirit. The image of war is embodied by Nikolai Tryapkin in its interaction with both cosmism, which is considered to be one of the most important ways of organizing artistic life in his works, and intertextuality. In the process of work, the following methods were used: biographical, descriptive, method of motive analysis, method of intertextual analysis.

Key words: image of war, folklore, cosmic comprehension of being, dual perception, biblical, cosmism, intertextuality.

Блюмина Ольга Валентиновна.

Кандидат филологических наук.

Московский финансово-юридический университет (МФЮА).

Доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин.

E-mail: olya00700@mail.ru

Blyumina Olga Valentinovna.

Candidate of Philology.

Moscow University of Finance and Law (MFLA).

Associate Professor at Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines.

E-mail: olya00700@mail.ru

УДК 81'42.

ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ

© 2023 Н.В. Лешкова

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет»

В современном языкознании малоизученным является вопрос, связанный с особенностями функционирования в языке религиозных лексем. С развитием религии как социального института, появлением религиоведческих теорий, направлений, течений формируется и лексикон религиозной сферы бытия социума. Религиозная лексика номинирует многочисленные элементы богатого традициями церковного быта, обрядов, традиций и догм, – всего, что связано с религиозной формой общественного сознания, и является внешним проявлением верования народа, его богопочтения и набожности. В статье рассматривается термин религиозная лексика как языковая подсистема лексических единиц, которые означают предметы, понятия, явления, свойства, процессы, традиции, догмы и т. д. церковно-религиозной сферы бытия человека, независимо от его вероисповедания. Также анализируется религиозная лексика, которая исследуется на материале текстов различной жанрово-стилистической принадлежности, как художественных, так и нехудожественных, функциональная семантика религиозной лексики, ее транссемантичность, трансфункциональность, ресемантизацию и другие динамические семантические процессы и изменения. Рассматриваются жанры религиозного дискурса. При написании статьи были использованы описательный метод, метод компонентного анализа, метод сопоставительного анализа.

Ключевые слова: религиозная лексика, религиозный дискурс, концепт, речевые жанры, лингвистика, коммуникация, моделирование, социум, символичность, псалмы, молитвы, проповедь.

Религиозная лексика, несмотря на свою определенную семантико-стилистическую «ограниченность», в наше время может быть исследована на материале текстов различной жанрово-стилистической принадлежности, как художественных, так и нехудожественных. Именно в пределах микро- и макроконтраста можно рассматривать функциональную семантику религиозной лексики, ее транссемантичность, трансфункциональность, ресемантизацию и другие динамические семантические процессы и изменения. В значительной степени особенности религиозной лексики детерминированы жанрово-стилистической принадлежностью текста, в котором эта лексика употребляется, а также типовыми признаками и спецификой соответствующего дискурса. Поэтому развитие дискурсного аспекта изучения религиозной лексики, которое популяризируется в последнее время в исследованиях Е.В. Бобыревой, В.И. Карасика, Е.Б. Казниной, В.А. Бурцева и др. является важным и перспективным в лингвистике в целом.

Теоретическими основами дискурсного изучения религиозной лексики служили труды М.В. Йоргенсен, Л.Дж. Филлипс, Э. Лакло, Ш. Мафф, Е.С. Кубряковой, О.П. Воробьевой, В.Е. Чернявской и др.

В современном языкознании малоизученным является вопрос, связанный с особенностями функционирования в языке религиозных лексем. Изучение этих единиц для полного, всестороннего, системного их анализа возможно только путем применения разных системного и методологического подходов, что и было осуществлено в нашем исследовании и является научной новизной работы. В настоящее время изучение религиозной лексики является одним из самых востребованных и перспективных направлений в области как филологических, так и педагогических наук. В настоящей статье предпринимается попытка обобщения основных теоретических и практических аспектов данных исследований. Рост интереса

современных лингвистов к религиозной коммуникации обусловлен актуальностью для общества проблем взаимодействия языка и религии, жизнедеятельности религиозных сообществ и проблем межконфессиональной коммуникации в условиях глобализации и интеграции в мире, что обусловило усиление миграционных процессов в наше время. Разностороннее изучение дискурса как такового и неоднозначное понимание его в языкознании повлекло и неоднозначное понимание сущности религиозного дискурса. Как один из институциональных дискурсов (по определению В.И. Карасика [8, с. 11]) религиозный дискурс имеет свои свойства, жанры и языковые характеристики, которые были установлены Е.В. Бобыревой [4, с. 167] и описаны М.Л. Макаровым в рамках прагмалингвистического, социально-конструктивного, когнитивно-психологического и интерпретативно-интеракционного подходов [12, с. 43]. Как справедливо определяет Е.Б. Казнина, религиозный дискурс – это текст и ряд неязыковых факторов [7, с. 40]. Семиолингвистические аспекты религиозного дискурса, исследованы К.В. Аверьяновой [2, с. 23]. По ее мнению, педагогический, политический, религиозный, юридический и научный типы институционального дискурса привлекают внимание лингвистов, поскольку в них на первом плане не системные языковые отношения, а своеобразие языковой личности как представителя определенного социума, культуры и статусно-ролевых характеристик. Исследователь совершенно верно определяет цель религиозного дискурса как объединения верующих [2, с. 23].

Вместе с определением и предоставлением общей характеристики религиозному дискурсу немало исследований в наше время посвящено изучению отдельных жанров последнего. Так, В.А. Бурцев определяет специфику проповеди как жанра религиозного дискурса: проповедь определяется синтаксическими типами предложения, которые обозначаются на основе выражения в тексте функционально-семантических категорий производительности и категориальных доминантов текста. Проповедь характеризуется такими категориальными доминантами: императивность, достоверность, необходимость, возможность, имплицативность [5, с. 38]. На основе предложений, выражающих категориальные доминирующие значения, строится грамматика дискурса.

В процессе моделирования типов институционального дискурса Н.А. Кравченко выделяет такие его признаки: 1) конститутивные признаки – включают участников, условия, организацию, способы и тематику общения, то есть людей в их статусно-ролевые и ситуативно-коммуникативные амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, «знаковое тело» общения (тексты и / или невербальные знаки); 2) признаки институциональности – это признаки, которые фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичный хронотоп, символические действия, трафаретные жанры и языковые клише; следовательно, институциональное общение является коммуникацией в своеобразных масках; 3) типологические признаки институционального дискурса связаны с тем или иным типом общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщенный в ключевом концепте этого института, связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения следующих функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, произведенными в этом социальном образовании; 4) нейтральные признаки, которые имеют общегосударственные признаки, характерные для любого типа общения, личностно-ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, которые обнаруживаются «на чужой территории», то есть транспонированные признаки [10, с. 261].

Наиболее подробно компоненты религиозного дискурса можно определить на основе общих составляющих институционального дискурса, предложенных В.И. Карасиком и А.В. Гончаренко. Следовательно, религиозный дискурс характеризуется такими компонентами: 1) участники – присутствие «своих» участников, составляющих религиозные слои населения (священнослужители, верующие, теологи, религиоведы, то есть все те, кто имеет истинный интерес к религиозным знаниям и проблемам, активное участие в жизни религиозной общины); 2) хронотоп – взаимосвязь места и пространства является определенным, поскольку церковные общие собрания, молитвенные служения, воскресная школа является местом проведения религиозного общения; 3) цель – целью религиозного дискурса является ознакомление и изучение библейских доктрин и донесение вечных истин к сердцу и уму личности, по которым человек строит духовные принципы своей жизни и становится убежденным в правильности своего выбора; 4) ценности – религиозные ценности – выраженные концептами веры, покаяния и др. являются стремлением к внутренним изменениям сердца, характера человека, а также улучшением окружающего мира; 5) стратегии – к стратегиям религиозного дискурса относят стратегии убеждения, объяснительную, коммуникативную, обрядовую, контролирующую, оценочную, утвердительную и др.; 6) тематика материала – тематика религиозного дискурса является вполне религиозной или привлекает другие сферы общественной жизни (религиозный дискурс может рассматриваться как объект лингвофилософии, социолингвистики, лингвополитологии, психолингвистики, лингвокультурологии, лингворелигиоведения и др.); 7) жанровая специфика – первичные и вторичные жанры религиозного дискурса (притчи, проповеди, молитвы и другие жанры и поджанры апокрифической и агиографической литературы); 8) прецедентные тексты – в состав прецедентных текстов включают прецедентные имена, прецедентные выражения и прецедентные ситуации; 9) дискурсивные формулы – являются «принятыми в религиозном общении клише и предопределенные обороты, которые однозначно определяют тип этого дискурса» [7, с. 65–66].

Основными признаками религиозного дискурса как институционального являются следующие: четкая, иерархизированная детерминация базовых участников коммуникации (Бог – священник – прихожанин), четко определенный хронотоп (местом общения является храм, время регламентировано богослужением), открытая декларация ценностей и норм поведения (ключевым ценностным концептом выступает концепт «Вера»), опора на прецедентные тексты, жанры, наличие четких целей и соответствующих им коммуникативных стратегий (молитвенной, исповедальной, утвердительной, разъяснительной и т.п.); использование принятых в религиозном общении клише и оборотов [8, с. 261]; апеллирование к Абсолюту Бога, Его всемогуществу, справедливости, победы добра над злом. При этом Вера рассматривается как ментальное состояние человека, который, во-первых, понимает различие между данным, повседневным миром, с одной стороны, и запредельным, сверхъестественным миром, с другой стороны; во-вторых, не сомневается в существовании этого запредельного мира, сфокусированного в идее центрального создания – Бога; в-третьих, делает выбор, признавая существование Бога; в-четвертых, доверяет Богу и ждет от него помощи [8, с. 261] и светлого будущего. Неотъемлемой составляющей религиозного дискурса, как справедливо отмечают Г. Бансен и В.И. Карасик, являются разговоры о Боге, бессмертии, чудесах, спасении [8, с.261].

Религиозный дискурс представляет собой «органическое единство всех речевых актов, содержание которых относят к сфере религии, ситуативного и культурного

контекстов, в которых осуществляются эти речевые акты, а также единство всех зафиксированных текстов религиозного содержания» [13, с. 44–48]. Это сложное многомерное образование, элементы которого (речевые акты, жанры, высказывания, социальные и культурные контексты, собственно тексты религиозного содержания) образуют сеть многочисленных пересечений и наложений. Религиозный дискурс включает как институциональную (статусно-ориентированную) коммуникацию, так и лично ориентированную, примером которой является молитва [13, с.44–48].

Опираясь на специфику религиозного дискурса, определенную В.И. Карасиком и Н.А. Одарчук, М.И. Фецишин предлагает типологию религиозного дискурса, акцентируя внимание на том, что религиозный дискурс является *Umbrella term*, то есть, общим термином, особым местом, научным полем религии, в пределах которого по форме передачи религиозного знания различают устный и письменный религиозный дискурс; по жанровой направленности – религиозно-научный (религиозно-теоретический) и религиозно-популярный; по виду речи – диалогический и монологический; по адресатному критерию – персональный и институциональный или же лично ориентированный и статусно-ориентированный религиозный дискурс; по критерию национальности – англоязычный, русскоязычный и др.; по выбору конкретной религии – христианский и др.; по христианским течениям – дискурс протестантизма, католицизма и православия; по деноминациям соответствующих течений наиболее разветвленным является протестантский дискурс, который включает дискурс пятидесятничества, дискурс баптизма и анабаптизма, дискурс харизматии и другие его виды, учитывая деноминации и деноминации определенного вероисповедания [14, с. 16–19].

К системообразующим чертам религиозного дискурса, которые отличают его от видов дискурсов, а также соглашаясь А.А. Лисовской, относим следующие: 1) религиозный дискурс является объемной в своем содержании знаковой системой, которая делится на ряд замкнутых и комплексных знаковых подсистем или дискурсивных текстов; 2) религиозный дискурс является уникальным благодаря распределению адресантно-адресатных ролей: к числу его участников относится Бог, в связи с чем коммуникация может иметь как двойственную адресантность, так и двойственную адресатность; 3) сферой функционирования религиозного дискурса является общение в главном социальном институте религии-церкви, а также общения вне храма. Общение в храме ограничено высокой степенью клишированности, ритуализированности, театральности. При этом существует четкое разграничение ролей между участниками общения, большая социально-коммуникативная дистанция, разделяющая коммуникантов; 4) религиозный христианский дискурс является единым дискурсивным образованием, которое имеет устойчивую систему ценностей, неизменных на протяжении всего периода его существования, актуальных во всех социальных группах и общественных формациях; 5) религиозному дискурсу присуща символичность; 6) стратегии религиозного дискурса определяются его целями, главной из которых является открытое изложение и утверждение основ правильного вероучения [11, с. 28].

Следовательно, для дискурсивного анализа религиозных текстов важно различать широкое и узкое понимание религиозного дискурса. Как отмечает Е.В. Бобырева, в узком смысле – это языковые акты, используемые в религиозной сфере; в широком смысле – это определенные действия, ориентированные на приобщение к вере, а также сопровождающее взаимодействие коммуникантов, включая текстовые фрагменты, используемые в процессе религиозной коммуникации [4, с. 173]. Это отражение жизни,

убеждений религиозных людей, принципы, имеющие источники в основополагающих рассказах, мифах, нарративах.

Впервые исследовав православный дискурс, Е.В. Бобырева определяет системообразующие для православного вероучения концепты *Бог и вера*, которые реализуются в признании Бога как справедливого Вершителя сил добра и зла. Специфическими концептами религиозного общения являются *Бог, вера, Дух, храм, душа* и концепты, общие для других типов общения *любовь, наказание, закон* и др. [4, с. 167]. Основательно раскрывая жанровую структуру религиозного дискурса, Е.В. Бобырева определяет жанр как вербальное оформление типичной ситуации взаимодействия людей, совокупность текстовых произведений, имеющих сходные композиционные формы, объединенные единой целью и до известной степени одинаковые или близкие тематикой, реализуемые в типичной коммуникативной ситуации [4, с. 167].

Все устные и письменные речевые жанры являются коммуникативными; они содержат конкретное сообщение, воспроизводимое лингвистическими и экстралингвистическими факторами определенного текстообразования [14, с. 16–19].

Библия как особый сакральный христианский текст является центральным письменным источником христианства всех конфессий, откуда верующие черпают религиозные истины. Это книга, которая открывает путь спасения для каждого человека. В ней отражена история создания и существования мира. Значимость и неизменность Священного Писания веками закреплена в его догматичности, обязательности для всех христиан и даже в перифразированных названиях – «Слово Божие», «Закон Божий». В Ветхом Завете описаны события, имевшие место до рождения Иисуса Христа. Новый Завет описывает период распространения христианства после рождения Мессии. Соответственно, библейский дискурс делится на ветхозаветный и новозаветный дискурсы.

По способу передачи Слова Божьего в церкви и за ее пределами различают проповеднический дискурс, молитвенный дискурс, дискурс христианской песни и дискурс христианской поэзии (декламирование стихов).

В соответствии с критериями распределения жанров религиозного дискурса следом за А.А. Анисимовой выделяем следующие признаки религиозного дискурсного поля: (авторитетность (святость), единичность (постоянное воспроизведение жанра в неизменном виде), множественность реализаций жанра, характер субъектно-адресатных отношений и функциональная сфера) [3, с. 22–27] и его зоны:

- ядерная зона – сакральные тексты Священного Писания, постановления семи Вселенских Соборов, писания отцов церкви, а также литургические тексты (молитвы, песнопения из богослужебных книг, псалмы, фрагменты Священного Писания);

- оклоядерная зона содержит религиозные жанры, не связанные напрямую с богослужениями, но регулирующие духовную и практическую деятельность церкви. К ней относятся жанры административно-юридического (устав, правила, определения, постановления, указания и др.); гомилетического (приветственное слово, послание, проповедь, духовная беседа, лекция в духовном учебном заведении), теоретико-теологического (богословского) (толкование, комментарии, богословские статьи, монографии, диссертации и др.) и популярно-теологического (Катехизис, Закон Божий, календарь верующего, библейские чтения на каждый день) вида религиозного типа дискурса;

- зона близкой периферии включает жанры религиозно-публицистического дискурса, который обслуживает как религиозную, так и массовую коммуникацию

(послание, молитва, жизнь святых, катехизисная беседа, слово священника; примечание, статья, очерк в церковных газетах, журналах, информационных письмах; интервью, передача на религиозную тему, телевизионные фильмы и др.);

- зона дальней периферии представлена личностно-ориентированным дискурсом, функционирование которого не подкрепляется авторитетом церкви, в этом случае коммуниканты выступают от себя. Сюда относятся жанры религиозно-бытового (разговор, беседа, рассказ о церковных событиях, религиозных переживаниях, свидетельствах) и религиозно-художественного дискурса (рассказ, повесть, сюжеты, сказка, духовные стихи, духовные песни) [3, с. 147].

Е.В. Бобырева классифицирует религиозные жанры по степени институциональности, по субъектно-адресатному отношению, по социокультурной дифференциации, по событийной локализации, по функциональной структуре жанрового пространства [4, с. 35–36] и вполне оправданно распределяет жанры религиозного дискурса на первичные и вторичные. К первичным относятся речевые жанры (притчи, псалмы и молитвы и др.) как индивидуальные типологизированные образцы структурно-семантических и ценностных моделей, зародившихся в религиозном дискурсе, а к вторичным – речевые жанры, которые являются определенной интерпретацией и модификацией первичных религиозных связей – текстов Священного Писания, – проповедь и исповедь [4, с. 166–167].

Молитва является одной из составляющих религиозного дискурса. Это «устоявшийся текст, который произносится верующими во время обращения к Богу, к святым» [15, с. 278–292]. Молитва предполагает общение с Богом – общение необычное: верующий (адресант) молитвы посылает ее конкретному адресату – Богу, и сам выступает в роли квазиадресата. Важное значение молитвы заключается в привлечении и укреплении веры, получении душевного спокойствия и поддержки Божьей. В тематическом плане молитвенный дискурс создается через своеобразное тематическое нанизывание, в котором одна тема переходит в другую [15, с. 278–292]. В молитвенном дискурсе существует один адресат – Бог, и его коммуникативная стратегия реализуется через обращение к нему. Оценочный характер молитвенного дискурса проявляется в формировании у человека не только прочных убеждений и веры, но и в определении системы оценок и ценностей. Характерными особенностями молитвенного слова являются следующие: а) поиск духовной опоры в мировоззрении; б) создание ситуации доверия; в) исповедальное переосмысление пережитого.

По своей форме молитва является монологом, но, вместе с тем, она несет в себе признаки диалогичности, поскольку верующий находится в постоянном внутреннем диалоге с Богом, прося у него снисхождения, прощения, благословения, выражая благодарность за милость Божью.

Псалом – это религиозная песня, молитва, которая, как составная часть, входит в Псалтырь [1, с. 498]. Следом за Е.В. Бобыревой различаем виды псалмов по следующим критериями: по основной внутренней интенции (дидактические, интерогативные и эмотивные), по временной принадлежности (ретроспективные и интроспективные), по внутреннему характеру (медитативные, нарративные, констативные, апеллятивные и эмотивные), по ведущей стратегии (ведущие объяснительные и ведущие оценочные) [4, с. 167–168]. В содержательном плане псалмы констатируют могущество Бога и дают положительную оценку всему, что создано им, возвеличивают Господа, оценивают действия и поступки человека, подчеркивают ничтожество и бессилие человека перед Богом, содержат своеобразный упрек Богу за то, что не замечает страдания человека и часто является

бездействующим, также содержат высказывания, связанные с определенной угрозой [4, с. 176].

Притча является устно-письменным образцом религиозного дискурса, который изначально возник в устной форме, позже – зафиксирован письменно. Значительное количество притч построено на использовании приема аллегории. Любая аллегория основана на том, что за буквальным значением текста или текстового фрагмента скрыт его истинный смысл, даже если он не выражен эксплицитно, легко предсказать, понять и вывести из непосредственного содержания [4, с. 265]. В ряде притч содержится требование к человеку изменить определенные качества в себе или в своей жизни. Многие эпизоды из притч, а иногда и целые притчи, построенные на контрасте, противопоставлении, наглядно демонстрируют положительные и отрицательные стороны мировоззрения человека.

Притчи сложные для описания и толкования, это объясняется разноплановостью притчи и тем обстоятельством, что второй, скрытый план, который адресат должен получить при ее восприятии, не просто равен, но и многократно превосходит по своей значимости, заложенной в нем смыслом и значением план эксплицитный, открыто лежащий на поверхности и доступный для восприятия адресата. «...Аллегорическая фигура такова, что всегда, во-первых, имеет некое первичное значение, от которого отталкивается, и, во-вторых, дополняет его, но при этом и стирает его живой смысл. Живое в ней перечеркивается и замещается, словно убивается во имя накопления ренессансов значения» [9, с. 70–71].

Исповедь – в параметрах дискурса текст, заранее или спонтанно подготовленный верующим для изъяснения перед священником как посредником Бога на основе самоанализа, признания и осуждения собственной греховности, нарушения заповедей Божьих, покаяния в содеянном. Как важный элемент церковной жизни верующего и структурный компонент церковной жизни исповедь является одним из семи церковных таинств, при котором верующему прощаются совершенные им грехи и дается «благодатная помощь» на исправление жизни [4, с. 321]. Чаще всего исповедальные тексты разделяют на две категории: исповедь Богу и исповедь людям. Отличие их в главном: если исповедь Богу – это осознание своих грехов и покаяние (действие, наполненное глубокими душевными переживаниями), то исповедь людям – это объяснение своих поступков, обстоятельств своей жизни [15, с. 278–292]. Психология исповеди тесно связана с психологией молитвы. Раскаиваясь в грехах, верующий умоляет о прощении и твердо верит, что получит его. Исповедь как покаяние, признание собственных грехов и раскаивание в содеянном является одним из звеньев в гораздо более сложной и долговременной цепи возвращения человека к Богу, исправления его греховной жизни, образа мышления. Необходимость исповеди обуславливается греховностью природы человека, которая происходит от первородного греха Адама и Евы, праотцов. Грешить в религиозной картине мира означает отдаляться от Бога.

Следуя за Е.В. Бобыревой, классифицируем исповеди следующим образом: по месту совершения Таинства (церковные и домашние), по типу репрезентации (вербальная и невербальная), по количеству участников (индивидуальная и коллективная), по форме организации (свободная и фиксированная) и по презентации материала (конкретная и абстрактная). В исповеди сочетаются главные стратегии религиозного дискурса (исповедальная и молитвенная), при этом исповедальная стратегия может быть выделена в качестве центральной, ключевой, а молитвенная – лишь дополнительной, конкретизирующей [4, с. 276]. Гене́за исповеди может быть

представлена в такой цепочке: 1) существование в сознании верующего установленных норм и правил поведения; 2) совершение греха (неэтичного, запрещенного верой и общечеловеческой моралью действия); 3) существование в сознании верующего понятия о возможном наказании за совершенное преступление; 4) наказание (реальное или потенциальное); 5) возможность обретения через раскаяние вечной жизни и единения с Богом.

Проповедь в узком понимании – это христианское церковное наставление, целью которого является рассказ и толкование слушателям учения Православной церкви. Довольно часто при определении понятия «проповедь» принимается во внимание лишь внешняя ее сторона, то есть словесная форма, и сама природа проповеди определяется как исключительно риторическая, опускается внутреннее наполнение, которое предполагает размышления, переживания и формирование ощущения сопричастности. В риторической концепции проповедь – это искусство убеждения людей посредством слова в истинности христианских идей.

Е.В. Бобырева вполне справедливо утверждает, что проповедь – это речь, сказанная священнослужителем перед собранием верующих по определенному поводу, подчиненная определенной тематике, с целью конкретного религиозно мотивированного воздействия на адресата [4, с. 276]. С точки зрения центральной интенции различают проповедь назидательную (объясняет основные моменты этики, нормы и правила поведения человека в той или иной ситуации в соответствии с канонами религиозного учения и норм морали), объяснительную (трактует любой вопрос или проблему), догматическую (объясняет основные положения учения и веры), апологетическую (защищает Божьи истины от лжеучения и ошибок человеческого разума) и обличительную (разъясняет правила и нормы поведения, которые должны быть присущи истинно верующему, посредством разоблачения злонамеренной морали) [4, с. 277].

Ссылаясь на Священное Писание как на неоспоримую моральную максиму, проповедь призывает к покаянию и оповещает о возможности и самом событии спасения, питает веру, ставит читателя / слушателя перед фактом, на каждом историческом этапе удостоверяет новизну «христианского сегодня». Важнейшим фактом, которым во все времена оперировал проповедник, был и остается факт победы Христа над искушениями мира и над смертью. Благодаря этому личная, частная жизнь реципиента приобретает измерение вечности. Проповедник всегда находится перед непостижимой, невыразимой, жестокой действительностью, которая неизмеримо превышает его, поэтому он должен сохранять ясность и прозрачность мышления, ведь включен в бесконечный прогресс такого познания, когда проницательность человеческого разума дополняет интуицию сердца. Поэтому для проповедника важно, чтобы его слово было понятным, донесенным до сердец верующих.

Содержание проповеди формируется преимущественно благодаря ссылкам на другой текст, который прочитывается в творчестве того или иного автора, в смежном дискурсе или в предварительно проработанной литературе. Первоисточник (Священное Писание) является интертекстуальной основой, важной для созидания образа мира и для взращивания нравственного типа мышления.

Поскольку любая проповедь, как говорят Святые Отцы, – это «слово Божие в слове человеческом», можно выделить следующие ее типы: свободная проповедь и проповедь с «жесткой» привязкой к тексту источника. Последняя отличается обильным использованием цитат из Священного Писания. Различают также свободную проповедь и проповедь тематическую, посвященную какой-либо проблеме или вопросу (как

затронутому в Писании, так и актуальному сегодня). Последний вид встречается чаще всего.

Среди основных функций проповеди можно выделить следующие: функция влияния (повлиять на слушателя, повлиять как на его чувства, так и на разум, причем оба типа влияния – рациональное и эмоциональное – сбалансированы и одинаково значимы, оба они взаимозависимы); дидактическую (донести слушателю определенный урок, разъяснить основные учение, научить поступать надлежащим образом); функцию убеждения (убедить слушателя в правильности и истинности сказанного; как правило, проповедь оформлена тематически, подчинена раскрытию определенного положения, в правильности, безусловности которого проповедник желает и намерен убедить адресата, а также в правильности того положения, которое является ключевым в этой проповеди); поучительную (эта функция тесно связана с дидактической и призвана усилить ее, проповедник не просто проповедует, но и убеждает в необходимости совершения одних поступков и абсолютной неприемлемости, греховности других); протетическую (суть профетической функции, которая реализуется в проповеди, заключается в том, что проповедь призвана внушать или укреплять веру, способствовать стремлению к единству церкви, а также вести верующих к спасению).

Итак, религиозный дискурс является механизмом актуализации ценностно-нормативных и догматических основ религии, а также средством контроля и урегулирования соответствия действий и мнений верующего в соответствии с установленными вероисповеданием и другими социальными институтами стандартами. Религиозный дискурс является рефлексивным явлением, рефлексивность которого, не сводится исключительно к рациональным механизмам обоснования и объяснения, а имеет отношение также к догматическим нормам интерпретации. Характерной чертой религиозного дискурса является институциональность, а его экстралингвистические факторы играют важную роль в коммуникации. В следующих работах планируется рассмотреть влияние экстралингвистических факторов проповеди на адресата, определить их разновидности и сферу употребления. Основная цель жанровой структуры религиозного дискурса характеризуется проповеднически-установочным характером для ценностного восприятия окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М. : Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Аверьянова Е.В. Семиолингвистические аспекты православного и католического житийного дискурса XI-XVII веков (на материале церковнославянского и латинского языков) : автореф. дис. ... док. фил. наук : 10.02.20. Тюмень, 2014. – 50 с.
3. Анисимова Е.Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты / Е.Е. Анисимова: монография. – М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. – 240 с.
4. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс : ценности, жанры, языковые характеристики / Е.В. Бобырева: монография. Волгоград : Перемена, 2007. – 385 с.
5. Бурцев В.А. Дискурс русской православной проповеди : способы производства высказываний : автореф. дис. ... док. филол. н. : 10.02.01. Елец, 2012. – 52 с.
6. Гончаренко А.В. Компоненты религиозного дискурса / А.В. Гончаренко // Записки украинского языкознания. – 2014. – Вып. 21. – С. 61–68. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/zukm_2014_21_12. (дата обращения: 20.06.2023).
7. Казнина Е.Б. Концепт вера в диалогическом христианском дискурсе : дис. ...канд. филол. н. / 10.02.01. М., 2004. – 249 с.
8. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

9. Клименкова Т.А. От феномена к структуре / Т.А. Клименкова. – М., 1991. – 85 с.
10. Кравченко Н.А. Синергетичность англоязычного религиозного дискурса (теолингвистический подход) / Н.А. Кравченко : монография. – Одесса : КП ОМД, 2017. – 412 с.
11. Лисовская А.А. Основные составные религиозного дискурса : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Одеса, 27–28 марта. 2020 г. / ред. В. Лавренко. – Одесса, 2020.
12. Макаров М.Л. Основы теории дискурса/ М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
13. Одарчук Н.А. Структурно-функциональные особенности религиозного дискурса / Н.А. Одарчук, Н.П. Приварська. – Научный вестник Волынского национального университета им Леси Украинки. – 2008. – № 5. – С. 44–48.
14. Фецишин М.И. Жанровая палитра христианского религиозного дискурса / М.И. Фецишин // Science and Education a New Dimension. Philology, 2018. – Вып. 167. – С. 16–19.
15. Цукур А.Г. Проповеднический дискурс: подходы к определению понятия. Психологические науки: проблемы и приобретения. – 2014. – Вып. 6. – С. 278–292. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Pnpz_2014_6_21 (дата обращения: 20.06.2023).

Поступила в редакцию 10.06.2023 г.

RELIGIOUS VOCABULARY: DISCOURSE ASPECT OF STUDY

N.V. Leshkova

The article addresses functioning of religious lexemes, which is considered to be insufficiently explored. The lexicon of religious sphere in the life of the language community is formed with the development of religion as a social institution, with the emergence of religious theories and trends. Religious vocabulary nominates numerous elements of church life rich in traditions, rituals, and dogmas, i.e. everything that is connected with the religious form of public consciousness, and which is an external manifestation of people's beliefs, reverence and piety. The article considers religious vocabulary as a linguistic subsystem of lexical units that designate objects, concepts, phenomena, properties, processes, traditions, dogmas, etc. of the church-religious sphere of human existence, regardless of religion. Religious vocabulary is analyzed on the material of texts of various genres and styles. The focus is also made on functional semantics of religious vocabulary, its transemanticism, transfunctionality, resemanticization, and other dynamic semantic processes and changes. The genres of religious discourse are considered.

Key words: religious vocabulary, religious discourse, concept, speech genres, linguistics, communication, modeling, society, symbolism, psalms, prayers, sermon.

Лешкова Наталия Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет».

Доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

Leshkova Nataliya Viktorovna.

Candidate of Philology, Associate Professor.
Donetsk State Pedagogical University.

Associate Professor of Department of General Linguistics and Slavic Languages.

E-mail: nataleshkova@yandex.ru

УДК 821.161.1

ТЕМА СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ В ПОЭМЕ АННЫ РЕВЯКИНОЙ «ШАХТЕРСКАЯ ДОЧЬ»

© 2023 *Е.А. Митина*

*ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова*

Статья посвящена изучению поэмы донецкой поэтессы Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» в аспекте темы Священной войны. В работе проанализированы истоки этой темы от появления самого понятия в Древней Греции к формированию смысловых элементов этой темы в народных исторических песнях 1812 года и разработке этой темы в период Великой Отечественной войны. Выделены главные мотивы темы Священной войны в русской литературе и показана специфика их содержания и функционирования в поэме «Шахтерская дочь». Тема священной войны в поэме раскрывается в трех значимых группах мотивов. С одной стороны, она вырастает из системы фольклорных мотивов, центральное место в которой принадлежит мотиву сакральности родной земли. С другой стороны, Священная война понимается здесь в духовном аспекте как стояние за православную традицию и божественный свет в человеке. Тема развивается и через гражданственные мотивы, реализующиеся, в первую очередь, через отсылки к Великой Отечественной войне. При этом духовные мотивы пронизывает отчасти и фольклорные, и гражданственные мотивы, задавая теме Священной единое звучание. Более того, тема Священной войны в поэме эмоционально и интонационно максимально приближена к читателю, в связи с чем она как бы вырастает изнутри текста как его – и автора – подлинная, произрастающая вместе с ними реальность.

Ключевые слова: тема Священной войны, поэма «Шахтерская дочь», Анна Ревякина, православное мировоззрение, фольклорные мотивы, гражданственные мотивы, отсылки к Великой Отечественной войне, автобиографичность.

Впервые в истории понятие «Священная война» появилось в Древней Греции. Историки выделяют четыре Священных войны (596–586, около 448, 355–346, 339–338 до н. э.), в которых один союз племен или городов защищал святилище своих божеств от другого союза [1]. Священными войнами также называются религиозные конфликты между приверженцами разных верований, когда одни считают их бога главным и единственно истинным, а другие придерживаются иного взгляда на этот вопрос, отрицая того бога и противопоставляя ему своего [2]. Это особые войны, когда враг посягает на самое святое: веру, святыни, на саму душу народа. Тогда в войну вступает не только армия, её ведет народ, который ищет опору в Боге.

В православной культуре в глубинном понимании Священная война – это война за *божественное начало* в человеке против *начала дьявольского* на уровне народной войны. Подобный взгляд на войну представлен в книге святителя Николая Сербского «Война и Библия». Автор находит духовные корни войн, их течений и исходов. В его труде всесторонне раскрываются причины и последствия войн: войны попускает Господь для исправления согрешивших людей и приведения их к покаянию. Победа же достается тем, кто исполняет заповеди Божии «Божия война – это всегда битва за правду против ужаса лжи. В такой войне оправдано убийство и считается заслугой быть убитым» [3].

В то же время в православном мировоззрении в традиционном понимании Священная война воспринимается как борьба народа за *свободу и независимость* своей страны в прямой связи с верой в то, что только при независимости и свободе возможно сохранение народом своей национальной идентичности. То есть кроме значения

«святой, божественный» термин священный имеет здесь значение благородный, возвышенный, неприкосновенный, важнейший. Святитель Николай Сербский в своей книге отмечает, что захватническая война для православных христиан не только недопустима, но подлежит осуждению, в то время как война оборонительная, освободительная – благословенна. Автор напоминает, что в Ветхом Завете иногда говорится о «Божией войне», где Бог предстает могущественным орудием в руках праведников [4]. Многие из того, что описано в работе святителя Николая Сербского, созвучно идеям полководца А.В. Суворова, изложенным в его «Науке побеждать» [5].

Идея Священной войны характерна, в том числе, для русской культуры, о православной основе которой писали многие исследователи (С.С. Аверинцев [6], П.А. Флоренский [7], Н.О. Лосский [8] и др.). В русской культуре имя *Священная война* приобретает особое смысловое наполнение: это борьба народа против угрозы его государственности и национальной идентичности, основанное на понимании того, что стояние за *землю своих предков, за свою веру, за культурную традицию* священны. На протяжении всей истории Руси война всегда была неразрывно связана с проблемой культурного и религиозного противостояния «чужим». Поэтому неудивительно, что защита от врагов практически всегда оказалась связана с сохранением своей *веры*, чего так и не произошло, например, в Византии, несмотря на всю схожесть внешнеполитической обстановки двух государств [9]. *Сакральная связь* русского человека с *родной природой* вырастает из фольклорных, языческих представлений. В своей книге «Святость и святые в русской духовной культуре» В.Н. Топоров указывает на связь слов *святой, священный* с первоначальным значением произрастания, силы благодатной материнской природы: «В основе слова *святой* лежит праславянский элемент *svet- (= *svent-)... В конечном счете этот элемент ... образует звено, которое соединяет и теперешнее русское слово *святой* с индоевропейской основой *k'uep-to-, обозначающей *возрастание, набухание, вспухание*, то есть увеличение объема или иных физических характеристик. В языческую эпоху это «увеличение» чаще всего трактовалось как результат действия особой *жизненной плодоносящей* силы» [10]. Поэтому закономерно, что охранение родной земли в русской фольклорной картине мира (как части русского православноориентированного мировоззрения) означает и охранение веры. К Матери–Земле, оставшейся средоточием русской фольклорной картины мира, стекаются наиболее таинственные чувства народа. Как отмечает Г.П. Федотов, «под красивым покровом трав и цветов русские люди со страхом поклонялись черным сырм глубинам – источнику всех оплодотворяющих сил, кормящей груди природы и месту своего последнего упокоения» [11].

Дискурс о Священной войне в русской художественной литературе оформился в период Великой Отечественной войны – опорным текстом здесь следует считать песню «Священная война» (слова В. Лебедева-Кумача, музыка А. Александрова). Исследователь А. Чернов, сосредотачиваясь на специфике толкования темы Священной войны в песне, отмечает гармоничное сочетание в ней гражданственных, фольклорных и христианских мотивов [12]. В песне используется обращение «страна» как обозначение народного единства, при этом словосочетание «*страна огромная*» поднимает дух народа, напоминая о главном источнике его непобедимости в борьбе за свою свободу и независимость.

В песне актуализируется и такой аспект темы Священной войны, как сакральная связь с землей предков. Используются слова из богатырских былин, исторических песен, сказаний – *с проклятою ордой, на смертный бой*. Упоминаются и *крылья черные* – символ беды и смертельного сражения в русском фольклоре – которые «не смеют над

Родиной летать»; а «Поля ее просторные / Не смеет враг топтать!» [12]. Словосочетание *гнилая нечисть* отсылает к основному значению, пришедшему из народных поверий, где так называют темные силы, враждебные человеку.

В песне звучит призыв дать отпор «душителям всех пламенных идей» – всем попыткам разрушить культурные традиции народа. При этом ключевым для песни, определяющим ее нравственную тональность, является многократное повторение прилагательного *священный*, т.е. в первом значении – «освященный великой целью, благородством», а во втором – «обладающий святостью, признаваемый божественным», т.е. несущий религиозный смысл.

Дискурс о Священной войне формировался в русской литературе продолжительное время, его признаки можно найти и в более ранних текстах. Смысловые элементы темы Священной войны проявляются, в частности, в русских народных исторических песнях об Отечественной войне 1812 года. Особый характер этой войны понимали современники тех событий: «Война теперь не обыкновенная, а национальная», – заявлял П.И. Багратион [13]. Песни выразили патриотическое чувство крестьян, казаков, солдат; их ненависть к врагам и любовь к народным героям – полководцам Кутузову, Платову. Как отмечает Т.П. Нестерова, это переломное событие в истории России внесло существенное изменение в содержание песен: «Как и раньше, в них изображали тяготы солдатской службы, но теперь они наполнились *высоким смыслом защиты Отечества и соборного единения* нации в период опасности» [14]. Неслучайно в текстах исторических песен проявляются смысловые элементы, указывающие на формирование темы Священной войны: *Россия, Отечество, царь, вера* («Ай да за Россию, за царя, за веру нужно гостеньку принять: / Ай да как на поле славном Бородинском поплотней дружка обнять!» [15]). Эти элементы сочетаются с *фольклорным мотивом* связи с *родной землей*: с болью и негодованием говорится в песнях о разорении Москвы – когда «вор-француз» «стрелял, палил в каменну славну Москву», то «потрясалася *мать-сыра земля*», а когда он взрывал кремлевские стены, то «*мать-сыра земля* расступилася» [15].

Образ войны за Россию, русскую традицию, язык, народ стоит в центре художественной картины мира и современной донбасской поэзии. Ближайшим периодом актуализации связанных с войной смыслов для нее является Великая Отечественная война, поэтому закономерно, что происходящее сегодня на Донбассе во многом воспринимается и изображается поэтами – свидетелями трагических событий – как война Священная. «Донбасс хотел жить по законам своих предков, по законам своей родной земли, говорить на русском языке, чтить своих героев, героев Великой Отечественной войны, поэтому это Священная война», – объясняет Анна Ревякина в одном из своих интервью [16].

Тема Священной войны выстраивает образность и сюжет одного из выдающихся поэтических творений современной донбасской, русской литературы – поэмы Анны Ревякиной «Шахтерская дочь» [17]. Она была написана в течение лета-осени 2016 года, время действия поэмы охватывает 2014 и начало 2015 года – ранний период так называемой «русской весны». Особенности функционирования в поэме темы Священной войны определяются, с одной стороны, полускрытым ее присутствием в тексте (она остается неназванной) и, с другой, жанровой промежуточностью поэмы между документальностью и художественностью, что, в свою очередь, связано с особой психологической, духовной, да и «биографической» близостью героини автору (неслучайно главная героиня Мария, по признанию поэта, «на две трети я»). Эти две особенности сходятся в точке «антипафосности», «антипатетичности», в результате

чего поэма воспринимается читателем как предельно искреннее, личностное, рождающееся здесь и сейчас высказывание о том, что прожили, через что прошли не только герои, но и автор:

*Эта девочка – достоверная,
как война, что в моём окне [18].*

В этом смысле тема Священной войны раскрывается в поэме совершенно особым образом: она не предъявляется читателю (слушателю) как некий общий императив или исторический факт, она не соотносится с другими текстами, авторами, событиями, но вырастает изнутри текста как его – и автора – *подлинная, произрастающая вместе с ними* реальность. В то же время, осмысление этой темы, ее содержание в поэме, при некотором своеобразии деталей, глубоко соотносится с тем дискурсом о Священной войне, который, как было показано выше, окончательно оформился в русской литературе в период Великой Отечественной войны и который в основе своей имеет переплетение гражданственных, фольклорных и христианских мотивов. Эти мотивы, в соответствии с установками на «антипафосность», автобиографичность и документальную реалистичность текста, включены в ткань *достоверного женского повествования о войне, противостоящей всему женскому* – дочернему, материнскому, любовно-заботливому, нежному, да и просто живому.

Идея противоестественности войны, стремящейся жизнь заменить смертью, любовь – ненавистью и насилием, созидание (в том числе, созидание семьи, шахтерский труд) – разрушением предопределяет раскрытие темы Священной войны в поэме Анны Ревякиной. Война подана в ней через взгляд девочки, а потом юной девушки Марии и, в то же время, через взгляд автора, для которого реальность изображаемой войны столь же достоверна, сколь и (во многом автобиографический) образ Марии. Примерно половину текста занимает «рассказ» о счастливом детстве Марии в донбасской шахтерской семье.

Автор рисует подчеркнуто неидиллическую, наполненную предельно конкретными деталями картину мирной семейной жизни, в которой было место какао и яблокам сорта золотой ренет, звездному небу и походам в зоопарк. В этом мире Марии-ребенка особая роль принадлежит отцу: он является его центром, мерилем его правильности и жизненности: «У Марии был дом – занавески и витражи, / был отец, который ей говорил: «Ложи!». С приходом войны детское счастье Марии разрушается сразу – в первую очередь, потому, что из ее мира в одно мгновение исчезает или почти исчезает отец: сначала он уходит на фронт и только изредка пишет письма, а потом погибает.

*А потом приходила война, забирала в строй
самых смелых и самых правильных из людей [18].*

Отец считает свой уход на войну священным долгом, он забывает свое имя, но помнит свой позывной. Примечательно, что автор упоминает о *больших горячих руках* отца Марии в мирное время и о его *ледяных руках* – в бою. Созидание в поэме означает жизнь, разрушение – смерть. И наоборот.

Детский мир Марии, утратив свой центр, мгновенно разрушается, и на его обломках из тоски, боли и вынужденного взросления появляется не юношеский, не женский мир, но мир войны, в котором героиня замещает в строю своего отца и тем самым отказывается от своей женственности – в пользу мужественности, от своего потенциального материнства – в пользу «отцовства», от созидания – в пользу разрушения. Она делает страшный, но единственно верный для нее выбор: стать снайпером и защищать родную землю: «Я убью всякого, кто посмеет подойти ближе,

чем эти низкорослые горы» [18]. При этом каждая оборванная ею жизнь разрушает саму героиню, каждая её пуля попадает в ее собственное сердце, выжигает душу: «Здравствуй, мама! В моём блокноте / не осталось живого места, на сердце пусто» [18].

Анна Ревякина создает подчеркнуто *достоверный, художественно-документальный образ войны, максимально близкий героине и автору во временном и пространственном отношениях* (как достоверная, здесь-и-сейчас разворачивающаяся реальность), *предельно далекий от них в отношении психологическом* (как нечто, абсолютно противоречащее женскому - рождающему, несущему жизнь, освещенному любовью - началу) и *сложно взаимодействующий с ними в плане духовном* (как нечто, способствующее новому осмыслению ими себя, мира, его духовных основ). Именно в аспекте духовного восприятия войны героиней и автором тема Священной войны воплощается в тексте. Основными компонентами этой темы остаются – в соответствии с обозначенной выше традицией – мотивы фольклорные, гражданственные и христианские.

Фольклорные мотивы в разработке темы Священной войны в поэме занимают едва ли не центральное место, и это неудивительно: идея психологической, кровно-родственной связи человека и родной земли проходит красной линией через всю поэму. Психологическим параллелизмом, идеей родственности человека и природы отмечены и описания человека на войне.

Природа проходит через страдания и смерть вместе с автором-свидетелем, наблюдающим войну «в окне»: «Вот деревья – сплошные виселицы»; «Приходила зима – снежная, белая – / и деревья стояли сказочные, звенящие. / Умирили войны – юные, смелые – / умирали стоя, умирали по-настоящему»; «...но февраль обочин, / где деревья всё ещё мертвецы, / где не будут вылуплены птенцы» [18].

Фольклорную семантику несут образы «ворон», «воронья» как знаки опасности, беды, смерти. Излишне говорить, что в поэме они связаны с образом войны: «Над полями, что за обочинами, / полно чёрного воронья»; «Воронки, воронье, война...»; «Эх, донецкие ветры – вольница, житница, / а теперь безлюдье – лишь псы да вороны»; «В небе зимнем, что запятая, / чёрный ворон – в броню одет...» [18]

Неразрывная связь Марии с родной землей, верность родине, *осознанная ею самой как необходимость и ценность именно на войне*, изображается автором в связи с образом горсти земли, которую героиня (как бы вспоминая древнерусский ритуал съедания горсти земли в подтверждение верности и нерушимости клятвы [19]) готова «трижды» грызть: «Горсть земли – трижды. Я стану грызть эту землю – эту рыжую глину, эту свинцовую гирю, эту чёрную плоскость. До самого горизонта...» [18].

Ушедшая на фронт главная героиня обостренно ощущает свое единство с родной землей, вплоть до единства женской души (одной на двоих):

*В степь Мария вырастает нервами,
в них одна на двоих душа [18].*

Закономерным кажется читателю в связи с этим, что после смерти героиня «вырастает хребтом» в донецкие чернозёмы [18].

В раскрытии темы Священной войны наряду с фольклорными мотивами в поэме важную роль играют мотивы христианские, православные. Более того, фольклорные и христианские мотивы часто оказываются тесно переплетены в тексте, и в этом переплетении прослеживается значимая закономерность: духовное превалирует над душевным, небесное над земным, и православные смыслы пронизывают и претворяют собой фольклорную образность. Так, письмо Марии отцу, стилизованное под малый

жанр русского фольклора, оканчивается аллюзией на библейский миф о потерянном рае, и эта аллюзия разворачивает течение высказываний в письме в обратную сторону: «Дорогой отец, / не дари колец, / не дари цветов, / берегись полков, / воротись домой / под большой луной, / станем жить-тужить, / до чужих женитьб, / ...Воротись, отец, / воротись, боец, / станем сказки плесть, / вот добро, вот честь... Вот наш спелый сад, / вот ползучий гад, / райских яблок сок. / Этот сад – есть Бог. / Этот дом есть мы...». Если «наш спелый сад» «есть Бог», а «дом есть мы», то «мы» обязаны выйти из «дома» не только для того, чтобы защитить сад как таковой, но и Бога в нем, то есть в себе и на своей земле. И пока «ползучий гад» рядом с садом, боец не может вернуться. Мария, фактически, переключаясь с фольклорного кода в этом письме на код библейский, христианский, сама отвечает на свою просьбу к отцу отказом. Причем не от имени отца, но от имени духовной традиции.

В поэме мир, в котором живет народ, исполняющий божью волю и принимающий вызов войны, благословляется Богом. При этом защита родины и смерть за нее метафорически ассоциируется с Воскресением Христа – торжеством Жизни над смертью:

*Этот мир всё ещё подчиняется божьим законам,
этот мир состоит из патронов и пары сапог.
Николай говорил, что победа, добытая смертью, –
это просто победа над страхом, победа побед [18].*

В своей поэме Анна Ревякина обнажает духовные корни войны. Автор прибегает к библейской метафоричности и образам, расширяющим хронотоп произведения. Так, война на Донбассе уподобляется аду по контрасту с красотой цветущего родного города («...здесь разверзшийся ад среди райского лета»); в поэме *человеческий страшный суд* по-настоящему страшный, потому что война страшна; Авель противопоставляется Каинам, которые преследуют его и посягают на его землю: (*Авель помнит, что всюду Каины, / только высунешься – убьют*) [18]. Для отца Марии на войне происходят *события библейского характера*: на его руках умирали и воскресали, на его глазах открывались «ходы в Преисподнюю».

Небесное покровительство воинам-дончанам в тексте изображается с помощью православной символики. Так, в тексте упоминается, что у матери Марии есть икона «позолоченного Николая» – икона Николая Чудотворца, которая особенно помогает всем молящим о защите и покровительстве. У Марии есть свеча, что «горит всею ночью». В тексте сближаются крестики в блокноте у Марии-снайпера и кресты на погостах.

В поэме проводится мысль о том, что небесную помощь и помощь от матери-природы Донбасс получает не только в ответ на терпеливое принятие своего крестного пути («С нами Бог, с нами солнце и с нами дождь, / зарядивший снайперскую винтовку»), но и в связи с искренним упованием на Бога: «По чужому стрелять, своего прикрывать, что есть силы, / повторять: «Слава Богу! Живой! Слава Богу! Живой!» [18] С упованием на Бога связаны в них образы победы над страхом смерти, способности преобразить свою скорбь в духовную мощь, преодоления физических и нравственных страданий во имя добра и правды: «Смерть идёт по чьему-то следу, / дай-то Бог, чтобы шла в обход» [18]. Из упования на Бога рождается и молитва главной героини за всех погибших: «Я молюсь обо всех двухсотых / с наступлением темноты...» [18].

Особое место в переплетенном функционировании православных и фольклорных мотивов в поэме занимает образность, связанная с идеей духовного родства человека

Господу, с идеей отцовско-сыновних отношений между ними. Бойцы, воины Донбасса предстают *детьми* донецкой земли, о которых заботится Господь-отец:

*Эти воины – дети кротоми изрытой земли,
вместо нимба Господь отдал им коногонку.
Вместо сердца Господь даровал антрацит,
вместо вдоха степного – горючесть метана [18].*

Жизнь дончан превращается в житие: они фактически превращаются в святых по своей устремленности принести себя в жертву своей родине. Всю свою жизнь они кладут на алтарь победы. Дончане, вставшие на защиту своей земли и своего народа от нацизма и смерти, изображаются в поэме освященными страданием и своей праведной верой своей земле и Богу. Они терпеливо принимают свой путь:

*А мы войны святые дети,
а мы войны священный крест
несём и, в общем-то, не ропщем... [18]*

Особенно пронзителен образ главной героини Марии: он соединяет в себе иконописную экфразичность и мотивы детской простоты, безыскусности, бедного сиротства:

*Её руки – не толще веточек,
её стопы – балетный свод,
она будет из добрых девочек,
из наивных святых сирот.
Её платице – бедность мрачная,
её крестик – металл да нить [18].*

Духовная близость Марии к состоянию святости подчеркивается и другими средствами: эпитетами, стилизованными под фольклорные («русококая ясна девица»), сближением с цветом Богородицы – голубым («в волосах голубой цветок»), указанием на ее физическую прозрачность, избличающую одухотворенность плоти (автор называет ее «прозрачной» девочкой).

В образно-мотивной ткани «Шахтёрской дочери» особенное стилистическое оформление обретают вера в Иисуса Христа и надежда на Его помощь. Сплетение традиционных молитвенных формул с элементами военного жаргона обнажает глубину вовлечённости героини, а вместе с ней и всех русских – жителей Донбасса, в войну как тотальное и решительное противостояние русского антирусскому, накатывающему извне, Жизни – смерти, естественного хода вещей – неестественному, извращённому:

*Господи Иисусе, как же страшно,
стало минное поле, была пашня.
Небо черно от дыма, глаза режет.
Господи, мы одержимы, мы – нежить.
Господи, я – отшельник, стрелок, пешка.
Господи, присмотри за мной, установи слежку,
приставь ангела, чтобы рука не дрогнула... [18]*

Символична в этом отношении композиция «Шахтёрской дочери»: в поэме 33 части, и в этом автор видит отсылку к возрасту Христа, «к переломному возрасту, когда решается быть ли ему распятым или нет» [20]. Распятым в поэме один из персонажей – сам незримый Донбасс, который распинают с каждым ударом по земле: «Кто спасет распятую землю эту?» [18] Земля Донбасса для своих защитников свята своей кровной связью с ними и, в то же время, – своим страданием. Она принимает на себя страдания войны и тем самым освящается.

Христианское звучание в поэме приобретает и *гражданственный мотив ненависти к врагу*, убивающему родину и родных. Это христианское звучание связано у Ревякиной с образом черной совести и с идеей того, что ненависть противоречит человеческому естеству, поскольку противоречит божественному естеству – Любви.

*Чёрной совести боль фантомная,
боль, что мучает по ночам,
эта домна внутри огромная,
наша ненависть к палачам* [18].

Это высказывание разительно отличается от размышлений о родстве чувства любви и ненависти М.А. Шолохова в рассказе «Наука ненависти», написанном в 1942 году: «...И воевать научились по-настоящему, и *ненавидеть*, и *любить*. На таком оселке, как война, все чувства отлично оттачиваются. Казалось бы, любовь и ненависть никак нельзя поставить рядышком... Тяжко я ненавижу фашистов за все, что они причинили моей Родине и мне лично, и в то же время всем сердцем люблю свой народ и не хочу, чтобы ему пришлось страдать под фашистским игом» [21].

Наиболее частотными же гражданственными мотивами в поэме являются отсылки к Великой Отечественной войне. Например, 26 мая 2014 года, когда бомбили аэропорт, сравнивается с 22 июня 1941 года: «...месяц май неожиданно станет военным июнем». Горящую траву донецкой земли поэтесса сравнивает с образом вечной славы победы на груди *ветерана*. Вера в победу над злом (в библейском смысле – отсюда аллюзия на библейское «Мне отмщение, и Аз воздам») освещает весь текст поэмы:

*Что нас ждёт впереди? Победа!
И отмщенье за всех отцов* [18].

При этом так же, как мотив ненависти в поэме преображается православным мировоззрением, здесь и вера в победу в войне ассоциирована с верой в единение с Богом («Мы вкусим и вина, и хлеба, / на двоих мы разделим рай» [18]) и в то, что рубцы, оставленные войной, однажды сойдут и «канет в Лету лихолетье, и Бог воздаст».

Сохраняя три комплекса мотивов в содержании темы Священной войны, Анна Ревякина изменяет традицию ее разработки в русской литературе как в соотношении и смысловом наполнении этих комплексов, так и в эмоционально-стилевой подаче самой темы. Исповедальность, особая искренность и антипафосность подачи темы Священной войны в поэме достигается как фрагментарностью композиции и особенно тесными отношениями между героиней и автором (на что указано выше), так и образно-стилистическими средствами. Анна Ревякина совмещает в своем тексте разные элементы: от церковнославянизмов (*дщерь, всенощно, отмщенье, вкусить*) до просторечий (*ложки*), от специальных слов и профессионализмов, ассоциирующихся с шахтерским делом (*домна, коногонка*) до фольклорных и псевдофольклорных формул (*не дари колец, ясна девица, воротись домой*), от книжной лексики (*боль фантомная, ненависть к палачам*) до разговорных элементов (*платице, что есть силы*), элементов военного жаргона (*двухсотые*) и лексики военной тематики (*боец, минное поле, забирать в строй*). Разумеется, особенно значимое место в стилистике текста поэмы занимают авторские метафоры, зачастую также совмещающие разностилевые элементы (как, например, в этом случае: «Смерть идёт по чьему-то следу, / дай-то Бог, чтобы шла в обход»).

Что касается содержательного наполнения и соотношения трех комплексов мотивов в теме Священной войны в поэме, обобщая, стоит указать, что при всей значимости фольклорных мотивов (с акцентом на мотиве сакральности связи человека

с родной землей) для ее функционирования, ключевыми следует считать мотивы духовные. Они не только выстраивают образ войны в «Шахтерской дочери» как борьбы за божественный свет на русской земле и в русском человеке, но и зачастую пронизывают собой и фольклорные, и гражданственные идейно-образные элементы, задавая теме Священной войны в тексте общее православное звучание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грант М. Греческий мир в доклассическую эпоху / М. Грант. – М., Терра, 1998. – С.176.
2. Матонин В.Н. «Священная война» как социокультурный феномен / В.Н. Матонин // Materialy VIII Miedzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Europejska nauka XXI powiek». Volum 15. Politologija. Filosofia. Przemysl: Nauka i studia, 2012. – S. 55–59. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/13_EISN_2012/Philosophia/2_109662.doc.htm#_ednref7 (дата обращения: 23.07.2023).
3. Сербский Н. Война и Библия / Н. Сербский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/vojna-i-biblija/ (дата обращения: 23.07.2023).
4. Сербский Н. Война и Библия / Н. Сербский. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Serbskij/vojna-i-biblija/ (дата обращения: 23.07.2023).
5. Суворов А.В. Наука побеждать / А.В. Суворов. – М.: Эксмо, 2011.
6. Аверинцев С.С. Византийский культурный тип и православная духовность: некоторые наблюдения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/vizantijskij-kulturnyj-tip-i-pravoslavnavaduhovnost-read-191854-1.htm> (дата обращения: 23.07.2023).
7. Флоренский П.А. Православие // Флоренский П.А., священник. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1994. – Т. 1. – 797 с.
8. Лосский Н.О. Характер русского народа / Н.О. Лосский. – Франкфурт: Посев, 1957. – 152 с.
9. Каптен Г.Ю. Проблема отношения к войне в Византии и на Руси / Г.Ю. Каптен. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chesma.spb.ru/wp-content/uploads/2014/09/Проблема-отношения-к-войне-в-Византии-и-на-Руси.pdf> (дата обращения: 23.07.2023).
10. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре / В.Н. Топоров. – Том 1. Первый век христианства на Руси. – М.: Гнозис, Школа «Языки русской культуры», 1995. – 875 с. – С.7–8.
11. Федотов Г.П.: Русская религиозность. / Собрание сочинений : в 12 томах. – Т. 10. – Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. Москва: Мартис, 2001. – С. 24–25.
12. Чернов А. «Священная война». Автор слов Александр Бодэ (1865–1939) / А. Чернов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nestoriana.wordpress.com/2017/01/20/bode/> (дата обращения: 23.07.2023).
13. Выскочков Л.В. «Война теперь не обыкновенная, а национальная»: народы России в Отечественной войне 1812 года / Л.В. Выскочков // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 18–25.
14. Нестерова Т.П. Фольклорные мотивы в поэзии первой трети XIX века об Отечественной войне 1812 года / Т.П. Нестерова // Сборник научных трудов, посвященный 85-летию Мичуринского государственного аграрного университета в 4 т. – Том 1. – Мичуринск, 2016. – С. 174.
15. Русские исторические песни. – Москва: Русская книга, 2001. – С. 271–273.
16. Ревякина Анна. Программа «Поэтическая реплика. Шахтерская дочь». Выпуск от 15.10.2022. ВГТРК. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://smotrim.ru/video/2495864> (дата обращения: 23.07.2023).
17. Этот текст удостоен гран-при VIII Международного литературного фестиваля «Чеховская осень» и других национальных и международных премий. См. Долгинцев-Межевой А. Донецкий поэт Анна Ревякина: Я заплакала поэму «Шахтерская дочь». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/218654256> (дата обращения: 23.07.2023).
18. Ревякина А. Шахтёрская дочь / А. Ревякина // Поэзия русского лета. – М.: RT, 2022. – С. 248–278.
19. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. В 3-х тт. / А.Н. Афанасьев. – М.: Академический проект, 2015. – С. 818.
20. Долгинцев-Межевой А. Донецкий поэт Анна Ревякина: Я заплакала поэму «Шахтерская дочь» / А. Долгинцев-Межевой. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/218654256> (дата обращения: 23.07.2023).

21. Шолохов М.А. Наука ненависти / М.А. Шолохов. – М.: Правда, 1942. – С. 27.

Поступила в редакцию 03.06.2023 г.

**THEME OF HOLY WAR IN THE POEM
“THE MINER’S DAUGHTER” BY ANNA REVYAKINA**

E.A. Mitina

The article considers the poem "The Miner's Daughter" by Donetsk poetess Anna Revyakina in the aspect of the Holy War theme. The paper analyzes the origins of this theme from the appearance of the concept in Ancient Greece to the formation of semantic elements in folk historical songs of 1812 and the development of this theme during the Great Patriotic War. The main motives of the Holy War theme in Russian literature are highlighted and the specifics of its content and functioning in the poem "Miner's Daughter" are pointed out. The theme of the Holy War in the poem is revealed in three significant groups of motives. On the one hand, it grows out of a system of folklore motives, in which the central place belongs to the motive of the sacredness of the native land. On the other hand, the Holy War is understood here in the spiritual aspect as standing for the Orthodox tradition and the divine light in man. The theme develops through civic motives, which are realized, first of all, through references to the Great Patriotic War. At the same time, spiritual motives are partly permeated by folklore and civic motives, giving a single sound to the Sacred theme. Moreover, the theme of the Holy War in the poem is emotionally and in its intonation contour close to the reader. That is why it seems to grow from within the text as its – and the author's – authentic reality is growing together with them.

Key words: the theme of the Holy War, the poem "the Miner's Daughter", Anna Revyakina, Orthodox worldview, folklore motives, civic motives, references to the Great Patriotic War, autobiography.

Митина Евгения Александровна.

Кандидат филологических наук.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет» (Москва).

Нижегородский государственный
лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород).

Преподаватель кафедры мировой литературы,

Лаборант-исследователь.

E-mail: 27jenni270@mail.ru

Mitina Evgenya Aleksandrovna.

Candidate of Philology.

Moscow Pedagogical State University (Moscow).

Nizhny Novgorod State Linguistics University
named after N.A. Dobrolubov (Nizhny Novgorod).

Lecturer of World Literature Department,

Research Laboratory Assistant.

E-mail: 27jenni270@mail.ru

УДК 81'373

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФИТОМОРФНОГО И ЗООМОРФНОГО КОДОВ
КУЛЬТУРЫ В ГОДОНИМИКОНЕ БОЛЬШОГО ДОНБАССА**© 2023 *Е.В. Ладнова**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

В предлагаемой статье рассматриваются особенности функционирования фитоморфного и зооморфного культурных кодов в годонимиконе Большого Донбасса. Объектом исследования являются годонимы городов Донецкой Народной Республики (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево и др.) и Ростовской области (г. Шахты, г. Новошахтинск, г. Каменск-Шахтинский и др.), а предметом – лексико-семантические и прагматические особенности их функционирования. Аспект анализа – синхронный. Рассматриваются официальные, письменно фиксируемые формы наименований. В исследовании используются как общенаучные методы (анализ, синтез, описание, сравнение), так методы ономастических исследований (дескриптивный, лингвогеографический). Определены и рассмотрены структурно-семантические и функциональные особенности годонимов, реализующих фитоморфный и зооморфный коды культуры. Представлена классификация годонимов в зависимости от объекта номинации. Выявлено, что данный тип наименований связан с особенностями флоры и фауны региона, хозяйственной деятельности населения. Установлено, что данный тип наименований также обладает символическим значением, отраженным в народных представлениях. Практическая значимость исследования состоит в использовании его результатов в разработке лекционных курсов по лексикологии, топонимике, лингвокультурологии, лингвокраеведению, социолингвистике, а также школьных курсов по культуре родного края.

Ключевые слова: годоним, урбаноним, топоним, культурный код, фитоморфный код, зооморфный код, улица, Донбасс.

Введение. Актуальной проблемой современного языкознания является исследование топонимов, в том числе урбанонимов, как культурно мотивированных единиц. Так, в урбанонимиконе отражаются культурно-исторические особенности региона, ценностные представления его жителей, специфика хозяйственной деятельности, а также особенности природы региона. Топоним, как отмечает А.В. Сизова, выступает как «компрессивный текст, содержащий данные об ассоциациях, представлениях, фоновых знаниях об объекте и представляющий собой разновидность текста культуры» [12, с. 7].

Годонимы, как и агоронимы, составляют ядро урбанонимического поля [9, с. 115]. Под годонимами мы понимаем наименования внутригородских линейных адресных объектов, в т. ч. улиц, переулков, проспектов, бульваров, проездов и пр., а под агоронимами – названия площадей и других открытых пространств в городе (см. обзор в [16]). Основная функция годонимов – адресно-идентификационная, т. е. эти единицы выступают знаками-ориентирами в пространстве населённого пункта. Вместе с тем не менее важным является то, что годонимы являются воплощением культурных кодов. Под последними мы понимаем «способ хранения, репрезентации и трансляции культурных смыслов в социальном пространстве» [14, с. 11].

Вопрос классификации культурных кодов достаточно сложен. Так, В.В. Красных выделила шесть базовых культурных кодов: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Как указывает исследовательница, другие культурные коды являются разновидностями базовых кодов [7, с. 234]. В. А. Маслова и М. В. Пименова определили такие коды, функционирующие в рамках лингвокультуры: стихийный, вещественный, пищевой, предметный, вегетативный,

витальный, соматический, перцептивный, зооморфный, антропоморфный, колоративный, пространственный, темпоральный и духовный (см. [8]). В свою очередь А.М. Мезенко на материале годонимов и виконимов Беларуси выделяет такие коды культуры, функционирующие в ономастическом пространстве: антропоморфный, топоморфный, ландшафтный, флористический, фаунический, цветовой, эмоционально-характерологический, социально-идеологический, духовный коды (см. в [4]; [10]). М. Дорофеев указывает, что в виконимии функционируют топоморфный, антропоморфный, физико-географический, флористический, эмоционально-характерологический, пространственный, социально-идеологический, духовный, темпоральный, цветовой и фаунический коды культуры [6, с. 179–188].

Как свидетельствуют результаты наших исследований, чаще всего в годонимах Большого Донбасса эксплицируются антропоморфный, топоморфный и социально-идеологический коды культуры. Эти наименования линейных адресных объектов тесно связаны с историей региона и государства, идеологическими концептами, культурными связями и экономическим развитием. Годонимы, воплощающие флористический и ботанический коды, связаны в большей мере с природными особенностями региона.

Н.Г. Федотова отмечает, что «культурный код города нередко сформирован природно-климатическими факторами, которые участвуют в репрезентации языковых образов, основанных на географических аспектах» [14, с. 14]. Кроме того, исследовательница указывает, что природа, воплощающаяся в культурных кодах, обозначена в знаковых практиках репрезентации города, в том числе и в топонимике.

В предлагаемой работе мы рассмотрим специфику реализации в годонимиконе Большого Донбасса фитоморфного и зооморфного кодов культуры, непосредственно связанных с флорой и фауной региона. *Научная новизна* исследования состоит в том, что в научный материал вводится и анализируется новый языковой материал.

Объектом исследования выступают годонимы г. Донецка, г. Макеевки, г. Горловки, г. Енакиево, г. Харцызска, г. Снежного, г. Иловайска, г. Шахтёрска, г. Дебальцево Донецкой Народной Республики и г. Шахты, г. Каменска-Шахтинского, г. Гуково, г. Миллерово, г. Зверево, г. Новошахтинска и г. Донецка Ростовской области. В то время как *предметом исследования* являются лексико-семантические и прагматические особенности данного типа наименований. *Материал исследования* извлекался методом сплошной выборки годонимов из различных реестров наименований адресных объектов названных населённых пунктов. *Аспект анализа* – синхронный. Исследованию подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы наименований.

Основная часть. Фитоморфный код культуры эксплицируется прежде всего в годонимах, отражающих особенности растительного мира региона. В основе номинаций по денотативному признаку лежат названия объектов флоры.

1. Годонимы, образованные от названий плодовых деревьев, а также самих плодов (42 единицы):

а. названия, мотивированные лексемой *абрикос* ‘южное фруктовое дерево сем. розоцветных, дающее сочные сладкие плоды с крупной косточкой, а также плод его’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/2622]: *Абрикосовая* ул. (г. Донецк, г. Шахтёрск, г. Новошахтинск, г. Шахты), *Абрикосовый* проезд (г. Горловка), *Абрикосовый* пер. (г. Донецк, Ростовская область) (6 единиц);

б. названия, мотивированные лексемой *вишня* ‘плодовое дерево сем. розоцветных с сочными тёмно-красными плодами, а также плод его’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/24286]: *Вишневая* ул. (г. Донецк, г. Горловка,

г. Макеевка, г. Дебальцево, г. Снежное, г. Шахты), ул. *Вишневый Гай* (г. Горловка), *Вишневый* пер. (г. Макеевка, г. Енакиево, г. Донецк Ростовской области, г. Шахты), *Вишневый* тупик (г. Миллерово Ростовской области) (14 единиц);

с. названия, мотивированные лексемой *груша* ‘фруктовое дерево сем. розоцветных с округлыми удлинёнными и расширяющимися книзу плодами, а также плод этого дерева’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/43350>]: *Грушевая* ул. (г. Снежное), *Грушовый* проезд (г. Горловка), *Грушевый* пер. (г. Амвросиевка) (3 единицы);

д. названия, мотивированные лексемой *дуб* ‘крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/53282>]: *Дубовая* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Новошахтинск), ул. *Веселый Дуб* (г. Горловка), ул. *Зеленый Дуб* (г. Горловка), ул. *Дубовая Балка* (г. Снежное), *Стародубовская* ул. (г. Макеевка) (7 единиц);

е. названия, мотивированные лексемой *каштан* ‘дерево сем. буковых с коричневыми плодами (орехами), а также самый плод’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/81798>]: *Каштановая* ул. (г. Донецк, г. Харцызск, г. Дебальцево, г. Донецк Ростовской области, г. Шахты, г. Гуково) (6 единиц);

ф. названия, мотивированные лексемой *персик* ‘южное фруктовое дерево сем. розоцветных, дающее сочные мясистые плоды с пушистой кожицей и крупной косточкой, а также самый плод его’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/158278>]: *Персиковый* пер. (г. Донецк, г. Донецк Ростовской области) (2 единицы);

г. названия, мотивированные лексемой *цитрус* ‘вечнозелёные плодовые растения, к которым относятся лимон, апельсин, мандарин, грейпфрут, померанец и некоторые другие’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/264386>]: *Цитрусовая* ул. (г. Донецк) (1 единица);

h. названия, мотивированные лексемами *яблоня* ‘фруктовое дерево сем. розоцветных с шаровидными сладкими или кисло-сладкими плодами’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/276002>] и *яблоко* ‘плод яблони’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/275978>]: *Яблоневая* ул. (г. Донецк Ростовской области), *Яблочная* ул. (г. Горловка), *Яблоневый* пер. (г. Горловка) (3 единицы).

б) Помимо того, что в данной группе представлены годонимы, образованные от названий плодовых деревьев, характерных для флоры Южной России, эти названия имеют и символическое значение.

Например, концепт *вишня* является важным в восточнославянской лингвокультуре, так как это символ родного дома, обновления и новой жизни [13, с. 382; 11, с. 287]. Образ яблока и яблони, как указывает этнолингвист Т.А. Агапкина, выступает своего рода семейной метафорой и символом матери и ребенка. Кроме того, ещё одна ипостась яблони в фольклоре – это образ древа познания [3, с. 286].

Дуб в славянском фольклоре ассоциируется с силой, властью и высоким социальным статусом. Т.А. Агапкина отмечает, что «...в мифологических верованиях, легендах, сказках, паремиях, ритуальной практике дуб ассоциируется с такими понятиями, как “первый”, “главный”, ... “социально высокий”, “крупный”, “сакральный”, “старый”...» [2, с. 101].

2. Годонимы, образованные от названий лиственных деревьев (20 единиц):

а. годонимы, мотивированные лексемой *береза* ‘лиственное дерево с белой (реже тёмной) корой и с сердцевидными листьями’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277218>]: *Березовая* ул. (г. Донецк, г. Харцызск, г. Новошахтинск, г. Шахты), *Березовый* пер. (г. Макеевка, г. Гуково), пер. *Березовый*

Второй, пер. *Березовый Первый*, пер. *Березовый Третий*, пер. *Березовый Четвертый* (г. Харцызск) (10 единиц);

б. годонимы, мотивированные лексемой *бук* ‘крупное дерево с гладкой светло-серой корой и твёрдой древесиной’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/16478>]: *Буковая* ул. (г. Горловка) (1 единица);

с. годонимы, мотивированные лексемой *клён* ‘дерево с широкими, у большинства видов резными листьями’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/83862>]: *Кленовая* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Новошахтинск), *Кленовый* пер. (г. Донецк Ростовской области, г. Шахты) (6 единиц);

д. годонимы, мотивированные лексемой *липа* ‘лиственное дерево с сердцевидными зубчатыми листьями и душистыми медоносными цветками’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277927>]: *Липовый* пер. (г. Горловка, г. Шахты) (2 единицы);

е. годонимы, мотивированные лексемой *ясень* ‘дерево сем. маслиновых с перистыми листьями и тяжёлой упругой древесиной.’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/243018>]: *Ясенивая* ул. (г. Донецк) (1 единица).

В восточнославянской мифологии береза считается священным деревом. Кроме того, в русском фольклоре это дерево символизирует женское начало [1, с. 156]. Начиная с XIX века по мере развития национального самосознания за березой закрепился общий смысл «русского дерева», одного из символов России [15, с. 57–62].

Символическим значением также обладают другие фитонимы, указанные в данной категории. Так, клён выступает как мужское дерево, приносящее счастье [1, с. 169]; липа в фольклорных представлениях восточных славян представляется дружелюбным деревом с ярко выраженными патронажными функциями.

3. Годонимы, образованные от названий кустарников и названий растений, которые могут быть как деревьями, так кустарниками (34 единицы):

а. годонимы, мотивированные лексемами *верба* ‘дерево или кустарник сем. ивовых с пушистыми почками’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/20970>], *ива* ‘кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/70310>], *ракута* ‘дерево или кустарник сем. ивовых, растущие обычно по берегам рек’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/201018>]: *Вербная* ул. (г. Горловка, г. Миллерово, г. Новошахтинск, г. Гуково), *Вербный* пер. (г. Донецк Ростовской области), *Ивовая* ул. (г. Донецк), *Ново-Ракитная* ул. (г. Донецк), *Ракитный* пер. (г. Макеевка) (8 единиц);

б. годонимы, мотивированные лексемой *виноград* ‘южное лиановое растение со сладкими ягодами, а также ягоды этого растения, идущие в пищу, на изготовление вина’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/23782>]: *Виноградная* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево, г. Иловыйск, г. Донецк (Ростовская область), г. Шахты), *Виноградный* пер. (г. Макеевка, г. Харцызск, г. Шахты, г. Гуково) (13 единиц);

с. годонимы мотивированные лексемой *лавр* ‘южное вечнозелёное дерево или кустарник, душистые листья которого употр. как специя’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/95734>]: *Лавровая* ул. (г. Донецк) (1 единица);

д. годонимы, мотивированные лексемой *ольха* ‘лиственное дерево или кустарник сем. берёзовых’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/138526>]: *Ольховская* ул. (г. Донецк, г. Макеевка, г. Донецк Ростовской области), *Ольховский* пер. (г. Миллерово) (4 единицы);

е. годонимы, мотивированные лексемой *сирень* ‘крупный садовый кустарник сем. маслиновых с лиловыми, белыми или розовыми душистыми соцветиями’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/219718>]: *Сиреневая* ул. (г. Донецк, г. Шахты) (2 единицы);

ф. годонимы, мотивированные лексемой *терн* ‘дерево или кустарник рода слива семейства розоцветных’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/291598>]: *Терновая* ул. (г. Горловка, г. Шахты), *Терновый* пер. (г. Донецк Ростовской области) (3 единицы);

г. годонимы, мотивированные лексемой *черемуха* ‘дерево или кустарник сем. розоцветных с белыми душистыми цветками, собранными в кисти, а также чёрные, терпкого вкуса ягоды этого дерева’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/265822>]: *Черемуховая* ул. (г. Донецк, г. Макеевка), *Черемуховый* пер. (г. Шахты) (3 ед.).

В этой группе также представлены годонимы, образованные от названий растений, имеющих символическое значение. Так, верба, как отмечает Т.А. Агапкина, воплощает представление о быстром росте и витальной силе. Это растение также широко используется в обрядности Вербного воскресенья [13, с. 335].

4. Годонимы, образованные от названий вечнозеленых растений (11 единиц):

а. годонимы, мотивированные лексемой *кипарис* ‘южное вечнозелёное хвойное дерево, преимущ. с пирамидальной кроной’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/82894>]: *Кипарисовая* ул. (г. Донецк) (1 единица);

б. годонимы, мотивированные лексемой *чай* ‘культивируемое вечнозелёное растение, высушенные и особо обработанные листья к-рого при заварке дают ароматный тонизирующий напиток’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/279030>]: *Чайная* ул. (г. Донецк, г. Шахты) (2 единицы);

с. годонимы, мотивированные лексемой *сосна* ‘вечнозелёное хвойное дерево (реже стелющийся кустарник) с длинными иглами и округлыми шишками’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/228566>]: *Сосновая* ул. (г. Енакиево, г. Амвросиевка, г. Шахтёрск, г. Новошахтинск), *Сосновый* пер. (г. Макеевка, г. Шахты), ул. *Сосновый сад* (г. Миллерово), ул. *Сосновый Бор* (г. Новошахтинск) (8 единиц).

Сосна в народных представлениях является символом стойкости и долголетия [1, с. 94]. Кроме того, в современной русской традиции сосна, как и ель, может выступать символом новогодних и рождественских праздников.

5. Годонимы, образованные от названий цветочных растений и трав (5 единиц):

а. годонимы, мотивированные лексемой *василёк* ‘светло-синий полевой цветок-сорняк, растущий во ржи и других злаках’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/19442>]: *Васильковая* ул. (г. Донецк) (1 единица);

б. годонимы, мотивированные лексемой *камыш* ‘высокое водное или болотное растение сем. осоковых’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/79386>]: *Камышевая* ул. (г. Горловка) (1 единица);

с. годонимы, мотивированные лексемой *роза* ‘кустарниковое растение сем. розоцветных с красивыми крупными душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами, а также сам такой цветок’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/209126>]: *Розовый* пер. (г. Шахты) (1 единица);

д. годонимы, мотивированные лексемой *фиалка* ‘травянистое растение с фиолетовыми (или жёлтыми, белыми) цветками’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/257090>]: *Фиалковая* ул. (г. Горловка) (1 единица);

е. годонимы, мотивированные лексемой *шафран* ‘южное травянистое луковичное растение, а также рыльца его цветков, высушенные и измельчённые в

порошок, употр. как пряность и красящее вещество' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/269058>]: *Шафранная* ул. (г. Донецк) (1 единица).

6. Годонимы образованные от названий ягодных культур (14 единиц):

а. годонимы, мотивированные лексемой *брусника* 'лесное растение кустарничек с кожистыми вечнозелёными листиками, а также съедобные красные кисловатые ягоды его' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/15938>]: *Брусничная* ул. (г. Донецк) (1 единица);

б. годонимы, мотивированные лексемой *земляника* 'многолетнее травянистое растение сем. розоцветных, дающее сладкие ягоды красного цвета, а также его ягоды' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/68502>]: *Земляничная* ул. (г. Донецк) (1 единица);

с. годонимы, мотивированные лексемой *калина* 'кустарник сем. жимолостных с белыми цветками и красными горькими ягодами, а также его ягоды' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/78870>]: *Калиновая* ул. (г. Горловка, г. Енакиево), *Калиновый* пер. (г. Шахтёрск) (3 единицы);

д. годонимы, мотивированные лексемой *малина* 'полукустарниковое растение сем. розоцветных со сладкими, обычно красными, ягодами, а также сами ягоды его' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277960>]: *Малиновая* ул. (г. Горловка, г. Макеевка, г. Шахты) (3 единицы);

е. годонимы, мотивированные лексемой *клубника* 'многолетнее травянистое растение сем. розоцветных со сладкими ароматными розово-красными ягодами, а также его ягоды' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/84230>]: *Клубничная* ул. (г. Горловка) (1 единица);

ф. годонимы, мотивированные лексемой *рябина* 'дерево или кустарник сем. розоцветных с собранными в кисти горьковатыми оранжево-красными плодами (ягодами), а также самые ягоды' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278649>]: *Рябиновая* ул. (г. Донецк, г. Енакиево, г. Снежное, г. Новошахтинск), *Рябиновый* пер. (г. Гуково) (5 единиц).

7. Годонимы, мотивированные названиями злаковых растений (1 единица): годонимы, мотивированные лексемой *пшеница* 'хлебный злак, а также зёрна его, из которых готовят белую муку' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/195018>]: *Пшеничная* ул. (г. Горловка).

Близкими по значению к этой группе выступают годонимы, мотивированные лексемой *урожай* 'количество уродившихся злаков или других растений, плодов, грибов; сами такие уродившиеся плоды, злаки' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/253022>]: *Урожайная* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево, г. Каменск-Шахтинский, г. Новошахтинск, г. Шахты), *Урожайный* пер. (г. Гуково).

8. Годонимы, мотивированные названиями частей растения (34 единицы):

а. годонимы, мотивированные лексемой *лоза* 'длинный гибкий стебель некоторых кустарников' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/100014>]: *Лозовая* ул. (г. Донецк, г. Шахты), *Лозовой* пер. (г. Новошахтинск, г. Макеевка), *Новолозовая* ул. (г. Донецк) (5 единиц);

б. годонимы, мотивированные лексемой *овощ* 'выращиваемые на грядках корнеплоды, луковичные, листовые и некоторые другие растения, а также сами их плоды' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/135226>]: *Овощная* ул. (г. Шахтёрск) (1 единица);

с. годонимы, мотивированные лексемой *плод* 'часть растения, развивающаяся из завязи цветка и содержащая семена' [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/161214>]: *Плодовая* ул. (г. Новошахтинск) (1 единица);

д. годонимы, мотивированные лексемой *орех* 'плод некоторых деревьев или кустарников со съедобным ядром в скорлупе'

[<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/140782>]: *Ореховая* ул. (г. Енакиево, г. Снежное), *Ореховый* пер. (г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск, г. Шахты) (5 единиц);

е. годонимы, мотивированные лексемой *фрукт* ‘сочный съедобный плод каких-нибудь деревьев (обычно садовых)’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/278991>]: *Фруктовая* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Шахты), *Фруктовый* пер. (г. Макеевка, г. Новошахтинск) (8 единиц);

ф. годонимы, мотивированные лексемой *цветок* ‘яркая, часто ароматная головка или соцветие на стебле растения’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/263274>]: *Цветочная* ул. (г. Донецк, г. Макеевка, г. Харцызск, г. Шахтёрск, г. Миллерово, г. Донецк Ростовской области, г. Шахты), ул. *Цветочный бульвар* (г. Амвросиевка), *Цветочный* пер. (г. Горловка, г. Макеевка, г. Гуково) (11 единиц);

г. годонимы, мотивированные лексемой *ягода* ‘небольшой сочный плод кустарников, полукустарников, кустарничков и травянистых растений’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/276122>]: *Ягодная* ул. (г. Макеевка), *Ягодный* пер. (г. Новошахтинск, г. Гуково) (3 единицы).

К годонимам, объективирующим фитоморфный код культуры, можно отнести также наименования, мотивированные лексемой *гриб* ‘особый организм, не образующий цветков и семян и размножающийся спорами’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/42618>]: *Грибная* ул. (г. Донецк) [5, с. 5].

Таким образом, в годонимиконе Большого Донбасса в первую очередь нашли отражение названия плодовых (*абрикос, вишня, дуб, каштан*), лиственных (*береза, клен*), хвойных (*сосна*) деревьев, а также кустарников и растений, которые могут быть как деревьями, так и кустарниками (*верба, ива, виноград*). В меньшей мере представлены названия цветочных растений и трав, ягодных и злаковых культур. Довольно большую группу представляют годонимы, мотивированные названиями частей растений (*плод, фрукт, цветок*). При этом разнообразие годонимов рассматриваемого типа связано не только с особенностями природы, но и с развитием сельского хозяйства, так как в системе наименований адресных объектов представлены ониими, мотивированные названиями растений, культивируемых человеком.

Кроме того, часть годонимов эксплицирует несколько культурных кодов. Так, некоторые наименования комплексно реализуют как фитоморфный, так и эмоционально-характерологический коды культуры: *Зелёная* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Снежное, г. Дебальцево, г. Иловайск, г. Шахтёрск, г. Зверево, г. Шахты), *Зелёный* пер. (г. Горловка, г. Харцызск, г. Амвросиевка, г. Миллерово, г. Донецк Ростовской области, г. Каменск-Шахтинский, г. Шахты, г. Гуково), *Зелёный* мкрн. (г. Макеевка), *Изумрудная* ул. (г. Донецк, г. Макеевка, г. Донецк Ростовской области), *Изумрудный* пер. (г. Шахты), *Цветущая* ул. (г. Горловка) (ср. [17, с. 69], [18, с. 68]).

Можно также предположить, что эмоционально-характерологический культурный код реализуется также в годонимах, образованных от названий растений, имеющих символическое значение в народных представлениях.

Некоторые наименования объективируют как фитоморфный, так и физико-географический коды культуры. Последний реализуется, кроме всего прочего, с помощью годонимов, характеризующих названия линейных адресных объектов с точки зрения природных особенностей возникновения или существования. Так, в эту группу можно отнести наименования, характеризующие тип растительности местности:

1. Годонимы, мотивированные лексемой *бор* ‘сосновый лес’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/277383>]: *Боровая* ул. (г. Донецк).

2. Годонимы, мотивированные лексемой *дубрава* ‘дубовый лес, роща’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/53418>]: *Дубравная* ул. (г. Донецк).

3. Годонимы, мотивированные лексемой *лес* ‘множество деревьев, растущих на большом пространстве с сомкнутыми кронами’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/97710>]: *Безлесная* ул. (г. Донецк, г. Макеевка), *Залесная* ул. (г. Донецк), *Лесная* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Харцызск, г. Енакиево, г. Амвросиевка, г. Каменск-Шахтинский, г. Новошахтинск, г. Гуково), ул. *Лесная Поляна* (г. Донецк), *Лесной* пер. (г. Горловка, г. Донецк Ростовской области, г. Шахты), *Лесной* тупик (г. Миллерово), *Новолесная* ул. (г. Донецк), *Подлесная* ул. (г. Донецк, г. Снежное).

4. Годонимы, мотивированные лексемой *лесостепь* ‘область, зона, в которой чередуются степь и лес’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/97918>]: *Лесостепная* ул. (г. Донецк).

5. Годонимы, мотивированные лексемой *огород* ‘участок земли гряды под овощами, обычно вблизи дома, жилья’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/135702>]: *Огородная* ул. (г. Макеевка, г. Каменск-Шахтинский, г. Новошахтинск), *Огородный* пер. (г. Донецк, г. Шахты, г. Гуково).

6. Годонимы, мотивированные лексемой *поле* ‘безлесная равнина, пространство’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/170378>]: *Полевая* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Харцызск, г. Енакиево, г. Дебальцево, г. Амвросиевка, г. Шахтёрск, г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Гуково), *Полевой* пер. (г. Каменск-Шахтинский), *Полевой* т-к (г. Миллерово, г. Шахты).

7. Годонимы, мотивированные лексемой *сад* ‘участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/211906>]: *Малосадовая* ул. (г. Новошахтинск), *Новосадовая* ул. (г. Донецк, г. Горловка), *Садовая* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Енакиево, г. Дебальцево, г. Амвросиевка, г. Снежное, г. Иловыйск, г. Шахтёрск, г. Зверево, г. Миллерово, г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Гуково), *Садовый* пер. (г. Харцызск, г. Шахтёрск, г. Каменск-Шахтинский), *Садовый* пр-т (г. Донецк, г. Новошахтинск), *Малый Садовый* пер. (г. Донецк).

8. Годонимы, мотивированные лексемой *степь* ‘безлесное, бедное влагой и обычно ровное пространство с травянистой растительностью в зоне сухого климата’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/233062>]: *Степная* ул. (г. Донецк, г. Горловка, г. Макеевка, г. Дебальцево, г. Амвросиевка, г. Шахтёрск, г. Каменск-Шахтинский, г. Миллерово, г. Донецк Ростовской области, г. Новошахтинск, г. Шахты, г. Гуково), *Степной* пер. (г. Макеевка, г. Енакиево, г. Иловыйск, г. Шахтёрск, г. Донецк Ростовской области).

В свою очередь годонимы, объективирующие зооморфный код культуры, менее частотны в системе наименований линейных адресных объектов Большого Донбасса. Эта группа представлена несколькими наименованиями, восходящими к наименованиям видов животных, преимущественно птиц:

1. Годонимы, мотивированные лексемой *голубь* ‘дикая и одомашненная птица, преимущ. с серовато-голубым или белым оперением и большим зобом’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/40514>]: *Голубиная* ул. (г. Горловка) (1 единица).

2. Годонимы, мотивированные лексемой *лебедь* ‘большая водоплавающая птица сем. утиных с длинной, красиво изогнутой шеей’ [<https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/96770>]: *Лебединая* ул. (г. Донецк, г. Горловка) (2 единицы).

3. Годонимы, мотивированные лексемой *рыба* ‘позвоночное водное животное с конечностями в виде плавников, дышащее жабрами’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/210758]: *Рыбный* пер. (г. Горловка) (1 единица).

4. Годонимы, мотивированные лексемой *сокол* ‘хищная птица, отличающаяся быстрым парящим полётом’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/226986]: *Соколиная* ул. (г. Донецк, г. Горловка) (2 единицы).

5. Годонимы, мотивированные лексемой *соловей* ‘буро-серая птичка сем. дроздовых, отличающаяся красивым пением’ [https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/227294]: *Соловьиная* ул. (г. Донецк), ул. *Соловьиная Роца* (г. Енакиево) (2 единицы).

Как указывает А. М. Мезенко, «зоологические наименования в восточнославянской урбанонимии появились позже, чем в западнославянской» [4, с. 124]. Этим можно объяснить невысокую частотность данного типа наименований в годонимиконе Большого Донбасса.

Заключение. Таким образом, мы рассмотрели специфику реализации фитоморфного и зооморфного кодов культуры в годонимиконе Большого Донбасса. Годонимы, объективирующие данные коды, в первую очередь связаны с особенностями растительного и животного мира региона, а также хозяйственной деятельности населения, в особенности сельского хозяйства. Среди годонимов, объективирующих фитоморфный код культуры, наиболее распространенными являются наименования, образованные от названий плодовых, лиственных и хвойных деревьев, от названий кустарников и растений, которые могут являться как деревьями, так и кустарниками, а также от названий частей растений. Кроме того, мы определили, что некоторые из наименований комплексно реализуют фитоморфный и эмоционально-характерологический, а также фитоморфный и физико-географический коды культуры. Зооморфный код представлен лишь несколькими наименованиями, мотивированными по большей части названиями видов птиц. Малочисленность данных онимов можно объяснить тем, что они в восточнославянской урбанонимии появились достаточно поздно. Перспектива нашего исследования состоит в том, чтобы комплексно проанализировать лингвокультурологические характеристики системы годонимов Большого Донбасса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции: Очерки / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2019. – 656 с.
2. Агапкина Т.А. «Первое» дерево славянского дендрария: доминантные признаки в структуре символа / Т.А. Агапкина // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2015. – № 10. – С. 99–107.
3. Агапкина Т.А. Символика деревьев в фольклоре и традиционной культуре славян: яблоня / Т.А. Агапкина // Stadia Literarum. – 2017. – Том 2. – №1. – С. 284–305.
4. Белорусское Поозерье: культура – ономастика – социум / А. М. Мезенко, Т. Ю. Васильева, Ю. М. Галковская, М. Л. Дорофеенко; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – 180 с.
5. Дементьева А.Г. Когнитивные основы формирования переносных значений фитонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.19 / А.Г. Дементьева. – Тамбов, 2012. – 24 с.
6. Дорофеенко М. Пути репрезентации кодов культуры в виконимии белорусско-польского приграничья / М. Дорофеенко // Studia wschodniosłowiańskie. – 2014. – Том 14. – S. 179–188.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис. – 2002. – 284 с.
8. Маслова В.А. Коды лингвокультуры / В.А. Маслова, М.В. Пименова. – М.: Флинта. – 2016. – 180 с.
9. Мадиева Г.Б. Система современной урбаномистической терминологии / Г.Б. Мадиева, В.И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.

10. Мезенко А.М. Урбанонимия как язык культуры / А.М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 1. – С. 388–393.

11. Пименова М.В. Генезис когнитивных признаков в структуре концепта *вишня* / М.В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и психологические науки. – Т. 6. – № 4. – С. 285–291.

12. Сизова Е.А. Лингвокультурологический анализ урбанонимов (на материале английского, русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 / Е.А. Сизова. – Пятигорск, 2004. – 20 с.

13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 1 / Под ред. Н.И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 1995. – 575 с.

14. Федотова Н.Г. Культурный код города / Н.Г. Федотова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2022. – Т. 12. – № 4. – С. 10–24.

15. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии / М.Н. Эпштейн. – М.: Высшая школа, 1990. – 304 с.

16. Ярошенко Н.А. Культурные коды в урбанонимиконе Донбасса (на материале адъективных годонимов Центрально-Городского района г. Макеевки) / Н.А. Ярошенко, У.Л. Чабан // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2018. – № 3-4. – С. 59–66.

17. Ярошенко Н.А. Растительный код в годонимиконе Донбасса (на материале названий улиц, образованных от видовых наименований растений) / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитрова // Наука и мир в языковом пространстве: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции (14 ноября 2019 г.). – Макеевка: ДонНАСА, 2019. – С. 126–134.

18. Ярошенко Н.А. Растительный код в годонимиконе Большого Донбасса (на материале названий улиц и переулков Первомайского и Октябрьского районов г. Ростова-на-Дону) / Н.А. Ярошенко, Е.А. Дмитрова // Актуальные проблемы изучения славянских языков: Сб. науч. трудов V Международной научной конференции памяти проф. Е.С. Отина (Донецк, ДонНУ, 13 апреля 2020 г.); отв. ред. доц. Н.А. Ярошенко. – Донецк: ДонНУ, 2020. – Вып. 6. – С. 65–71.

Поступила в редакцию 02.06.2023 г.

PHYTOMORPHIC AND ZOOMORPHIC CULTURE CODES IN GODONYMS OF THE GREAT DONBASS

E.V.Ladnova

The paper deals with peculiarities of functioning of phytomorphic and zoomorphic cultural codes in godonyms of the Great Donbass. The research addresses the street-names of the cities in the Donetsk People's Republic (Donetsk, Gorlovka, Makeyevka, Enakievo, etc.) and Rostov Oblast (Shakhty, Novoshakhtinsk, Kamensk-Shakhtinsky, etc.). The focus is made on lexical, semantic, and pragmatic peculiarities of their functioning. In the course of the synchronous analysis, the official, written forms of names, have been considered. Both general research methods (analysis, synthesis, description, comparison) and methods of onomastics (descriptive, linguogeographic) have been applied. The structural, semantic, and functional features of godonyms that objectify phytomorphic and zoomorphic codes have been identified and considered. The classification of hodonyms according to the object of nomination has been presented. It has been revealed that this type of names is associated with the peculiarities of flora and fauna of the region, as well as the economic activity of its population. Besides, this type of names has a symbolic meaning reflected in folk beliefs. The observations made and the results obtained can be used in designing the courses in lexicology, toponymy, linguoculturology, local studies, sociolinguistics, as well as secondary school courses on the culture of the native land.

Key words: godonym, urbanonym, toponym, cultural code, phytomorphic code, zoomorphic code, street, Donbass.

Ладнова Екатерина Владимировна.

Аспирант кафедры общего, славянского и прикладного языкознания имени Е.С. Отина. ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

E-mail: ekaterinaladnova@yandex.com

Ladnova Ekaterina Vladimirovna.

Graduate Student of Department of General, Slavic and Applied Linguistics named after E.S. Otin. Donetsk State University.

E-mail: ekaterinaladnova@yandex.com

УДК 070

СМЫСЛОВОЙ ДИСКУРС КОГНИТИВНЫХ ВОЙН: ОТ СОЦИАЛЬНОЙ ОСЦИЛЛЯЦИИ К ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ РАЗНОСТЯМ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАОСВЕЩЕНИЯ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА)

© 2023 *К.М. Христенко**ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»*

В статье рассматриваются ключевые концепты внедрения и функционирования когнитивных войн. Определены цели и задачи когнитивных механизмов воздействия. Выявлены различия когнитивной войны и пропаганды, информационной войны. Обозначен понятийный аппарат социальной осцилляции и эмоциональных разностей как ключевых концептов когнитивной войны. Проанализированы ключевые информационные блоки когнитивного воздействия в условиях украинского конфликта. Охарактеризованы 4 медиаизмерения как ведущих факторов эффективности воздействия когнитивных механизмов. Описан алгоритм воздействия когнитивных войн на общество. Проанализированы украинские информационные тезисы как когнитивные установки. Описаны алгоритмы эмоционального воздействия информации как ключевой особенности когнитивной войны. Анализируется события украинского конфликта с момента его начала в 2014 года и до настоящего момента начала СВО (специальная Вооружённых сил России на территории Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 года).

Ключевые слова: когнитивная война, социальная осцилляция, эмоциональные разности, украинский конфликт, медиаизмерения.

8 октября 2021 года западный интеллектуальный ресурс Grauzone опубликовал статью Бена Нортон «За когнитивной войной НАТО: битва за мозг, которую ведут западные военные». «Возглавляемый США военный картель НАТО, – пишет он, – опробовал новые методы гибридной войны против своих самопровозглашённых противников, включая экономическую войну, кибервойну, информационную войну и психологическую войну. Теперь НАТО разрабатывает совершенно новый вид боевых действий, который оно назвало когнитивной войной. Описанный как "милитаризация наук о мозге", новый метод включает в себя "взлом личности" путём использования "уязвимостей человеческого мозга"» [3].

Провозглашённая цель НАТО, указывает Нортон, «битва за ваш мозг», стремление «сделать каждого оружием». До недавнего времени НАТО разделяло войну на пять различных оперативных областей: воздушную, наземную, морскую, космическую и кибернетическую. Но с развитием стратегий новой – когнитивной войны – военный альянс обсуждает новый, шестой уровень её ведения – «человеческую область».

Нортон ссылается на спонсированное НАТО исследование 2020 года, в котором говорится: «В то время как действия, предпринимаемые в пяти областях, выполняются для того, чтобы оказать влияние на человека, цель когнитивной войны состоит в том, чтобы сделать каждого оружием». «Мозг станет полем битвы XXI века», а людей необходимо подчинить и использовать в своих интересах [3].

Советник министра обороны России Андрей Ильницкий предупреждает, что именно при помощи «ментальной войны» (или «когнитивной») Запад рассчитывает победить Россию [3].

Действительно, если ранее, в классической войне, требовалось разгромить Вооружённые Силы противника и захватить его территорию, то теперь это вовсе не обязательно. Поскольку можно разрушить государство и уничтожить страну, поменяв

самосознание, мировоззрение, цели, ценности и приоритеты общества. Причём это бесповоротно, поскольку, если ВС и инфраструктуру можно восстановить, то эволюцию мировоззрения повернуть вспять невозможно. Что уже и произошло на наших глазах на Украине.

Подведем итог под тем, что написано выше: главная цель когнитивной войны – сделать оружием каждого человека. Чтобы людей можно было подчинить и использовать в своих интересах, их надо сначала «ментально заразить чуждыми смыслами».

Современные войны ведутся сразу в нескольких «пространствах», сопровождаясь поддержкой политических протестов, экономическим принуждением, активной дезинформацией. Поэтому современные войны и называются «гибридными».

В информационной сфере когнитивные войны – продолжение гибридных войн, комбинирующих обычные вооружённые действия с экономическим и информационным воздействием на противника, объектом которого становится всё население, а не только вооружённые силы вовлечённых стран [1, с. 42].

Когнитивная война – война идеологий. В ней противники стремятся подорвать доверие, что лежит в основе любого общества. Они должны вклиниваться в способ мысли человека, встраиваться в цепочку его размышлений. Потенциально это может привести к разрушению всего общественного договора. Зачастую люди руководствуются чувствами и верят тому, что увидят или прочтут, но технологии информационных войн, поисковые запросы, а также использование фейков и цифровых личностей в соцсетях создают иллюзию массовости того или иного мнения, что заставляет большинство сомневаться в своих суждениях [6, с. 94].

Информационная война хоть и тесно связана с когнитивной, но всё равно является несколько иным видом деятельности. Промежуточной задачей когнитивной войны является захват повестки, а именно контроль потока информации. Кроме того, целью выступает каждый человек, использующий информационные технологии в быту.

Боевые действия приняли формат специальных операций. Они проводятся не только на земле с применением военной техники, но и в кибернетическом, а также информационном пространствах, которые стали базисом для когнитивных войн. Когнитивная война – это война за разум. Пропаганда, дезинформация, подтасовка фактов, недосказанности и прочее, что мы так часто видим сегодня от современных западных средств массовой информации, – всё это часть данной войны.

Таким образом, мы говорим о том, что когнитивная война противостоит способности производить и знать, она активно препятствует знанию. Это война идеологий, которая стремится подорвать доверие, лежащее в основе любого общества, нации. Из-за скорости и распространенности технологий и информации человеческий разум больше не способен обрабатывать поток информации.

Возникает вопрос, чем когнитивная война отличается от пропаганды? Как уже говорилось выше, пропаганда – это часть когнитивной войны. Главное отличие заключается в том, что в подобной войне участвует каждый непреднамеренно. Каждый из нас является не только потребителем, но и переносчиком и распространителем информации. Поэтому в XXI веке важен не только традиционный односторонний сигнал традиционных СМИ (телевидение, радио, газеты, информагентства), но и двусторонний, который предполагает обратную связь либо хотя бы ее имитацию [1, с. 45–48].

Возможность оставить комментарий, выразить эмоцию, переслать, репостнуть, процитировать – такое восприятие информации требует хотя бы минимального действия. В когнитивной войне важно, что это содействие.

На этом социальном желании содействия и построен феномен СМК (средств массовой коммуникации), кардинально отличающихся от СМИ. Так появляются блогеры и иные сетевые лидеры общественного мнения, которые не столько информируют аудиторию, сколько настраивают ее на свою волну: развлекают, объясняют, разговаривают. Открывая возможности СМК, пользователь одновременно сам открывается для манипуляций [6, с. 87–91].

Принципы когнитивной войны основаны на том, что человеческий мозг настолько перегружен информацией, что не способен отличить ложь от истины. Это заставляет медиа-потребителя ориентироваться не на информацию, а на эмоции, связанные с ее получением. Иными словами, учителю нравится слушать политические новости как школьный урок, а футбольный болельщик хотел бы видеть в политике матч. В итоге современный человек становится зависим от мнения ЛОМов, которым доверяет. Доказательно это прослеживается на примере украино-российского конфликта, в котором украинское общество становится активным участником политических событий посредством распространения гневных комментариев и антироссийских лозунгов, поскольку нацелено не на получение информации, а тех самых негативных эмоций, которые формируют соответствующую идеологическую ментальность. Таким образом, долговременное нахождение в таком информационном пространстве вводит человека в состояние «взрослого подростка» – эмоционально неуравновешенной личности, склонной к истерикам, категоричным суждениям и выяснению отношений. Задача когнитивной войны – вводить в состояние «взрослого подростка» и поддерживать в нем все новых и новых граждан. Как только в обществе созреет критическая масса «взрослых подростков», оно будет открыто для массовых паник. Если говорить на примере украино-российского конфликта, то подобное общество будет готово к появлению новых «майданов» и «оранжевых революций».

Концепция когнитивной войны предполагает, что она ведется на постоянной основе и до тех пор, пока не будет подорвана обороноспособность противника с помощью раскола между обществом и государством. Ее конечная цель – провоцирование гражданской войны, когда противник сам себя уничтожает. В украино-российском конфликте раскол между государствами в социокультурном, идеологическом аспекте произошел гораздо ранее начала СВО (здесь и далее: спецоперация Вооружённых сил России на территории Украины, начавшаяся 24 февраля 2022 года). Поскольку когнитивные механизмы в украинском обществе начали работать с момента распада СССР в 1991 году. Главная технология запущенного механизма заключалась в погружении общества в состояние, в котором оно не способно принимать рациональные решения, а руководствуется общим эмоциональным фоном. Таким обществом легко манипулировать. Можно вызвать панику, радость, страх – базовые эмоции. Как это происходит? Эффект достигается посредством манипуляций с базовыми потребностями. Лучшее доказательство – мировые демократические СМИ, превращенные в литую информационную стену, закрывшую реальную Россию от остального мира. Любая попытка сомнения в официальной западной версии по поводу природы или сути украинского вопроса немедленно блокируется. Ведущие мировые социальные медиа, под полным контролем Запада, как о риске заражения вирусом гриппа предупреждают, что "источник информации связан

с российским правительством". Информационные фейки – от событий в Буче до почти ежедневных свидетельств о "зверствах орков" – такой же продукт централизованного контроля над общественным мнением. В результате, чтобы даже не просто отличить правду от лжи, а хотя бы отсеять откровенные фейки, нам необходима специальная психологическая, историческая и культурная подготовка, то чего сегодня большинство граждан планеты лишено.

На самом деле когнитивные войны – это помещение каждого человека в ту самую матрицу, только информационную. За счет чего это работает? За счет иллюзии информационной реальности. Практически у каждого современного человека есть вторая идентичность – информационно-социальная. В 90 % случаев она привязана к смартфону, где хранятся и персональные данные, и деньги, и переписка с друзьями, сведения личного характера.

Современный человек живет в нескольких медиаизмерениях, откуда черпает и одновременно распространяет информацию. Их можно обозначить в 4 векторах: родственно-близкие связи, коллектив, СМИ и новые медиа. Почему мы разграничиваем последние два группа, а не объединяем их в один? Ответ заключается в том, что новые медиа отличаются специфическими особенностями: ориентированы на лидеров общественного мнения в потреблении медиа-контента, склонность к упрощению потока информации, а также отсутствие аналитики, иными словами, неспособность к экспертизе. Далее возникает вопрос каким образом человек делает выводы о том, что происходит в мире? По следующему принципу: что ему сообщают медиа, о чем пишут в соцсетях и что он слышит от своего общения. Даже у самого общительного человека круг общения сводится к сотне человек. Если говорить о социальных медиа, то контента более сотни новостных лент также не потребить – это невозможно физически. К примеру, круг общения среднестатистического человека – приблизительно 20–30 человек, круг семьи – 3–7 человек, а самое массовое увлечение, как правило, редко охватывает больше дюжины людей. Таким образом, суммарно, в физической реальности в среднем 30–50 человек, с которыми мы можем обсудить важные новости и мнение которого является для нас авторитетным, соответственно, способно оказать на нас влияние. Следовательно, когда одинаковый когнитивный удар обрушивается на человека одновременно во всех четырех медиаизмерениях, сбивается его мышление. Информация начинает восприниматься с без рационального и логического мышления. И происходит самое главное – человек поддается эмоциональным порывам.

Рассмотрим на примере угрозы применения оружия с начала СВО. В украинских новостях регулярно появлялись медиасообщения с содержанием, что Владимир Путин в любой момент нажмёт на кнопку и всех накроет ядерная война. К августу 2022 года тема сдвинулась больше в сторону ситуации с Запорожской АЭС – постоянные обстрелы, обвинения обеих сторон. Уже звучали заголовки, что ЗАЭС – это новые Фукусима и Чернобыль. После приезда и последующего отчёта МАГАТЭ тема ЗАЭС утратила свой эмоциональный натиск. 21 сентября 2022 года во время выступления по случаю объявления мобилизации Владимир Путин произнёс: «Те, кто шантажирует нас ядерным оружием, должны знать, что роза ветров может развернуться и в их сторону» – это послужило новым витком для нанесения когнитивного удара. Обсуждения «ядерного шантажа» в западных и прозападных изданиях множатся, в особенности, какие последствия ждут Путина и Россию в случае нажатия красной кнопки. Примечательно, что в первые дни после этого выступления проукраинская сторона говорила, что ударов со стороны России не будет, Путин блефует, и приводила доводы: Путин говорил, что войны не будет, а она началась, Путин говорил, что мобилизации

не будет, а она объявлена, теперь Путин говорит прямым текстом, что нанесут ядерные удары: «Что касается опасений по поводу применения ядерного оружия для защиты “...вновь приобретённых территорий РФ”. Если ты собираешься массово применять ядерное оружие, тебе не нужна мобилизация», – заявил Алексей Арестович, украинский политический деятель и внештатный советник Офиса президента Украины с 1 декабря 2020 по 17 января 2023 года.

Далее происходит следующее. Определенного человека на его работе все спросили: «Слышал, Путин сказал, что все идет к ядерной войне?». Затем «путинским ядерным ударом» поинтересовался партнер в разговоре по телефону, а после об этой теме напомнили массовые медасообщения в Telegram-мессенджере. В вечерних пробках прослушивается по радио заявление какого-то ЛОМа – например, модного политолога, который доказывал, что Украину неизбежно ждет «путинский ядерный удар». За семейным ужином разговор также касается этой темы. Добавляем к этому вечерний звонок с кем-то из родственного круга, допустим, с отцом этого человека, который посмотрел вечерний выпуск новостей с ссылками на «экспертное» мнение Алексея Арестовича. Когнитивный удар произошел через все возможные коммуникационные каналы современного человека. По большому счету, мы имеем дело с банальной паникой. Однако, в цифровом веке мозг человека сильно изменился. Вернее, не сам мозг, а его способность отделять истину от лжи. Мышление не справляется с обработкой информации и отключает рациональное восприятие. Запускается эмоциональное восприятие информации по совершенно иным критериям: человек ориентируется на то, какую эмоцию приносит ему та или иная информация. Критерий подлинности информации подменяется иными критериями. Например, если во всех четырех медиаизмерениях наносится один и тот же когнитивный удар, человек начинает осциллировать. Эта осцилляция – желание распространять информацию, переубеждать и поучать всех вокруг. Человеку некомфортно под когнитивными ударами, и он хочет, чтобы как можно больше людей испытали его состояние. Это странное состояние, которое часто описывают участники «майданов», – желание прыгать от радости с незнакомыми людьми, а затем всем подряд пересказывать ободряющую новость, которая уже завтра окажется слухом.

Обозначим более точное определение осцилляций. Социальные осцилляции – состояние общества, в котором количество жертв когнитивной войны достигает критической отметки и начинает влиять на все общество.

Итак, человек начинает осциллировать, действуя хаотически, высказывая банальщину или откровенную ересь, и постоянно со всеми спорит, желая затянуть в свое коммуникационное поле. Он хочет поделиться своим состоянием. Когда в обществе одновременно вибрирует значительная часть сограждан, это влияет на все социальные группы. Начинаются социальные вибрации, влияющие уже практически на всех. Как только в офисе появляется истерик, он даже в одиночку может задавать тон. А когда в офисе 20–30 % сотрудников – жертвы когнитивных войн, рано или поздно они заразят истерикой весь коллектив. Именно так происходило в Киеве в 2004 и 2014 годах.

В социальных осцилляциях происходят эмоциональные разности. Это крайняя эмоциональная радость от любой, даже незначительной новости. В контексте украинского конфликта мы можем проследить данный механизм в когнитивных метафорах «зрада» (предательство) и «перемога» (победа), привнесенных в российский политический язык. Чаще всего «перемога» существует в виде обещания, заявления, прогноза, предположения или слуха. Ее цель – приносить эмоциональное

удовлетворение от ожидания грядущих побед. «Зрада» – это состояние, в котором оказывается общество, встречаясь с реальностью, контрастно отличающейся от виртуальных «перемог». Состояние «зрады» не бывает абсолютным, постоянным, потому что сменяется желанием новых «перемог». Реальность быстро забывается, и человек снова концентрируется на желанных «перемогах».

Рассмотрим механизм эмоциональных разностей украинского конфликта на примере контрнаступления ВСУ (Вооружённые силы Украины) на Харьковском направлении и сдачи Лимана. 6 сентября 2021 года появились упоминания о наступлении ВСУ. Одна из главнейших тем сентября в медиаповестке мировых, российских и украинских СМИ. Успехи ВСУ в контрнаступлении посеяли панику, поиск виноватых и те самые «зрады» среди российского населения. События с Лиманом разворачивались параллельно. «Лиман и ближайшие населённые пункты “вышли из состава Российской Федерации“. Не пробыв там 24 часа», – Алексей Арестович. Тема жила активно с 6 по 17 сентября 2021 года. Тема Лимана – с 10 сентября по 3 октября 2021 года. В этот период, в зависимости от того, как происходили события на фронте, общество оказывалось в активной фазе эмоциональных разностей. Слухи и прогнозы приносили эмоциональные удовлетворения от грядущих «перемог».

Таким образом, пребывая в состоянии эмоциональных разностей человек начинает кардинально разные психологические эмоции. Мысли бегают: «Всё, наши уже наступают», «Почему не наступают?» Человек начинает истерично перебирать каналы в мессенджерах, смотрит одни и те же видео, читает одни и те же новости, в поисках той, которая доставит ему эмоциональный подъем, ту самую разность. Нужно больше контента, более зрелищной картинке, более провокационного видео. Человек становится наркоманом, только эмоциональным, где наркотик – это информация. Требуется все более и более сильная эмоция, просто видео с погибшими уже не цепляют.

Еще одна ключевая отличительная особенность когнитивной войны, которая отличает ее от информационной войны и пропаганды. В случае с ними, воздействие несет массовый характер. Когнитивная война индивидуализирована. Эмоциональные разности дают возможность испытать удовольствие от осмысленности жизни. Такое эмоциональное воздействие производит неизгладимое впечатление на людей-социофобов, тех, у кого наблюдается нехватка общения или страдающих от одиночества. Как следствие, каждый считает нужным быть причастным к новому посту и написать свой «экспертный» негативный комментарий, прийти на площадь и стать участником очередного митинга, отправить только что снятое видео с места прилета ракеты в Telegram-канале.

Какие характеристики описывают суть когнитивной войны?

Во-первых, это мягкая война, в ней нет людских жертв, так как полем боя является разум человека.

Во-вторых, она является практически невидимой, а когда появляются результаты, то уже изменить практически ничего нельзя.

В-третьих, это война за интеллект и с интеллект, в связи с чем, перед ней открываются любые методы и способы воздействия на разум человека.

Как именно действует когнитивная война на общество? Сконструируем цепочку развития от низшего уровня к высшему: провоцирует слухи и панику – провоцирует конфликт с государством – создает новые идентичности и размывает традиционные – повышает уровень агрессии.

Таким примером служит современная Украина, где с помощью активного участия западных «демократов» получилось внедрить новую систему образования, которая основывается на полном изменении гуманитарных наук. Так, в учебнике по истории 7-го класса средней школы, одобренным министерством образования Украины, черным по белому написано: «Древнейший период в истории украинского народа – древний – длился свыше 140 тыс. лет». В трудах канадского историка Ореста Субтельного «Украина. История», который предназначен для гуманитарных ВУЗов страны, написано, что Иван Мазепа выдающаяся личность, а бандиты из ОУН-УПА являются борцами за независимость. Только вот о близости Бандеры, Шухевича и в целом ОУН-УПА к СС и Абверу в учебнике ничего не сказано. На таких учебниках выросло несколько поколений, которые просто не знают факты мировой и отечественной истории. Украинское молодое поколение воспитывается на националистическом абсурде. Вследствие чего, в сознание людей вбиваются русофобские идеи, которые со временем превращаются в неонацизм. Ради выстраивания собственной исторической концепции украинские историки пошли на прямую ложь и искажение множественных фактов.

К этому же стоит добавить и действующий сегодня украинский конфликт. С началом СВО в условиях быстрого и победоносного продвижения союзных сил вглубь территории Украины от сил информационных операций требовалась только базовая комплектующая информационных войн - постоянно поддерживать боевой дух наступающих вооружённых сил вбросами лозунгов, патриотической риторики, достаточной для эмоционального поднятия духа бойцов и командиров. Планировалось, что в этих условиях для настоящих информационных операций (специальных разведывательных операций на каналах ОТКС - оперативных комбинаций и игр специальных служб), подготовка к которым может занимать от 6 месяцев до полутора лет, времени просто не останется. Значит, необходимости в них нет [6]. Что касается украинской стороны, она в целом оказалась готова к информационным мероприятиям союзных сил, имея на начало СВО грамотно выстроенную американскими специалистами систему центров психологических операций, укомплектованных национальными кадрами, прошедшими подготовку в разведцентрах США, с руководством, напрямую подчиняющимся американским разведывательным службам (ЦРУ, РУМО) и британской МИ-6. При этом сами центры оказались напрямую интегрированы в разведывательную сеть США - в статусе региональных командований, получая приказы непосредственно из разведцентров и имея прямой доступ (с известными ограничениями, разумеется) к разведывательной информации, добываемой АНБ, ЦРУ, РУМО и другими разведками США [6]. В результате, когда началась СВО, российская сторона столкнулась не с «колониальными войсками», обученными американскими инструкторами «европейской тактике» ведения информационной войны, а с самими разведками США, Великобритании и др., действующими «под чужим флагом» и делающими свою работу руками украинских националистов. В этих условиях западные разведки сохранили способность организовывать масштабные провокации и проводить на их основе оперативные комбинации (такие как инцидент в Буче), но первые 2-3 месяца они также были вынуждены переключить своих украинских пособников на решение задач боевого слаживания (чтобы те просто не разбежались), ограничив их боевое применение производством массовой пропаганды, простых и не менее примитивных фейков, дезинформации, идеологических диверсий [6].

Следовательно, упомянутая выше цепочка влияния когнитивной войны на общество выстраивалась не в период начала СВО и не с 2014 года, когда начался украинский конфликт. Когнитивные механизмы начали свое влияние гораздо ранее, когда уже заработали стратегические информационные операции – оперативные комбинации, способные дать стратегический эффект в среднесрочной и долгосрочной перспективах. Прежде, в период «после Крыма» (с 2016 по 2021 гг.), этот вид операций был доминирующим: к ним относятся и «дело Скрипалей», и «Допинговый скандал с WADA», и «дело об аргентинском кокаине», и «захват группы т. н. вагнеровцев в Беларуси в 2020 г.», и даже т. н. дело «об отравлении Навального» [6]. С началом СВО к их числу добавились новые операции, развернувшиеся вокруг инцидента в Буче, и на несколько инцидентов, которые, возможно, тоже рассматриваются Западом как «крючки» для новых оперативных комбинаций:

- «обстрел российскими войсками Запорожской АЭС» (риск ядерной катастрофы), «Россия - спонсор международного терроризма»,
- «ракетный удар по торговому центру в Кременчуге»,
- «применение Россией химического оружия на Донбассе» и т. д.

Цель таких операций – выдвигание обвинений в адрес руководства страны-противника в совершении военных или иных преступлений (как правило, против человечности), терроризме, геноциде.

Главная цель когнитивной войны – подорвать доверие между обществом и государством. Государство не сможет эффективно и стратегически функционировать, если у него в тылу будет раскол.

Мы становимся свидетелями и участниками когнитивных войн и наблюдаем, что победа в политическом конфликте современного мира невозможна только с применением вооружённых сил. Когнитивные механизмы украинского конфликта преследуют цель привести к смене политического режима в Российской Федерации или максимально ослабить его, снивелировать ее экономический, военный, культурный потенциал, добиться раскола в обществе и сформировать недоверие к власти. Полномасштабная война энерго- и финансово дорогостоящее мероприятие чего не скажешь об информационных способах воздействия когнитивных войн, довольно эффективная и не требующая от агрессора жертв. Повсеместное распространение цифровых технологий позволяет когнитивной войне проникнуть в каждый дом любой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.П. Цифровизация и когнитивные войны / А.П. Алексеев, И.Ю. Алексеева // Философия и общество. – 2021. – № 4. – С. 39–51.
2. Войскунский А.Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А.Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 48–53.
3. Как НАТО против России когнитивную войну развязало. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news-front.su/2023/08/22/kak-nato-protiv-rossii-kognitivnuju-voynu-razvjazalo/> (дата обращения: 25.08.2023).
4. Манойло А.В. Информационная война и новая политическая реальность: Ч. II / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2021. – № 2. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).
4. Манойло А.В. Информационные диверсии в конфликте на Украине / А.В. Манойло // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2022. – № 4. – Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 31.07.2022).

6. Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 / А.Н. Медушевский // Вопросы теоретической экономики. – № 2. – 2023. – С. 85–98.

Поступила в редакцию 08.06.2023 г.

**SEMANTIC DISCOURSE OF COGNITIVE WARS:
FROM SOCIAL OSCILLATION TO EMOTIONAL DIFFERENCES
(ON THE EXAMPLE OF MEDIA COVERAGE OF THE UKRAINIAN CONFLICT)**

K.M. Khristenko

The article deals with the key concepts of cognitive wars implementing and functioning. The goals and objectives of the cognitive mechanisms of influence are determined. The differences between cognitive warfare, propaganda, and information warfare are revealed. The conceptual apparatus of social oscillation and emotional differences as key concepts of cognitive warfare is outlined. The key information blocks of cognitive influence in the conditions of the Ukrainian conflict are analyzed. Four media dimensions are characterized as the leading factors in the effectiveness of cognitive mechanisms impact. The algorithm of cognitive wars impact on society is described. Ukrainian information messages are analyzed as cognitive guidelines. Algorithms for the emotional impact of information are described as the key feature of cognitive warfare. The events of the Ukrainian conflict are analyzed from its very beginning in 2014 till the beginning of the SMO (special military operation of the Russian Armed Forces on the territory of Ukraine, which began on February 24, 2022).

Key words: cognitive war, social oscillation, emotional differences, Ukrainian conflict, media measurements.

Христенко Карина Михайловна.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Старший преподаватель кафедры журналистики.

E-mail: k.lomidze@donnu.ru

Khristenko Karina Mikhailovna.

Donetsk State University.

Senior Lecturer at Department of Journalism.

E-mail: k.lomidze@donnu.ru

УДК 070:791

СИСТЕМА ОБРАЗОВ В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ ВОЕННОМ КИНО: ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ, СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

© 2023 *О.С. Чайка*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Во время военного конфликта любое государство делает акцент на распространении информации об этом конфликте, озвучивании своих целей и задач, а также создании (формировании) определённой системы ценностей – важнейшего элемента информационной войны и психологического воздействия не только на аудиторию-оппонента, но и на аудиторию внутри страны. В статье дана оценка роли современного документального военного кино в формировании общественного мнения, проведены параллели между документалистикой времён Великой Отечественной войны и фильмами о событиях на Донбассе. Рассматривается система образов в документальном военном кино на примере работы Владислава Зиздока и Захара Прилепина «Я ещё вернусь. Слово о Захарченко». Определены цели и задачи образной системы в фильмах, посвящённых конфликту на Донбассе, описаны особенности их взаимодействия и способы формирования. Обозначены блоки ценностно-мировоззренческих компонентов, которые демонстрируются в документальном военном кино, а также роль выбора музыкального сопровождения для выражения основных смыслов. Определён потенциал документального военного кино о Донбассе в аспекте формирования системы гуманистических ценностей.

Ключевые слова: документальное военное кино, система образов, система ценностная система, образ города-героя, индивидуальный герой, коллективный герой, Александр Захарченко.

Современное документальное военное кино преследует не только основную цель – передачу сведений о состоянии дел на поле боя, но и формирует смыслы: за что идёт борьба, с кем она ведётся, что будет, если мы потерпим поражение, какой ценой даётся победа. Эти и многие другие морально-нравственные вопросы можно отнести к ценностному аспекту, который в условиях современного информационного противостояния крайне важен, ведь именно он влияет на отношение граждан к новой истории и как история Великой Отечественной войны начала формироваться в ходе её сражений, так и новая история России создается здесь и сейчас.

И.В. Сталин после просмотра легендарного фильма «Разгром немецких войск под Москвой» Леонида Варламова и Ильи Копалина сказал фразу, которая даёт определение роли документалистики в войне: «Один хороший фильм стоит нескольких дивизий». В наше время камеры военкоров отражают происходящее не только как хронику текущих военных действий, но и запечатлевают в истории участников глобального политического конфликта между Россией и коллективным Западом. Конфликта, без малого, за право на существование.

Документальность как явление подразумевает не сколько фиксацию реальности, сколько процедуру поиска и обнаружения связей между чистой запечатлённой действительностью повседневной жизни и социокультурными, символическими, языковыми, художественными способами её осмысления [10, с. 27]. Документальное военное кино, несомненно, является одним из наиболее эффективных каналов передачи информации о событиях в зоне СВО, но при этом нужно помнить, что документальный фильм не есть документ в строгом смысле слова, ибо отснятые события и факты проходят через культурный код, которым руководствуется художник с кинокамерой [5]. Поэтому важно, чтобы документалисты, в процессе работы над проектами, понимали, что они продемонстрируют на экране, какие смыслы вкладывают и как это отразится на ценностной системе зрителей как сейчас, так и через многие годы.

Цель данной работы – проанализировать цели и задачи современного документального военного кино и представить специфику создания системы образов на примере работы журналиста Владислава Зиздока и писателя, общественного деятеля Захара Прилепина «Я опять вернусь. Слово о Захарченко».

Данный фильм вышел на экраны в сентябре 2021 года, спустя три года после гибели первого Главы Донецкой Народной Республики. Цель фильма, на первый взгляд, вполне очевидная: почтить память Александра Захарченко. Однако, при детальном рассмотрении методов формирования образа героя фильма, становится ясно, что авторами создана целая система образов, каждый из которых взаимосвязан и независим в равной степени. В словах Захара Прилепина мы видим истинную цель фильма: *«Мне непонятно, почему мы перестали запоминать персонажей, которые определяют нашу историю»* [8]. Авторы подготовили данный проект не только к годовщине смерти Главы, но и с целью сохранить собирательный образ героического Донбасса в памяти нынешнего и будущих поколений. Об этом свидетельствует ещё одна цитата из фильма: *«...Это попытка ускользающими пальцами хоть как-то зафиксировать эту ситуацию: что было такое время, что была такая война, что огромное количество людей, которые продолжали считать себя русскими, готовы были за это положить жизнь»* [8]. Таким образом, мы приходим к заключению, что жизненный путь Александра Захарченко – это лишь часть того, о чём повествует этот фильм.

В нём присутствует следующая система образов:

1. Образ города-героя (Донецк как символ стойкости);
2. Образ лидера (первый Глава ДНР Александр Захарченко);
3. Коллективный образ героя (ополчение, мирное население);
4. Образы-«маркеры» (символы Донбасса: шахтёры, розы, стадион «Донбасс Арена», памятник «Твоим освободителям, Донбасс!» и т.д.);
5. Образ автора (Захар Прилепин – рассказчик, повествование от первого лица);
6. Образ товарищества (военные корреспонденты, музыканты, артисты, которые поддерживают Республику).

Вся эта система легко прослеживается во взаимосвязи с главным образом фильма – лидером Александром Захарченко. Остальные образы, раскрываясь, добавляют его персональному образу новые характерные черты. В результате, главная мысль фильма кристаллизуется в напутствие «чтобы помнили», отдавая должное и первому Главе, и всем тем, кто сражается за мир на Донбассе. Всем тем, кто, несмотря ни на что не покинул родную землю, переживая все испытания войны вместе с Донбассом, который и сам становится символом стойкости и морально-нравственным ориентиром.

Образ города-героя широко распространен в документальном кино, в особенности, в работах, посвященных Великой Отечественной войне. Так, например, в трудные для страны и Красной Армии дни отступлений 1941 года, когда враг оказался на подступах к столице, москвичи увидели на экранах новый киножурнал – «На защиту родной Москвы». Его стала выпускать группа кинорежиссёров, оставшихся в Москве. Из материалов, присылаемых на студию фронтовыми кинооператорами, они монтировали короткие очерки и отдельные сюжеты, в которых рассказывалось о боях близ Москвы и о военных буднях советской столицы. А в Ленинграде, страдая вместе с ленинградцами от голода, холода и бомбежек, хроникеры запечатлели трагедию блокадного Ленинграда в фильме «Ленинград в борьбе». С опухшими ногами, кружащейся от голода головой они все равно выходили на улицу и на пределе человеческих возможностей продолжали снимать [3, с. 51]. Самоотверженность документалистов в годы Великой Отечественной войны не

проходила бесследно, их труд приносил большую пользу, влияя на население, вселяя в него веру в победу, в справедливость, в силу русского духа [3, с. 52].

Донецк, другие населенные пункты зоны СВО, линия фронта – всё это часть образа Родины, за которую сейчас сражаются лучшие сыны России. Демонстрация в документальных фильмах хроники боёв, жизни военнослужащих на линии фронта, страданий мирного населения призвана показать всю жестокость противника, его бесчеловечность. В фильме Владислава Зиздока и Захара Прилепина также использованы кадры хроники боевых столкновений, обстрелов населенных пунктов, но, вместе с этим, как и в большинстве документальных фильмов о Донбассе до начала специальной военной операции, в этих эпизодах можно проследить внутреннюю силу духа именно нашего региона, которая раскрывается за счёт соединения качественной работы оператора на месте события, тщательного подбора видеоряда и звукового сопровождения при монтаже.

Когда Захар Прилепин рассказывает о том, как он узнал о смерти Александра Захарченко, в кадре нет фрагментов с ним, но есть виды города Донецка – его улицы, памятники, розы. Есть беззаботные дети, есть неспешно гуляющие мирные жители. Все эти элементы сопровождаются следующим закадровым текстом: *«... это больше не воспроизведется. У меня больше никогда не будет такого друга... Он больше, чем я сам. Он старше меня на целую Великую Отечественную войну, на Куликовскую битву, на все походы Ермака. Он старше меня на всю историю России»* [8]. В этом эпизоде также используется эффект *slow motion*, что подчеркивает эмоциональную составляющую данной сцены, позволяет глубже прочувствовать настроение фильма, увидеть, за что отдают жизнь – за мирное небо над шахтёрскими городами. Образ города-героя имеет большое политическое и военно-стратегическое значение, становится символом мужества и доблести.

Образ города используется авторами фильма также и для достижения иных целей. Так, например, в одном из эпизодов очередного боестолкновения, фоном служит песня «Russian Danse» Joey Pecoraro. Песня придает кадру некую лёгкость, снижая эмоциональный накал, упрощая сложную драматургию картины, при этом доводя ситуацию до абсурда. Следом в кадре появляется хроника Захара Прилепина из города Грозного (1996 г.), где солдаты в казарме танцуют под «Life is life» австрийской группы Orus. А на фоне – разрушенный город. Сочетание кадров военных противостояний и музыки, которая по логике драматургии неуместна, производит особое впечатление, подчеркивает всю противоестественность войны и весь её ужас одновременно. Резкий контраст привлекает внимание зрителя и связывает между собой части фильма.

Образ города раскрывается и за счёт ряда маркеров – неких этностереотипов. При определении этнического стереотипа Ю.В. Бромлей использует понятие обыденного сознания, отмечая, что оно обладает этнической спецификой. «Это прежде всего относится к так называемым «значениям» – стереотипам, фиксирующим типичные для членов этноса понятия, знания, умения, нормы поведения. Представляя «пограничную» зону общественного знания (на его обыденном уровне) и бытовой культуры, эти стереотипы выполняют важную функцию в воссоздании характерных для каждого этноса свойств» [1, с. 71]. Такое явление часто используется современными документалистами в зоне СВО, фильм «Я опять вернусь. Слово о Захарченко» не исключение. Ведь в первом же его кадре шахтёры Донбасса – крупным планом. В фильме они также упоминаются в эпизоде, где Глава ДНР и его друзья-музыканты поют песни, отдыхая после боевого дня. Александр Владимирович просит сыграть песню, которая изначально была посвящена шахтёрам, а со временем переделана в песню о танкистах. Также в этой части фильма Захар Прилепин

говорит, что для Захарченко были важны песни *«про этот воздух, про Донбасс»* [8], добавляя к его портрету ещё один штрих.

В целом, данная работа отличается от многих других подобных именно особым отношением к музыке и искусству. Через музыку в нём раскрываются характеристики персоналий, присутствующих в фильме. Целью большинства этих эпизодов является создание особого настроения, позволяющего глубже проникнуться историей. При этом стоит отметить, что киномузыка в целом является одним из самых сильных иллюзорных убеждений и позволяет зрителю осознать, что то, что он наблюдает, хотя и противоречиво, но максимально реально [9, с. 344]. Особого внимания заслуживает главный лейтмотив фильма – песня *«Сядем рядом»* А. Башлачева. Пик эмоционального восприятия достигается за счёт комбинации данной композиции с кадрами похорон Главы ДНР. Здесь раскрываются образы ополченцев и мирных жителей. Первые – те, кто бок о бок стоял с Захарченко за честь и свободу Донбасса. Общим планом оператор показывает колонну солдат, отдающих честь своему лидеру, укрепляя его образ в сознании зрителя. В момент крупных планов их лиц в песне звучат такие строки: *«Я любой удар приму, как твой великий дар»*. Данные кадры призваны показать единство и верность идее, несмотря на утрату одного из лидеров.

Именно из этой песни авторы проекта позаимствовали строчку для названия – *«Я опять вернусь»*, и обыграли её в перебивках между эпизодами. Фраза появляется на черном экране, сквозь буквы видны силуэты деревьев и теней, в качестве звукового сопровождения использован грохот и стук колёс поезда, которого зритель не видит. И лишь в конце фильма, в титрах, на заднем плане, зритель видит рельсы, по которым мчится поезд, – символ пути, последнего пути Александра Захарченко и в то же время в строчках *«Я опять вернусь»* считывается одна из главных идей фильма: герои должны быть запечатлены в истории, поскольку только так можно отстоять право на национальную идентичность.

Роль музыки для создания образов также заметна и в другом фрагменте фильма, задача которого – показать Главу ДНР в окружении товарищей по духу. После венчания Захара Прилепина и его супруги в Донецке в неформальной обстановке нам показывают Александра Захарченко с идейными сподвижниками, среди которых военный журналист Семён Пегов, певица Юлия Чичерина и сам Захар Прилепин. Они вместе исполняют песню, в которой звучат строки: *«Нам некуда отступить, это наша земля и мы будем на ней стоять»*. Данный эпизод призван показать единство, неразрывность и силу духа. Песня совпадает с действиями в кадре, где Александр Захарченко подчеркивает роль своих друзей в борьбе с идеологическим противником.

Далее первый Глава ДНР произносит речь, которая подчеркивает роль искусства для памяти потомков. *«И пускай наши дети услышат ту жизненную правду, настоящими жизненными словами, которую напишешь ты. Будут читать твои книги, твою правду»* [8] – такими словами в фильме демонстрируется ещё одна роль Захара Прилепина – он писатель, который пронесет через годы и время память о том, как здесь отстаивали своё право быть частью Русского мира. В монологе самого писателя можно услышать и объяснение того, почему он стоит за Донбасс, почему формирует батальоны, почему пишет книги, почему называет А. Захарченко своим другом. Взаимоотношения этих двух образов в фильме тесно связаны и раскрываются во многих сюжетных составляющих фильма.

Важным для создания системы образов в фильме является ещё один эпизод, связанный с музыкой. В нём мы видим Александра Захарченко, Захара Прилепина и их идейных товарищей: они все вместе исполняют военные песни после напряженного

трудового дня. Коллективный дух всегда эффективно раскрывался в кино с помощью песни, музыка была тем самым вдохновением и откровением, которое вызывало у зрителя эффект сопричастности к происходящему. Он ощущал себя участником исполнения этих песен, которые были частью его культурного кода. В фильме «Я снова вернусь. Слово о Захарченко» можно услышать песни о войне в целом и о Донбассе в частности в исполнении Юлии Чичериной, Джанго, Александра Скляра, Александра Дадали, Вадима Самойлова. Все они указаны в титрах к фильму. Вместе с этим, в титрах указаны и все военкоры, которые работали над созданием этого фильма и в целом работают на Донбассе: снимают фильмы, рассказывают о злодеяниях Украины в своих проектах (С. Пегов, А. Сладков, М. Фадеев, А. Пашин, А. Мельников, В. Зиздок). Некоторые из них также появляются в фильме, общаясь с Александром Захарченко и ополченцами на передовой. А в описании фильма на YouTube можно прочитать такую характеристику данного проекта: «*О боях-пожарищах и друзьях-товарищах*». Из этого описания фильма и всех тех элементов, о которых было сказано выше, можно получить ясное представление, что в данной работе, как и во многих других, посвященных войне на Донбассе, большую роль авторы уделяют демонстрации следующих ценностей: ценности нравственной культуры (жизнь, человек, личность, семья, добро); ценности духовной культуры (мир, Отечество, свобода, патриотизм); ценности эстетической культуры (творчество); ценность социальной культуры (справедливость); ценности коммуникативной культуры (честность, вера, взаимопонимание, братство).

Следует отдельно отметить значение демонстрации в документальном кино каждой из ценностных категорий для формирования новых смысловых отношений.

А.С. Франц в своей монографии «Ценности отечественной нравственной культуры» пишет, что: «Гарантия сохранения общества от саморазрушения потенциалом нравственной культуры отмечались историей и социальной философией на протяжении веков» [6, с. 7]. Именно поэтому западные средства массовой информации так старались внедрить свои идеи в русскоязычное пространство – в наших базовых ценностях скрыта сама идея государства. Незнание и непонимание ценностей нравственной культуры страны приводит к плачевным последствиям: проектированию и осуществлению непродуктивных коммуникативных практик, слабой профессиональной самореализации, низкому уровню делового сотрудничества, конфликтным семейным взаимоотношениям [6, с. 7]. Все эти моменты угнетают общество, разделяют и делают каждого отдельного человека уязвимым перед теми ценностями, которые ему несвойственны. Таким образом может усиливаться влияние извне на государственную работу с молодежью, на взаимодействие между разными культурными группами, на формирование отечественной корпоративной культуры.

Ценности духовной культуры способны изменять социальные отношения, создавая определенные условия жизни, более адекватные интересам человека и общества, вырабатывать механизмы согласования частных и общих интересов и разрешать противоречия и конфликты посредством согласия [4]. Отсутствие у общества понимания истинных ценностей духовной культуры страны серьезно влияет на формирование личности, глубину её самосознания и самоидентичности. Конечно, такая позиция крайне удобна противникам России, в следствие чего, сейчас эта категория ценностей должна быть широко представлена в материалах СМИ.

Эстетическая ценность тоже играет большую роль в формировании смыслов, поскольку благодаря своим свойствам она способна усиливать и раскрывать любые другие ценностные категории. Так, например, в произведениях искусства мы можем считать призывы к борьбе или смирению, к поиску истины, к осмыслению значимости Родины для каждого человека в отдельности и для всего общества в целом. Всепроникающая сила

ценностей эстетической культуры способна активизировать общество, предлагать ему удобную форму для осмысления морально-нравственных ориентиров.

Ценности социальной культуры раскрывают главные стороны общественных отношений, дают возможность принять решение в ситуации выбора, активизируют и направляют оценочные действия, поведение [2]. Данное направление позволяет обогащать общественное сознание яркими выразительными образами, питающими их духовное и нравственное состояние, даёт возможность самостоятельной творческой реализации в разных видах деятельности, благодаря чему привносит в жизнь человека индивидуально-самобытное видение окружающего мира и отношения к нему.

В документальном военном кино находят своё отражение все категории ценностной культуры, однако коммуникативные ценности в данном типе журналистского творчества играют главную роль. Они позволяют создавать тот самый образ непобедимого русского товарищества, объединения сильных и смелых, мужественных и достойных. Передавая подобные настроения с экранов военные корреспонденты вносят свой весомый вклад в формирование того, что в народе называется «русский дух».

Следует отметить, что последний блок ценностно-мировоззренческого компонента особенно раскрывается в фильме «Я ещё вернусь. Слово о Захарченко» в процессе создания образов защитников Донбасса. Ополченцы появляются на протяжении всего фильма: в хронике боестолкновений, в объективах камер спецкоров, которые приезжают на позиции с А. Захарченко, непосредственно в процессе общения с Главой, прямо в момент обстрела и так далее. Они выступают образом того самого братства, которое сражается за свободу и независимость своей Родины, как и их прабабушки и прадедушки в годы Великой Отечественной войны. И как в те годы было важно иметь лидера – человека-символа чести и достоинства, так и в наше время для солдат Республики именно Александр Владимирович был тем самым лидером. И в их словах, в их взглядах, направленных на него, создается ещё один элемент образа Главы – таким, каким его знали в армии, под позывным «Батя».

Захар Прилепин в одном из эпизодов, после кадров хроники, где Захарченко общается с ополченцами, дает ему следующую характеристику: «яростный и честный». Вспоминая описания образов героев «былых времён», можно предположить, что более удачной характеристики для борца за свободу своего народа представить невозможно. Солдаты армии ДНР – олицетворение своего лидера, его продолжение. Именно поэтому кадры похорон Александра Захарченко воплощают главные его человеческие и лидерские черты – он был тем, кто вёл за собой. В момент, когда военные несут гроб Главы Республики вдоль колонны, участники которой отдают ему честь, провожая в последний путь, звучат строки из песни «Сядем рядом», которые удивительно точно подходят по драматургии момента. «*Дай мне голос*» – эта строчка сопровождается демонстрацией в кадре крупных планов лиц военных, на которых операторы запечатлели неподдельные эмоции, трогающие душу зрителя, вызывая у него сильную эмоциональную реакцию.

Образ персонального героя и образ коллективного героя в данном проекте также реализован в финальных кадрах, где на фоне рельсов, которые уносят вдаль поезд, невидимый для зрителя, читаются строки: «*Работаем, Батя! Работаем, Брат!*». Данные выражения понятны и известны тем, кто знал Александра Захарченко по позывному «Батя», кто обращался к нему «брат», кто теперь продолжает начатое им дело. И это не только военные, это и мирные жители, образ которых также регулярно присутствует у авторов военных документальных фильмов.

В этом фильме образ коллективного героя–жителя Донбасса появляется несколько раз и выполняет как фактологическую функцию, так и функцию эмоционального

воздействия на аудиторию. Первый эпизод сопровождается кадрами хроники обстрела транспортной развязки в Ленинском районе города Донецка (22 января 2015 года). В результате погибли 8 человек, 26 получили ранения. В кадре мы видим Александра Захарченко, который общается с ополченцами, заявляя им, что теперь их задача – отомстить без малейших колебаний за погибших мирных граждан. А в следующую секунду Глава уже прижимает к себе, утешая, рыдающую женщину. В этом фрагменте фильма мы видим взаимодействие сразу нескольких образов: здесь и ополчение, решительно настроенное восстановить справедливость, и местные жители, в состоянии шока рыдающие и кричащие оскорбления в сторону украинских солдат, ищущих утешения у Александра Захарченко, который в одну секунду успокаивает людей и обещает наказать виновных, а в другую – раздает приказы своим сотоварищам и уже им заявляет, что преступление против мирных граждан оставлять безнаказанным нельзя.

Вторая сцена с коллективным героем-жителем Донбасса также выполняет функцию эмоционального воздействия на зрителя. В кадре огромное количество людей, идущих по главной площади Донецка, – день похорон Александра Захарченко. Под главную музыкальную композицию фильма «Сядем вместе» в эффе́кте *slow motion* мы видим поток людей, против которого идет оператор, с помощью субъективной съемки создавая впечатление, будто в противоположную сторону от идущих между рядами идёт сам погибший лидер ДНР. Усугубляется этот эффект и за счёт попадающего в кадр билборда с изображением Главы, который был установлен накануне, ко Дню города. Создается впечатление, будто Александр Захарченко смотрит вслед идущим колоннам людей с флагами Республики, цветами и его портретами. Эти кадры вместе с музыкальным сопровождением подчеркивают роль Главы Республики для простых граждан, в глазах которых он был и остается лидером, которому они верят. *«Сядем рядом, сядем ближе»* – строки из песни подчеркивают образ лидера, который был вместе с народом, делил с ним все горести и радости, а в конце эпизода люди проходят как бы сквозь камеру под строки: *«Глянь в окно, да вон оно, рассыпано, твоё зерно... Ну чего ты ждешь, иди смелей, иди, ещё-ещё»*. В этих кадрах отражается смысл всего этого противостояния: свободная жизнь, право на выбор и роль, которую в этом играет каждый участник события, и зритель в том числе.

Система образов, созданная авторами фильма «Я ещё вернусь. Слово о Захарченко», позволяет максимально прочувствовать всю горечь войны и осознать важность сохранения памяти о ней для будущих поколений. Настало время обратить пристальное внимание на то, что делает русских людей – русскими, то, о чём поётся в нашем гимне: священность государства, любовь к Родине, воля, гордость, народная мудрость, стремление прославить себя и свою землю, достоинство и честь, единство, и братство, право на жизнь и мечту, на верность и свободу. Для этого необходимо проводить системную деятельность по разработке и созданию механизмов защиты современного общества и будущих поколений от деструктивных информационных потоков.

Документальное военное кино о Донбассе в настоящий момент играет важную роль в информационной борьбе с противниками, отмечая все правонарушения по отношению к мирному населению, но, вместе с этим, стоит выделить высокий потенциал его идеологического воздействия. Данный тип журналистского творчества необходимо изучать и систематизировать для сохранения памяти о ныне происходящих событиях на Донбассе и в целом в зоне СВО, поскольку такой подход является транслятором информации о современной истории региона, менталитете и идеологии. В таком случае опыт военных документалистов не будет утерян или использован не по

назначению, а будет применяться в роли своеобразного исторического зеркала – источника культурной и социальной идентификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бромлей Ю.В. К вопросу о влиянии особенностей культурной среды на психику / Ю.В. Бромлей // Советская этнография. – 1983. – № 3. – С. 67–75.
2. Ежкова Н.С. Социокультурные ценности и проблема приобщения к ним детей / Н.С. Ежкова, И.С. Чуканова // Молодой ученый. – 2016. – № 13.2 (117.2). – С. 32–34.
3. Ерохина Т.И. Пограничность документального и художественного в современном кинематографе (Е. Коряковский «Читай, читай») / Т.И. Ерохина, А.Ю. Куликов // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 354–360.
4. Кудряшова М.С. Духовные ценности в контексте современности / М.С. Кудряшова // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2015. – № 4. – С. 59–67.
5. Немченко Л.М. Мобилизация: от мира к войне (особенности кинопропаганды на материале документального фильма «Урал кует победу» и киножурнала «Советское искусство») / Л.М. Немченко // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2017. – № 2 (37). – С. 99–105.
6. Франц А.С. Ценности отечественной нравственной культуры [Текст]: монография / А.С. Франц; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2018. – 252 с.
7. Хотина Ю.В. Кино как инструмент поднятия боевого духа в период Великой Отечественной войны / Ю.В. Хотина, Г.М. Безбедов, Л.М. Безбедов // APRIORI. – Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 4. – С. 48–56.
8. Я ещё вернусь. Слово о Захарченко. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oEntzkqD6nc&t=5s> – заглавие с экрана (дата обращения: 28.08.2023).
9. Язырадов М. Особенности музыкального оформления документальных фильмов / М. Язырадов // Вестник науки. – 2023. – № 4. – С. 343–346.
10. Якимов А.Е. Особенности разграничения кинематографа на документальный и игровой в контексте проблемы репрезентации повседневности / А.Е. Якимов // Общество: философия, история, культура. – 2021. – № 9 (89). – С. 26–32.

Поступила в редакцию 01.06.2023 г.

SYSTEM OF IMAGES IN MILITARY DOCUMENTARIES: GOALS, OBJECTIVES, SPECIFICS OF INTERACTION

O.S. Chaika

During a military conflict, any state focuses on spreading information about this conflict, transmitting its goals and objectives, as well as creating a certain system of values. This system is the most important element of information warfare and psychological impact not only on the opponent audience, but also on the audience within the country. The article addresses the role of modern documentary military cinema in the formation of public opinion, draws parallels between documentaries of the Great Patriotic War and films about the events in the Donbass. The author's assessments of the phenomenon are provided. The system of images in documentary military cinema is considered on the example of the work "I'll be back. A word about Zakharchenko" by Vladislav Zizdok and Zakhar Prilepin. The goals and objectives of the imagery system in films about the conflict in the Donbas are defined. Their interaction peculiarities and methods of formation are described. The blocks of value-worldview components that are demonstrated in the documentary military cinema, as well as the role of the choice of musical accompaniment to express the basic meanings are indicated. The potential of documentary war films about Donbass in forming the system of humanistic values is determined.

Key words: documentary military cinema, image system, value system, image of hero city, individual hero, collective hero, Alexander Zakharchenko.

Чайка Ольга Сергеевна.

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Старший преподаватель кафедры журналистики.

E-mail: o.chayka@donnu.ru

Chaika Olga Sergeevna.

Donetsk State University.

Senior Lecturer of the Department of Journalism.

E-mail: o.chayka@donnu.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.928.22

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ УСТАНОВКА ДЛЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ РАБОТЫ В ОБЫЧНЫХ И ПОТЕНЦИАЛЬНО ОПАСНЫХ УСЛОВИЯХ

© 2023 *В.И. Безродный*

ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

Дается анализ проблем экспериментальных исследований профессиональной бдительности и производственного травматизма. Описывается работа на установке "У-1", с объяснениями, базирующимися на принципах системного подхода. Приводятся результаты исследований двух групп шахтеров: повторнотравмированных и нетравмированных. Представители обеих групп не имели существенных различий по профессии, возрасту, стажу. Данные показали, что предположение о менее выраженном у повторнотравмированных шахтеров «рефлексе биологической осторожности» позволяет правдоподобно объяснить изменения в показателях, а снижение указанного рефлекса становится одной из причин частого травмирования.

Подробно описывается новый экспериментальный аппаратный комплекс "Стимул", разработанный для моделирования работы в обычных и потенциально опасных условиях. Делается вывод о том, что установка "Стимул", разработанная нами, может быть использована в исследовании психологических причин травматизма не только шахтеров, но и других профессий, связанных с повышенным риском.

Ключевые слова: моделирование, готовность, бдительность, системный подход, сенсомоторная реакция, координатор, стрессоры, вегетативные показатели, электрокардиография.

Исследование проблемы моделирования работы в потенциально опасных условиях началось с изучения готовности к действию в экстремальных условиях, а также бдительности, как состояния готовности человека [3, 4, 10].

На сегодняшний день учеными разрабатываются методы выявления психологической структуры и особенностей состояния готовности к действию, которые могут быть получены в случае необходимости изучения бдительности. Однако способ оценки бдительности можно применять только тогда, когда выдвигается задача точного оценивания уровня готовности к действию определенного человека. Если этот уровень необходимо измерить точно, оценки, например, в абсолютных единицах времени не являются адекватными. Камнем преткновения выступают существенные различия в двигательных реакциях людей. Один человек может быть менее пристальным, но при наличии индивидуальных особенностей мотивации сможет отреагировать быстрее, другой – быть более пристальным, но в этих условиях среагировать медленнее в силу индивидуальных особенностей и состояния реактивно – моторной сферы. Различные скорости ответа на предъявленный стимул могут, наоборот, оказаться следствием одинакового уровня готовности. Итак, время не является достаточным критерием для измерения бдительности как состояния готовности к действию, однако оно является необходимым компонентом относительного измерения бдительности. Относительная величина может быть представлена с помощью дроби, где числитель – среднее время реакции, устойчивое для определенного человека, а знаменатель – время ответа на предъявляемый сигнал.

Целью работы было обоснование и разработка экспериментальной установки для моделирования работы в обычных и потенциально опасных условиях. Проблема

разработки подобных установок является актуальной для исследования профессий, где наблюдается высокий уровень травматизма [2, 5]. Подобная установка "У-1" нами была создана и апробирована на работниках горных профессий [1]. Методологическими принципами при разработке и конструировании установки стали положения Б.Ф. Ломова о принципе системности и системный подход в психологии [7,8 9]. С помощью экспериментальной установки были обследованы две группы шахтеров: повторно травмированные, получившие травмы по своей вине, и не травмированные. Представители обеих групп не имели существенных различий по профессии, возрасту, стажу. Специфика профессиональной деятельности последних предполагает хорошо развитое внимание, быструю реакцию в случае угрожающих изменений производственных условий, способность постоянно поддерживать высокий уровень бдительности, умение мобилизовать психофизиологический потенциал организма, эмоциональную устойчивость в стрессовых ситуациях.

Обследование шахтеров на установке "У-1" показало, что скорость сенсомоторных дизъюнктивных реакций повторнотравмированных и не травмированных работников в обычных условиях была одинаковой. Абсолютные величины латентного периода при реакциях на раздражители в значительной степени обусловлены их физической природой. Быстрее горняки реагировали на вспышку лампы и такой специфический для этой профессии раздражитель как шум падающей породы, медленнее – на чистый звуковой тон.

Однако другие результаты получены по эффективности выполняемой работы. Участники контрольной группы демонстрировали значительно более высокую точность движений при перемещении рычага, чем повторнотравмированные шахтеры. В сенсомоторных реакциях в обеих группах наблюдалось примерно одинаковое количество ошибок, однако в контрольной группе варибельность этого показателя была ниже. Очевидно, более успешная работа членов контрольной группы в первой серии исследований отражала способность быстро формировать функциональные системы, необходимые для ответных реакций на изменяющееся состояние среды. Об этом свидетельствуют также результаты наблюдений, а именно: участники контрольной группы, как правило, отличались быстрым освоением указаний по работе на установке и лучшей тренированностью. Одноминутной тренировочной серии обычно было достаточно для полного понимания задачи. Обучение повторно травмированных шахтеров продолжалось медленнее, а инструкции они осваивали хуже. Однако несколько человек из этой группы обнаружили способность к обучению на уровне контрольной группы. Это свидетельствует о том, что скорость формирования функциональных систем, обеспечивающих хорошую сенсомоторную координацию в условиях активного распределения и переключения внимания, является важным, но не единственным фактором, обуславливающим высокий уровень травматизма.

Вследствие этого, особое значение имели результаты, которые мы получили во второй серии. Усложнение условий при этом было достаточным фактором, чтобы вызвать психическую напряженность у испытуемых. Экстремальные условия, которые затрудняли деятельность участников исследования, создавались сочетанием электрокожного раздражения, которое само по себе является типичным стрессором, с дефицитом времени и отвлекающим шумом.

Результаты исследований показали, что латентный период и варибельность сложных сенсомоторных реакций уменьшились в обеих группах. Это сопровождалось определенным снижением точности и значительным расхождением ошибок (подтверждено наблюдениями других авторов) [5]. Наиболее существенное

уменьшение срока реагирования в контрольной группе отмечено на вспышку лампы и отклонение указателя, а в группе повторнотравмированных – на отклонение указателя. Оба эти раздражителя находились в периферическом поле зрения, что предопределяло время реакции на них зависимостью от состояния функции распределения внимания. Меньше наблюдалось изменение во времени реакции на звуковые сигналы, восприятие которых во многом зависело от уровня произвольного внимания. Эти различия можно объяснить следующим образом: осуществляемый участником эксперимента анализ измененной ситуации с учетом наказания электротоком формирует установку на первоочередную значимость сигналов, восприятие которых затруднено. Следствием подобной установки является активизация соответствующих структур мозга, которая обеспечивает эффективную (по скорости реакции) деятельность по реагированию на "опасные сигналы".

Уменьшение времени реагирования во второй серии отмечалось в обеих группах. В контрольной наблюдалось характерное и значительное ускорение реакций. Уменьшение латентного периода указывает на облегчение проведения возбуждений нервными структурами, которые обеспечивают сенсомоторное реагирование. Согласно принципу системного подхода [6], это объясняется тем, что доминирующие функциональные системы, которые координируют сенсомоторную реакцию, были включены потоком неспецифических сигналов, направленных ретикулярной формацией ствола мозга. Действительно, угроза болевого раздражения могла вызвать защитную реакцию, активизировать так называемый «рефлекс биологической осторожности». В результате должна была сформироваться скрытая защитная доминанта. Однако, вытеснение ее другой деятельностью маловероятно, поскольку упомянутая доминанта имеет большую силу и устойчивость. Итак, оставался только третий из наиболее вероятных результатов взаимодействия доминирующих возбуждений: неспецифическое активирование защитной доминантой другой деятельности, преобладающей в данный момент. Такой деятельностью, возможно, стала работа на установке "У-1". Таким образом, произошло объединение возбуждений в нервных путях, которые осуществляют сенсомоторную координацию, и это повлекло ускорение реакций. Менее значительное ускорение реакций у повторно травмированных шахтеров обусловлено, очевидно, тем, что "рефлекс биологической осторожности" выражен у них слабее. Разумеется, меньшая сила защитной доминанты вызвала более слабую активацию функциональной структуры, которая преобладала в деятельности на тот момент. Таким образом, можно констатировать заниженную оценку фактора опасности повторнотравмированными относительно контрольной группы. В пользу различия установок при выполнении второй серии исследований у шахтеров различных групп свидетельствовала также и динамика частоты сердечных сокращений в течение выполнения задания.

Из вышесказанного следовало, что предположение о менее выраженном у повторно травмированных шахтеров "рефлексе биологической осторожности" позволяло правдоподобно объяснить полученные изменения, а снижение указанного рефлекса становилось одной из причин частого травмирования.

Для дальнейших исследований нами был разработан аппаратный комплекс "Стимул" – принципиально новый вариант аппаратного комплекса, который использовался ранее [1]. Комплекс применялся для исследования психофизиологических характеристик горняков в условиях, которые моделировали определенные стороны их профессиональной деятельности. В основу использования аппаратного комплекса "Стимул" положена гипотеза, согласно которой "склонность"

к травмированию в значительной степени связана с особенностями отдельных психофизиологических функций: скорость дизъюнктивных сенсомоторных реакций, степень устойчивости к воздействию психических и физических стрессоров. Понятно, что изучение перечисленных функций в условиях непосредственного труда горняков связано со значительными, иногда и непреодолимыми трудностями.

Установка "Стимул" разрабатывалась в рамках диссертационного исследования, начиная с 1981 года и по настоящее время. Информация по этой установке ранее не публиковалась и заявка на патент не подавалась.

Во время работы на "Стимуле" участнику эксперимента автоматически подается 4 вида раздражителей (сигналов) в определенной последовательности. Очередность и темп подачи определены программой. В соответствии с указаниями, тот, кто участвует в эксперименте, реагирует на сигнал, нажимая на одну из четырех кнопок, которая соответствует виду предъявляемого стимула. Время реакции на каждый из раздражителей измеряется электронным хронометром и выводится на цифровое печатающее устройство. Кроме того, регистрируются ложный выбор кнопок и пропуски сигналов. В комплекс входит также координметр особой конструкции, работа на котором продолжается непрерывно в течение всего испытания. Исходные показатели прибора (темп и точность движений) фиксируются. Предусмотрена постоянная регистрация отдельных вегетативных показателей. Однократное испытание состоит из двух серий: фоновой и основной. Последняя отличается наличием стрессоров, которые усложняют задачу испытаний.

Характеристики и принцип предъявления раздражителей

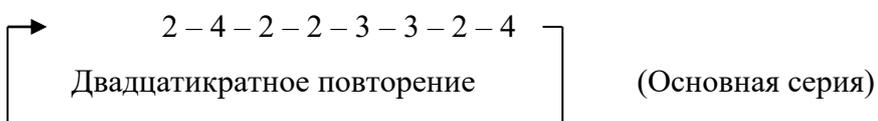
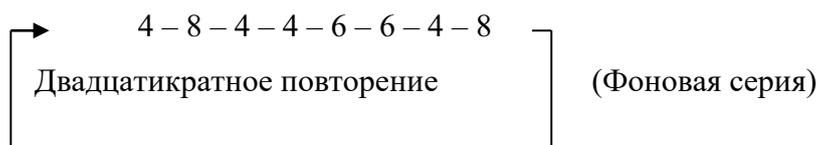
В течение каждой серии испытания подается 160 раздражителей 4-х видов. Это осуществляется автоматически с помощью электронного программного устройства.

Десятикратное повторение

Условные сокращения: O – «Табло»;
A – «Лампа»;
E – «Обрушение»;
+ - «Звук».

В программе зафиксирована также последовательность временных интервалов между соседними предъявлениями (приведены в секундах):

Приведенные последовательности представления и временные интервалы между ними не имеют никакого скрытого смысла; их выбор определен единственным требованием: максимально усложнить возможные "предсказания" исследуемым вида предлагаемых раздражителей и момент их поступления.

Продолжительность фоновой серии – 14,7 мин., основной – 7,3 мин.

Действие каждого из раздражителей прерывается горняком, если нажать соответствующую кнопку. Четыре кнопки (по числу видов раздражителей) обозначены надписями "Лампа", "Звук", "Табло", "Обрушение".

В случае пропуска раздражителя, действие последнего прекращается за 0,5 секунды до запрограммированного момента предъявления очередного раздражителя.

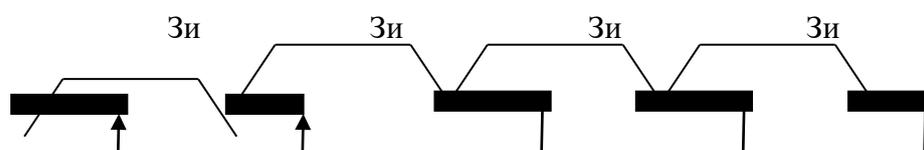

Рис.1. Графическая иллюстрация принципа подачи раздражителей.

- момент реагирования;
- действие стимула;
- запрограммированный интервал (Зи).

Для регистрации времени реагирования, определенного здесь как временной интервал между началом подачи сигнала и моментом ответа на него с помощью нажатия кнопки, используется электронный счетно-импульсный хронометр (собранный по типовой схеме). Прибор обеспечивает измерение времени в диапазоне 0,01 – 10 сек. с точностью не ниже $1 \cdot 10^{-2}$ сек. (10000 миллисекунд). Хронометр запускается в момент предъявления раздражителя и останавливается в момент нажатия кнопки, соответствующей этому типу раздражителя (в качестве кнопки использован малоинерционный конечный микровыключатель). В течение 0,5 сек. после остановки хронометра его показатели выводятся на цифropечатающее устройство, после чего хронометр автоматически возвращается в исходное положение. Отпечатанные показатели автоматически помечаются символом-идентификатором, который указывает на тип раздражителя. Хронометр может быть остановлен только с помощью кнопки, соответствующей виду предложенного в этот момент сигнала. В случае ошибочного выбора кнопки на печать выводится два условных символа-идентификатора, первый из которых соответствует виду предъявленного раздражителя, второй – номеру ошибочно выбранной кнопки.

В случае отсутствия реакции участника испытаний показатели хронометра сбрасываются за 0,5 сек. до момента поступления очередного раздражителя и вместо них печатается символ соответствующий виду пропущенного сигнала.

Аналогично осуществляется регистрация ложных реакций (нажатие кнопки при отсутствии любого сигнала).

Характеристики стрессоров

Для создания в основной серии ситуации эмоциональной напряженности использовались такие стрессоры:

- Угроза электрокожного раздражения (психический стрессор). Во время инструктажа участнику испытания сообщается, что он будет "наказан" разрядом электрического тока за недостаточно успешную деятельность (замедленная скорость

реакции на раздражители, ложный выбор кнопок, пропуск сигналов, ошибочные действия при работе на координометре). На самом деле, раздражение электрическим током применяется один раз (в момент подачи 80-го по счету раздражителя) независимо от эффективности работы испытуемого.

- Электрокожное раздражение (физический стрессор). Наносится с помощью стандартного импульсного стимулятора ICE-01. Для стандартизации субъективной силы раздражителя его интенсивность (вольтаж) подбирается индивидуально для каждого из участников испытаний (в зависимости от реобазы последнего). Поверхностные электроды закрепляются на левом предплечье. Экспозиция раздражителя – 0,5 сек.

- Дефицит времени (психический стрессор). Увеличение перцептивной нагрузки достигается через ускорение темпа поступления раздражителей. Если в исходной серии плотность сигналов (число предъявлений в единицу времени) равна 0,18 сигнала в секунду, то в основной она повышается до 0,36 сигнала в секунду.

Таблица 1

Первичные показатели, полученные в результате исследований на "Стимуле"*

Количество показателей	Показатель
Сенсомоторная сфера	
4	Среднее время реакции на раздражители каждого вида (сек.)
1	Количество ошибок, допущенных во время работы на координометре (число «недоводов», число «переводов» относительно границ индикатора).
1	Средний темп движений рукоятки координометра (число полупериодов за секунду)
Внимание	
4	Количество пропущенных (невоспринятых) раздражителей каждого вида
1	Количество неправильных выборов кнопок
1	Количество ошибочных реакций (нажатие кнопки при отсутствии какого-нибудь раздражителя)
Пневмография	
1	Средняя частота дыхательных движений
2	Средняя продолжительность фаз вдоха и выдоха
Электрокардиография	
1	Частота сердечных сокращений каждую минуту серии
2	Амплитуда зубцов Т и R
1	Продолжительность-R интервалов

* Первичные показатели вычислялись в каждой серии отдельно

Устройство и принцип действия координометра

Основная часть координометра – рычаг, способный двигаться вдоль дуги в 90 градусов. Положение рычага отражается световой точкой, которая перемещается по линейному табло в соответствии с движением рычага. Пограничные зоны на табло выделены цветом. Задача испытания заключается в перемещении рычага (в произвольном темпе) таким образом, чтобы световая точка совпадала по очереди с двумя пограничными зонами. "Недовод" и "перевод" до зон считаются ошибками и автоматически фиксируются регистратором УСЧ8-03. Во время перемещения рычага из центрального положения в ту или иную сторону преодолевается упругость двух пружин и осуществляется работа, которая примерно равна 50 дж. Число движений (полупериодов) рычага автоматически объединяется электромеханическим счетчиком в течение всей серии.

Регистрация вегетативных показателей

Для получения вегетативных индикаторов эмоционального напряжения использованы следующие методики:

Пневмография

Пневмограмма регистрируется с помощью термоанемометрического датчика собственной конструкции (в принципе, можно использовать любой аналогичный датчик). Выход – в чернильнопишущий регистратор УСЧ8-03. Время регистрации – непрерывно в течение серии.

Электрокардиография.

Электрокардиограмма записывается с помощью усилителя биопотенциалов УБП1-02 и регистратора НЗ20-5 (возможно применение других моделей регистратора и усилителя). Используются стандартные поверхностные электроды. Выбор отведений сделан в процессе предыдущих исследований. Срок регистрации – непрерывно в течение серии.

Основные показатели, полученные при работе на "Стимул", представлены в табл. 1.

Выводы:

1. Обоснование и разработка новых аппаратурных методик для моделирования работы в потенциально опасных условиях является очень актуальными для профессий региона Донбасса.
2. Установки, которые использовались ранее для изучения и моделирования работы сотрудников операторской работы не в полной мере подходят для моделирования работы рабочих подземных профессий.
3. Работа на установке "У-1" показала, что основные показатели адекватно моделируют работу шахтера в потенциально опасных ситуациях, однако эта установка требует доработки и дальнейшего усовершенствования.
4. Установка "Стимул", разработанная нами, может быть использована в исследовании психологических причин травматизма не только шахтеров, но и других профессий, связанных с повышенным риском.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

7. Безродный И.В. Исследование психологических факторов травматизма подземных горнорабочих / В.И. Безродный // Дис. канд. психол.наук; 19.00.03 – М., 1980. – 177 с.
8. Безродный В.И. Специальный экспертный опрос как метод исследования психологических причин травматизма / В.И. Безродный // Вестник ДонНУ. Сер. Д: Филология и психология. – 2018. – № 1. – С. 34–39.
9. Зильберман А.С. Причины возникновения травм и чрезвычайных ситуаций на производстве, обусловленные личностным фактором / А.С. Зильберман. – Текст // Молодой ученый. – 2021. – № 7 (349). – С. 184–186. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/349/78558/> (дата обращения: 13.08.2023).
10. Ильин Е.П. Психология риска. – СПб.: Питер, 2012. – 288с.
11. Котик М.А. Психология и безопасность. Изд. 3-е, испр. и доп / М.А. Котик. – Таллин: Валгус, 1989. – 448 с.
12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
13. Ломов Б.Ф. О системной детерминации психических явлений и поведения / Б.Ф. Ломов // Принцип системности в психологических исследованиях. – М.: Наука, 1990. – 10 с.
14. Ломов Б.Ф. О системном подходе в психологии / Б.Ф. Ломов // Вопросы психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–46.
15. Ломов Б.Ф. Психологическая служба страны / Б.Ф. Ломов // Вестник АН СССР. – 1980. – № 1. – С. 20–30.
16. Пушкин В.Н., Нерсесян Л.С. Железнодорожная психология. – "Транспорт," 1974. – 238 с.

Поступила в редакцию 20.05.2023 г.

EXPERIMENTAL EQUIPMENT FOR MODELLING WORK IN CONVENTIONAL AND POTENTIALLY HAZARDOUS CONDITIONS

V.I. Bezrodny

The article addresses experimental studies of the issues of professional safety precautions and industrial injuries. The work on the "Y-1" apparatus is described with explanations, which are based on the systemic approach principles. The results obtained in the course of the study concern two groups of miners, who got injured again and who are uninjured. Representatives of both groups did not have significant differences in profession, age, and work experience. The assumption is made that the differences in indicators can be accounted for by a less pronounced "biological caution reflex" in the group of miners, who got injured again. It is possible to plausibly explain frequent injury by a decrease in this reflex as a cause.

The new experimental apparatus "Stimul", which is designed for modelling work in conventional and potentially hazardous conditions, is described in detail. The conclusion is made that the "Stimulus" can be applied in the study of injury psychological causes of both miners, and of representatives of other high risk occupations.

Key words: modelling, readiness, vigilance, systemic approach, sensory-motor reaction, coordination meter, stressors, vegetative indicators, electrocardiography.

Безродный Владимир Иванович.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».
Доцент кафедры психологии.
E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

Bezrodny Vladimir Ivanovich.

Candidate of Psychological Sciences, associate professor.
Donetsk State University.
Associate Professor of Psychology Department.
E-mail: bezrodnuy@rambler.ru

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЦ С СЕРДЕЧНО-СОСУДИСТОЙ ПАТОЛОГИЕЙ

© 2023 С.А. Вильдгрубе, М.Ю. Рогозина
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет»

В статье представлены данные эмпирического изучения особенностей личности с сердечно-сосудистой патологией. Проанализированы данные существующих как общих, так и различных психологических особенностей у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией, а также с разными типами отношения к болезни. Представленный анализ полученных данных может стать основой для разработки эффективных методов работы в сфере оказания психологической помощи пациентам различных нозологических групп сердечно-сосудистой патологии. Полученные результаты и основные выводы исследования могут быть полезны при создании психологических программ профилактики и помощи людям с сердечно-сосудистыми заболеваниями.

Ключевые слова: личность, пациент, психологические особенности, сердечно-сосудистая патология, нозологическая группа, психокардиология.

Введение. Сердечно-сосудистые заболевания в настоящее время занимают первое место в мире как причина смертности, тяжелой инвалидности и утраты работоспособности. Среди патологий данной группы наиболее распространенными являются гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, цереброваскулярные патологии и сердечная недостаточность.

Факторами возникновения и развития сердечно-сосудистых заболеваний являются биологические (неправильное питание, гиподинамия, избыточный вес, вредные привычки), психосоциальные (стрессогенность жизни, психоэмоциональное напряжение, психоневрологическая патология, психосоматические заболевания, социальная изоляция, низкое материальное благополучие) и личностные (склонность к поведению типа А, личностные особенности типа D, перфекционизм, тревожность, вспыльчивость, подавляемая агрессия, карьеризм и другие). Различаются и личностные реакции на развитие артериальной гипертензии, перенесенный инфаркт миокарда или симптомы гипотонической болезни.

Наибольший вклад в разработку данной проблемы был сделан Ф. Александером, Л.Ф. Бурлачуком, В.А. Винокуром, Е.А. Громовой, И.Л. Гуреевой, Ю.П. Зинченко, М.Г. Киселевой, Е.Ю. Коржовой, Л.Ю. Лазаревой, Е.Л. Николаевым, И.А. Новиковой, А.Б. Смулевичем, Т.В. Юрьевой, Дж. Алленом, С.С. Педерсенем и другими.

В медицинской и психологической литературе подчеркивается чрезвычайная важность изучения факторов риска сердечно-сосудистой патологии, которое должно учитывать как условия жизни и профессиональной деятельности, так и личностные особенности заболевшего. Это необходимо для создания эффективного комплекса мероприятий по профилактике данной группы заболеваний у людей разного пола, возраста и социально-экономического положения. Важным направлением исследований также является создание программ психологической помощи пациентам при разных сердечно-сосудистых патологиях.

Проблемы психологической реабилитации занимают важное место в современной кардиологии. По-прежнему остается актуальной проблема разработки эффективных психотерапевтических подходов при сердечно-сосудистой патологии для улучшения качества жизни больных и стабилизации их соматического состояния.

Целью данной работы является выявление особенностей личности с сердечно-сосудистой патологией. **Объектом** выступает личность. **Предметом:** психологические особенности личности с сердечно-сосудистой патологией. **Гипотезы исследования:** 1. Существуют как общие, так и различные психологические особенности личности у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией. 2. Психологические особенности личности у пациентов с разными типами отношения к болезни будут различаться.

Теоретико-методологическую основу выдвинутых гипотез исследования составили: концепция внутренней картины болезни (А. Гольдштейдер, Р.А. Лурия, А.Е. Личко, В.В. Николаева, А.Ш. Тхостов), теория отношения к болезни (Л.И. Вассерман, А.Е. Личко, В.В. Николаева), основы психокardiологии (А.Б. Смулевич), принципы психосоматики и неврологии (В.Д. Менделевич, С.Л. Соловьева), современные исследования личности с сердечно-сосудистой патологией (Л.Ф. Бурлачук, В.А. Винокур, Е.А. Громова, И.Л. Гуреева, Ю.П. Зинченко, М.Г. Киселева, Е.Ю. Коржова, Л.Ю. Лазарева, Е.Л. Николаев, И.А. Новикова, Т.В. Юрьева, Дж. Аллен, С.С. Педерсен).

В данной работе были использованы следующие **методы:** теоретические – анализ, сравнение, систематизация психологических сведений по теме исследования; эмпирические методы: для сбора первичного анамнеза (образа жизни, симптомов заболевания, перенесенных медицинских вмешательств, госпитализаций, уточненного диагноза), а также социально-демографической информации об испытуемом (пол, возраст, образование, род деятельности и т.д.) применена анкета; для выявления качества жизни, связанного со здоровьем, независимо от имеющегося заболевания, половых, возрастных особенностей, методов лечения использована Методика SF-36 «Краткая форма оценки здоровья»; для психологической диагностики типов отношения к болезни – методика «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л.И. Вассермана; для диагностики типов поведения человека, уровня его общей активности и других особенностей личности применена методика диагностики типа поведенческой активности Л.И. Вассермана, Н.В. Гуменюка; для исследования индивидуально-типологических свойств – личностный опросник ИТО Л.Н. Собчик; статистические методы обработки данных (описательная статистика, критерий Краскелла-Уоллеса).

Выборку исследования составили 60 человек, имеющих подтвержденный диагноз сердечно-сосудистой патологии и находящихся на учете у специалистов кардиологического профиля Института неотложной и восстановительной хирургии им. В.К. Гусака. Распределение по полу: 48 мужчин и 12 женщин в возрасте 38-72 лет.

Основная часть. С целью объективной оценки тяжести физического состояния испытуемых мы использовали анкету для сбора медицинской и социально-демографической информации (таблица 1).

Таблица 1.

Распределение испытуемых согласно нозологическому диагнозу

№ пп	Нозологическая группа заболевания	Шифр	Кол-во испытуемых	% от общей выборки
1.	Ишемическая болезнь сердца: стенокардия, перенесенный инфаркт миокарда (ИБС)	I 20 I 21	15	25%
2.	Эссенциальная артериальная гипертензия (ЭАГ)	I 10	20	33%
3.	Цереброваскулярная патология: внутримозговое кровоизлияние, инсульт (ЦВП)	I 61 I 64	13	22%
4.	Сердечная недостаточность (СН)	I 50	12	20%

Для того, чтобы результаты исследования были достоверными, необходимо было подтвердить рандомизированность выборки – наличие испытуемых с разной объективной тяжестью физического состояния вследствие болезни. Испытуемые были разделены на четыре группы в соответствии с нозологической группой, к которой принадлежало их заболевание. В каждой группе присутствовали испытуемые как со средней степенью, так и с тяжелой степенью влияния на здоровье пациента.

Для изучения физического и психического субъективного состояния пациентов с сердечно-сосудистой патологией была использована методика SF-36 «Краткая форма оценки здоровья».

Результаты исследования по шкале «Физическое функционирование» представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Субъективная оценка пациентами своего физического функционирования

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	1	6,7	9	60	5	33,3
Эссенциальная артериальная гипертензия (n=20)	4	20	11	55	5	25
Цереброваскулярная патология (n=13)	3	23,1	7	53,8	3	23,1
Сердечная недостаточность (n=12)	2	16,7	8	66,7	2	16,6

Из полученных данных следует, что лучше всего субъективно себя чувствуют физически люди с ишемической болезнью сердца, хуже всего – с артериальной гипертензией и цереброваскулярной патологией. Субъективная оценка физического функционирования связана с тем, насколько хорошо или плохо себя чувствуют пациенты при выполнении повседневных обязанностей, требующих физического напряжения.

Результаты исследования по шкале «Рольное функционирование» представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Субъективная оценка пациентами своего рольного функционирования

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	3	20	8	53,3	4	26,7
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	4	20	12	60	4	20
Цереброваскулярная патология (n=13)	1	7,7	9	69,2	3	23,1
Сердечная недостаточность (n=12)	6	50	4	33,4	2	16,6

Лучшую субъективную оценку своему рольному функционированию дают пациенты цереброваскулярной патологией и ишемической болезнью сердца, а худшую – больные с сердечной недостаточностью. Данная шкала определяет влияние состояния здоровья человека на его функционирование в обществе (профессиональные роли, роли в повседневной жизни, роли в семейной жизни).

Результаты исследования по шкале «Боль» представлены в таблице 4.

Таблица 4.

Субъективная оценка пациентами испытываемой ими физической боли

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	2	13,3	9	60	4	26,7
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	1	5	13	65	6	30
Цереброваскулярная патология (n=13)	0	0	9	69,2	4	30,8
Сердечная недостаточность (n=12)	3	25	7	58,3	2	16,7

Субъективно меньше всего физической боли ощущают пациенты с сердечной недостаточностью и артериальной гипертензией, а больше всего – с цереброваскулярной патологией и ишемической болезнью сердца (после перенесенного инфаркта миокарда). Данная шкала показывает интенсивность боли, а также ее влияние на способность заниматься повседневной деятельностью, переносить физическое и психическое напряжение.

Результаты исследования по шкале «Общее здоровье» представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Субъективная оценка пациентами своего общего состояния здоровья

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	3	20	6	40	6	40
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	2	10	14	70	4	20
Цереброваскулярная патология (n=13)	1	7,7	6	46,15	6	46,15
Сердечная недостат. (n=12)	1	8,3	5	41,7	6	50

Из данных следует, что субъективно хуже всего оценивают свое общее состояние здоровья и перспективы лечения пациенты с ишемической болезнью сердца и артериальной гипертензией, а лучше всего – больные с сердечной недостаточностью. Данная шкала выражает общую субъективную оценку пострадавшими своего состояния здоровья в данный момент, а также перспективы лечения.

Результаты исследования по шкале «Жизнеспособность» представлены в таблице 6. Субъективно хуже всех оценивают свою жизнеспособность (наличие жизненных сил и энергии) пациенты с артериальной гипертензией, а лучше всего – больные с сердечной недостаточностью. Данная шкала определяет ощущение себя, как полных сил и энергии или, наоборот, обессиленных.

Таблица 6.

Субъективная оценка пациентами своей жизнеспособности

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	1	6,6	10	66,7	4	26,7

Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	5	25	10	50	5	25
Цереброваскулярная патология (n=13)	3	23,1	5	38,45	5	38,45
Сердечная недостат. (n=12)	1	8,3	5	41,7	6	50

Результаты исследования по шкале «Социальное функционирование» представлены в таблице 7.

Из представленных данных следует, что субъективно выше всего оценили свое социальное функционирование пациенты с сердечной недостаточностью и цереброваскулярной патологией, а ниже всего – больные с артериальной гипертензией. Данная шкала выражает социальное функционирование личности и определяет степень, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность, в том числе общение.

Таблица 7.

Субъективная оценка пациентами своего социального функционирования

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	1	6,6	9	60,1	5	33,3
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	6	30	8	40	6	30
Цереброваскулярная патология (n=13)	0	0	7	53,8	6	46,2
Сердечная недостат. (n=12)	0	0	7	58,3	5	41,7

Результаты исследования по шкале «Эмоциональное функционирование» представлены в таблице 8.

Таблица 8.

Субъективная оценка пациентами своего эмоционального функционирования

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	3	20	7	46,7	5	33,3
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	5	25	11	55	4	20
Цереброваскулярная патология (n=13)	4	30,7	3	23,1	6	46,2
Сердечная недостат. (n=12)	3	25	5	41,7	4	33,3

Субъективно выше всего оценили свои возможности эмоционального функционирования пациенты с ишемической болезнью сердца, а ниже всего – больные с артериальной гипертензией и цереброваскулярной патологией. Данная шкала определяет влияние эмоционального состояния на функционирование человека в обществе. Она предполагает оценку влияния эмоционального состояния на выполнение работы или любой повседневной деятельности (увеличение затрат времени, уменьшение объема выполненной работы, снижение качества ее выполнения).

Результаты исследования по шкале «Психологическое здоровье» представлены в таблице 9.

Таблица 9.

Субъективная оценка пациентами своего психологического здоровья

Группы испытуемых	Низкий уровень		Средний уровень		Высокий уровень	
	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки	Кол-во чел.	% выборки
Ишемическая болезнь сердца (n=15)	4	26,7	6	40	5	33,3
Эссенц.артериальная гипертензия (n=20)	3	15	13	65	4	20
Цереброваскулярная патология (n=13)	4	30,7	4	30,7	5	38,6
Сердечная недостат. (n=12)	1	8,3	6	38,4	4	33,3

Из представленных данных следует, что субъективно выше всего оценили свое психологическое здоровье пациенты с сердечной недостаточностью и артериальной гипертензией, а ниже всего – больные с цереброваскулярной патологией. Данная шкала показывает субъективную самооценку психического здоровья, настроение (наличие депрессии, тревоги, положительных эмоций).

Для изучения личностных особенностей людей с сердечно-сосудистыми заболеваниями мы использовали *личный опросник ИТО Л.Н. Собчик*. Согласно полученным данным, у лиц с ишемической болезнью сердца по шкале «Экстраверсия» гипоземотивность была выявлена у 6,7% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 33,3% (5 чел.), умеренная выраженность – у 53,3% (8 чел.), избыточная выраженность – у 6,7% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность. По шкале «Спонтанность» гипоземотивность была выявлена у 6,7% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 60% (9 чел.), умеренная выраженность – у 33,3% (5 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как непродуманность в поступках и словах, раскованное самоутверждение, наступательность, стремление к лидированию, гипертимный стиль поведения. По шкале «Агрессивность» гипоземотивность была выявлена у 6,7% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 26,6% (4 чел.), умеренная выраженность – у 53,3% (8 чел.), избыточная выраженность – 13,4% (2 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость (при нормативном показателе) и эгоцентризм, склонность к агрессивной манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, склонность к агрессивному поведению (при выраженном уровне). По шкале «Ригидность» гипоземотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 33,3% (5 чел.), умеренная выраженность – у 66,7% (10 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверия к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту. По шкале «Интроверсия» гипоземотивность была выявлена у 6,7% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 53,3% (8 чел.), умеренная выраженность – у 33,3% (5 чел.), избыточная выраженность – 6,7% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как сдержанность, замкнутость, мечтательность, склонность к фантазиям, обращенность во внутренний мир переживаний и рассуждений. По шкале «Сензитивность» гипоземотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 66,7% (10 чел.), умеренная выраженность – у 33,3% (5 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических

особенностей личности, как впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность. Выраженные показатели свидетельствуют о невротической структуре переживаний. По шкале «Тревожность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 6,7% (1 чел.), умеренная выраженность – у 66,7% (10 чел.), избыточная выраженность – 26,6% (4 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей. При умеренной выраженности показателей данной шкалы у личности наблюдается мнительность и боязливость, при выраженной – склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции. По шкале «Лабильность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 20% (3 чел.), умеренная выраженность – у 80% (12 чел.), избыточная выраженность – не выявлена. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость. При выраженных показателях у личности наблюдается демонстративность и истероидные черты.

Таким образом, у лиц с ишемической болезнью сердца преобладают следующие психологические особенности личности: эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, мнительность, склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость, устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверие к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту.

У лиц с артериальной гипертензией по шкале «Экстраверсия» гипозэмотивность была выявлена у 10% выборки (2 чел.), нормативный уровень – у 40% (8 чел.), умеренная выраженность – у 35% (7 чел.), избыточная выраженность – у 15% (3 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность. По шкале «Спонтанность» гипозэмотивность была выявлена у 5% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 70% (14 чел.), умеренная выраженность – у 25% (5 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как непродуманность в поступках и словах, раскованное самоутверждение, наступательность, стремление к лидированию, гипертимный стиль поведения. По шкале «Агрессивность» гипозэмотивность - отсутствует, нормативный уровень – у 55% (11 чел.), умеренная выраженность – у 40% (8 чел.), избыточная выраженность – 5% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость (при нормативном показателе) и эгоцентризм, склонность к агрессивной манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, склонность к агрессивному поведению (при выраженном уровне). По шкале «Ригидность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 40% (8 чел.), умеренная выраженность – у 40% (8 чел.), избыточная выраженность – у 20% (4 человека). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверия к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту. По шкале «Интроверсия» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 40% (8 чел.), умеренная выраженность – у 55% (11 чел.), избыточная выраженность – 5% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как сдержанность, замкнутость, мечтательность, склонность к фантазиям, обращенность во внутренний мир переживаний и рассуждений. По шкале «Сензитивность»

гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 50% (10 чел.), умеренная выраженность – у 50% (10 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность. Выраженные показатели свидетельствуют о невротической структуре переживаний. По шкале «Тревожность» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 10% (2 чел.), умеренная выраженность – у 75% (15 чел.), избыточная выраженность – 15% (3 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей. При умеренной выраженности – мнительность, боязливость. При выраженной – склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции. По шкале «Лабильность» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 30% (6 чел.), умеренная выраженность – у 45% (9 чел.), избыточная выраженность – у 25% (5 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость. При выраженных показателях – демонстративность и истероидные черты.

Таким образом, у лиц с артериальной гипертензией преобладают следующие психологические особенности личности: устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверия к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту, впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность, невротизированность, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость.

У лиц с цереброваскулярной патологией по шкале «Экстраверсия» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 46,2% (6 чел.), умеренная выраженность – у 46,2% (6 чел.), избыточная выраженность – у 7,6% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность. По шкале «Спонтанность» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 46,2% (6 чел.), умеренная выраженность – у 53,8% (7 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как непродуманность в поступках и словах, раскованное самоутверждение, наступательность, стремление к лидированию, гипертимный стиль поведения. По шкале «Агрессивность» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 38,6% (5 чел.), умеренная выраженность – у 53,8% (7 чел.), избыточная выраженность – 7,6% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость (при нормативном показателе) и эгоцентризм, склонность к агрессивной манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, склонность к агрессивному поведению (при выраженном уровне). По шкале «Ригидность» гипоэмотивность выявлена у 7,6% (1 чел.), нормативный уровень – у 53,8% (7 чел.), умеренная выраженность – у 38,6% (5 чел.), избыточная выраженность – не выявлена. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверия к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту. По шкале «Интроверсия» гипоэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 61,4% (8 чел.), умеренная

выраженность – у 38,6% (5 чел.), избыточная выраженность – не выявлена. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как сдержанность, замкнутость, мечтательность, склонность к фантазиям, обращенность во внутренний мир переживаний и рассуждений. По шкале «Сензитивность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 38,6% (5 чел.), умеренная выраженность – у 61,4% (8 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность. Выраженные показатели свидетельствуют о невротической структуре переживаний. По шкале «Тревожность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 15,4% (2 чел.), умеренная выраженность – у 69,2% (9 чел.), избыточная выраженность – 15,4% (2 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей. При умеренной выраженности – мнительность, боязливость. При выраженной – склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции. По шкале «Лабильность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 38,6% (5 чел.), умеренная выраженность – у 53,8% (7 чел.), избыточная выраженность – у 7,6% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость.

Таким образом, у лиц с цереброваскулярной патологией присутствуют следующие психологические особенности личности: склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость, демонстративность и истероидные черты.

У лиц с сердечной недостаточностью по шкале «Экстраверсия» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 50% (6 чел.), умеренная выраженность – у 41,7% (5 чел.), избыточная выраженность – у 8,3% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность. По шкале «Спонтанность» гипозэмотивность выявлена у 8,3% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 50% (6 чел.), умеренная выраженность – у 41,7% (5 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как непродуманность в поступках и словах, раскованное самоутверждение, наступательность, стремление к лидированию, гипертимный стиль поведения. По шкале «Агрессивность» гипозэмотивность выявлена у 8,3% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 66,7% (8 чел.), умеренная выраженность – у 25% (3 чел.), избыточная выраженность – отсутствует. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость (при нормативном показателе) и эгоцентризм, склонность к агрессивной манере самоутверждения вопреки интересам окружающих, склонность к агрессивному поведению (при выраженном уровне). По шкале «Ригидность» гипозэмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 66,7% (8 чел.), умеренная выраженность – у 33,3% (4 чел.), избыточная выраженность – не выявлена. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверия к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту. По шкале «Интроверсия» гипозэмотивность

выявлена у 8,3% выборки (1 чел.), нормативный уровень – у 50% (6 чел.), умеренная выраженность – у 41,7% (5 чел.), избыточная выраженность – не выявлена. Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как сдержанность, замкнутость, мечтательность, склонность к фантазиям, обращенность во внутренний мир переживаний и рассуждений. По шкале «Сензитивность» гипозмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 33,3% (4 чел.), умеренная выраженность – у 58,4% (7 чел.), избыточная выраженность выявлена у 8,3% выборки (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность. Выраженные показатели свидетельствуют о невротической структуре переживаний. По шкале «Тревожность» гипозмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 8,3% (1 чел.), умеренная выраженность – у 66,7% (8 чел.), избыточная выраженность – 25% (3 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей. При умеренной выраженности – мнительность, боязливость. При выраженной – склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции. По шкале «Лабильность» гипозмотивность – отсутствует, нормативный уровень – у 41,7% (5 чел.), умеренная выраженность – у 50% (6 чел.), избыточная выраженность – у 8,3% (1 чел.). Данная шкала связана с наличием таких психологических особенностей личности, как эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость.

Таким образом, у лиц с сердечной недостаточностью преобладают такие психологические особенности личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность, впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, истероидность, осторожность, ответственность, невротизация личности.

Результаты показателей по методике ИТО у испытуемых с ССЗ представлены в графической форме на рисунке 1.

Рис.1 Статистические показатели по методике ИТО у испытуемых с ССЗ

Для проверки гипотезы нашего исследования о том, что существуют как общие, так и различные психологические особенности личности у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией, мы использовали критерий Краскелла-Уоллеса

(таблица 10). В сравнении участвовали все четыре группы испытуемых по нозологическому диагнозу.

Таблица 10.

Психологические особенности личности испытуемых с ССЗ

№ пп	Особенности личности	Сравнение выборок по критерию Краскелла-Уоллеса	
		Н-эмп	Р-значение
1.	Экстраверсия	0,30	---
2.	Спонтанность	2,23	---
3.	Агрессивность	8,31	0,05
4.	Ригидность	8,11	0,05
5.	Интроверсия	1,79	---
6.	Сензитивность	8,74	0,05
7.	Тревожность	2,21	---
8.	Лабильность	2,20	---

Согласно полученным данным, у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией различаются такие особенности личности, как агрессивность ($N=8,31$; $p \leq 0,05$), ригидность ($N=8,11$; $p \leq 0,05$) и сензитивность ($N=8,74$; $p \leq 0,05$).

При этом общими для испытуемых с разными диагнозами ССЗ общими выраженными особенностями личности являются тревожность и лабильность.

Согласно результатам исследования по методике диагностика типа поведенческой активности Л.И. Вассермана, Н.В. Гуменюка по шкале «Тип поведения А» данный тип поведенческой активности преобладает у 33,3% испытуемых с ИБС (5 чел.), 20% выборки с ЭАГ (4 чел.), 15,3% выборки больных ЦВП (2 чел.) и 16,7% выборки больных СН (2 чел.). Для человека с типом поведения А характерна чрезмерная вовлеченность в работу, преувеличенная потребность в деятельности, сильное напряжение сил в процессе работы из-за борьбы за успех и лидерство, нежелание заниматься рутинными делами, трудности с концентрацией внимания. Для таких людей также характерно нетерпение в ситуациях ожидания или отсутствия активной деятельности, стремление делать быстро «скучные» дела (питание, бытовые обязанности), импульсивность и несдержанность в общении и особенно споре, конфликте. Им свойственно соперничество, стремление к лидерству и соревнованию, доминирование, амбициозность.

По шкале «Тип поведения А1» данный тип поведенческой активности преобладает у 33,3% испытуемых с ИБС (5 чел.), 30% выборки с ЭАГ (6 чел.), 38,5% выборки больных ЦВП (5 чел.) и 33,3% выборки больных СН (4 чел.). Для человека с типом поведения А1 характерна повышенная профессиональная активность, упрямство, целеустремленность, эффективность в выполняемой деятельности. Такие люди энергичны, честолюбивы, стремятся к успеху, имеют эмоционально насыщенную жизнь. Они часто чрезмерно реагируют на критику, любят похвалу. Также характеризуются неустойчивым настроением и реакцией на стресс. У них легко возникает тревожность по поводу выполняемой деятельности, поэтому они склонны перепроверять полученные результаты.

По шкале «Тип поведения АБ» данный тип поведенческой активности преобладает у 20% испытуемых с ИБС (3 чел.), 20% выборки с ЭАГ (4 чел.), 38,5% выборки больных ЦВП (5 чел.) и 16,7% выборки больных СН (2 чел.). Для человека с типом поведения АБ характерна сбалансированность профессиональной активности, умение чередовать работу и отдых, отсутствие желания соперничать. Такие люди имеют эмоциональную стабильность, хорошую стрессоустойчивость и адаптационные способности к новым ситуациям. Обычно они не стремятся доминировать, но при необходимости без колебаний становятся лидерами.

По шкале «Тип поведения Б» данный тип поведенческой активности преобладает у 13,4% испытуемых с ИБС (2 чел.), 20% выборки с ЭАГ (6 чел.), 7,7% выборки больных ЦВП (1 чел.) и 33,3% выборки больных СН (4 чел.). Для человека с типом поведения Б характерна сдержанность, рациональность. Такие люди сначала планируют свою профессиональную активность, а потом – реализуют ее. Обычно такие люди не жертвуют своим личным временем для выполнения служебных обязанностей, не работают сверхурочно ради возможности карьерного роста. Им свойственно спокойное отношение к ответственности в профессиональных делах. Они не стремятся к лидерству и соревнованию.

Для проверки гипотезы нашего исследования о том, что существуют как общие, так и различные психологические особенности личности у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией, мы использовали критерий Краскелла-Уоллеса. В сравнении участвовали все четыре группы испытуемых по нозологическому диагнозу.

Согласно полученным данным у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией типы поведенческой активности значимо не различаются. При этом в выборке больных ССЗ преобладает тип поведенческой активности А1.

Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что существуют как общие, так и различные психологические особенности личности у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией, подтвердилась эмпирическими данными.

Для изучения типа отношения к болезни испытуемых с сердечно-сосудистой патологией мы использовали методику «Тип отношения к болезни» (ТОБОЛ) Л.И. Вассермана. В целом по выборке лиц с сердечно-сосудистой патологией преобладают следующие типы отношения к болезни: эргопатический (26,7% испытуемых, 16 чел.), тревожный (25% исп., 15 чел.), анозогнозический (13,3% исп., 8 чел.), сензитивный (13,3% исп., 8 чел.)

Также в выборке присутствовали такие типы: неврастенический (8,3% исп., 5 чел.), гармоничный (3,3% исп., 2 чел.), эгоцентрический (3,3% исп., 2 чел.), дисфорический (3,3% исп., 2 чел.) и другие. Не были диагностированы такие типы, как ипохондрический и паранойяльный.

Эргопатический тип отношения к болезни преобладает у таких категорий испытуемых, как люди с ишемической болезнью сердца (40% группы, 6 чел.) и артериальной гипертензией (25% группы, 5 чел.). Эргопатический тип отношения к болезни, который также называется стеническим, характеризуется стратегией ухода от болезни в работу. Человек начинает работать даже усерднее, чем до болезни, чтобы не думать о ней и доказать самому себе и окружающим, что болезнь не серьезная. Преобладает стремление любой ценой сохранить должность и профессиональный статус. Такие люди проходят лечение и обследование избирательно, пока оно не мешает работе, могут стараться избегать брать больничный или оформлять инвалидность, о заболевании стараются не рассказывать другим людям.

Тревожный тип отношения к болезни преобладает у таких категорий испытуемых, как люди с артериальной гипертензией (30% группы, 6 чел.) и цереброваскулярной патологией (38,5% группы, 5 чел.). Данный тип отношения к болезни, который также называется тревожно-депрессивным, характеризуется постоянной тревогой и мнительностью в отношении течения заболевания, его прогноза и последствий. Могут опасаться некомпетентности врача или неправильно подобранного лечения. Часто перепроверяют диагноз у нескольких специалистов. Таких людей привлекают популярные или авторитетные врачи, новые или модные техники лечения. Из-за

чрезмерной тревоги настроение пациентов обычно подавленное, активность – снижена. Им показано психотерапевтическое сопровождение.

Анозогнозический тип отношения к болезни преобладает у таких категорий испытуемых, как люди с ишемической болезнью сердца (26,7% группы, 4 чел.) и сердечной недостаточностью (33,3% группы, 4 чел.). Данный тип отношения к болезни, который также называется эйфорическим, характеризуется стремлением не обращать внимание на заболевание, преуменьшать ее тяжесть и последствия. Люди с данным типом часто считают проявления своей болезнью случайными симптомами, отказываются от обследования, занимаются симптоматическим самолечением. Такое поведение нередко заканчивается тяжелым обострением (сердечным приступом, инфарктом и т.п.). После выписки такие пациенты нарушают режим и рекомендованный образ жизни, перестают принимать лекарства, продолжают злоупотреблять алкоголем, курить. Часто их заботит только возможность продолжать жить так же, как и до госпитализации (операции).

Сензитивный тип отношения к болезни преобладает у таких категорий испытуемых, как люди с артериальной гипертензией (25% группы, 5 чел.). Данный тип связан со страхами и опасениями человека стать недееспособным, обузой для близких. Им кажется, что теперь все будут их жалеть, относиться снисходительно или избегать по причине заболевания. У таких пациентов наблюдаются перепады настроения, чрезмерная чувствительность и уязвимость. Главное опасение – быть неполноценным из-за болезни рекомендуется корректировать при участии психолога.

Для проверки гипотезы нашего исследования о том, что психологические особенности личности у пациентов с разными типами отношения к болезни будут различаться, был использован критерий Краскелла-Уоллеса. В сравнении участвовали все четыре группы испытуемых по нозологическому диагнозу.

Были выявлены значимые различия у лиц с ССЗ с разными типами отношения к болезни по таким особенностям личности, как ригидность ($H=19,00$; $p \leq 0,05$), тревожность ($H=29,56$; $p \leq 0,05$), тип поведенческой активности ($H=27,18$; $p \leq 0,01$).

Результаты сравнения испытуемых свидетельствуют о том, что такие психологические особенности, как ригидность, тревожность и тип поведенческой активности являются решающими для типа отношения к болезни. Гипотеза подтвердилась эмпирическими данными.

Выводы. Нами было проведено эмпирическое исследование, целью которого стало выявление особенностей личности с сердечно-сосудистой патологией. Испытуемые были разделены на группы в зависимости от диагноза (нозологической группы основного заболевания): ишемическая болезнь сердца: стенокардия, перенесенный инфаркт миокарда (ИБС), эссенциальная артериальная гипертензия (ЭАГ), цереброваскулярная патология: внутримозговое кровоизлияние, инсульт (ЦВП), сердечная недостаточность (СН).

В результате исследования мы выявили, что у лиц с ишемической болезнью сердца преобладают следующие психологические особенности личности: эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, мнительность, склонность к страхам, паническим реакциям, невротические тенденции, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость, устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверие к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту. Типы поведенческой активности А и А1 преобладают при данной патологии.

У лиц с артериальной гипертензией преобладают следующие психологические особенности личности: устойчивость личности, твердость установок, педантичность, подозрительность, упрямство, недоверие к чужим взглядам и мнениям, стремление отстаивать свою правоту, впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность, невротизированность, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, в т.ч. за других людей, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость. У лиц с ЭАГ не выявлено преобладающего типа поведенческой активности.

У лиц с цереброваскулярной патологией присутствуют следующие психологические особенности личности: склонность к самоутверждению, активная самореализация, настойчивость, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, эмотивность, изменчивость настроения, эмоциональная неустойчивость, демонстративность и истероидные черты. Типы поведенческой активности АБ и А1 преобладают при данной патологии.

У лиц с сердечной недостаточностью преобладают такие психологические особенности личности, как открытость, обращенность в мир реально существующих объектов и ценностей, общительность, впечатлительность, рефлексивность, пессимистичность, сентиментальность, эмоциональность, восприимчивость, уязвимость, тревожность, осторожность, ответственность, невротизация личности. Типы поведенческой активности А1 и Б преобладают при данной патологии.

У пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией различаются такие особенности личности, как агрессивность, ригидность и сензитивность. При этом общими для испытуемых с разными диагнозами ССЗ общими выраженными особенностями личности являются тревожность и лабильность. У пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией типы поведенческой активности значимо не различаются. При этом в выборке больных ССЗ преобладает тип поведенческой активности А1. Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что существуют как общие, так и различные психологические особенности личности у пациентов с разной сердечно-сосудистой патологией, подтвердилась эмпирическими данными.

В целом по выборке лиц с сердечно-сосудистой патологией преобладают следующие типы отношения к болезни: эргопатический, тревожный, анозогнозический, сензитивный. Результаты сравнения испытуемых свидетельствуют о том, что такие психологические особенности, как ригидность, тревожность и тип поведенческой активности являются решающими для типа отношения к болезни. Гипотеза о том, что психологические особенности личности у пациентов с разными типами отношения к болезни будут различаться, подтвердилась эмпирическими данными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеенкова Е.К. Психологические факторы в развитии сердечно-сосудистых заболеваний / Е.К. Агеенкова // Психотерапия и клиническая психология. – 2002. – № 3 (5). – С. 19–23.
2. Вильдгрубе С.А. Особенности самоотношения подростков с сердечно-сосудистой патологией / С.А. Вильдгрубе, Е.В. Крамаренко // Вестник неотложной и восстановительной хирургии. – Том 4. – № 2. – 2019. – 97 с.
3. Вильдгрубе С.А. Самоотношение личности с ПТСР в условиях преодоления социального стресса / С.А. Вильдгрубе, Г.М. Фирсова // Научно-практический журнал «Военная и тактическая медицина, медицина неотложных состояний». – 2023. – № 2 (9). – С. 67–74.
4. Зубарева О.А. Взаимосвязь совладающего поведения с типами отношения к болезни у пациентов с острыми формами ишемической болезни сердца / О.А. Зубарева // Ученые записки СПбГМУ Им. Акад. И.П. Павлова. – 2014. – Том XXI. – № 4. – С. 32–35.

5. Исаева Е.Р. Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни / Е.Р. Исаева. – Санкт-Петербург: Издательство СПбГМУ, 2009. – 136 с.
6. Новикова И.А. Психологические особенности больных с сердечно-сосудистой патологией / И.А. Новикова, А.Г. Соловьев // Российский кардиологический журнал. – 2004. – № 1 (45). – С. 28–32.
7. Нуралиева Н.Ф. Депрессия и сердечно-сосудистые заболевания / Н.Ф. Нуралиева, Д.А. Напалков // Вестник РАМН. – 2014. – № 9-10. – С. 21–26.
8. Телкова И.Л. Эмоциональные, поведенческие, личностные факторы в патогенезе ишемической болезни сердца: исторические и современные аспекты с позиции кардиолога / И.Л. Телкова, А.Н. Репин // КВТиП. – 2008. – № 6. – С. 105–114.
9. Pedersen, S.S. Psychosocial perspectives in cardiovascular disease / S.S. Pedersen, R. von Känel, P. Tully, J. Denollet // Eur J Prev Cardiol. – 2017. Jun;24(3). – P. 108–115.
10. Sahoo, S. Role of Personality in Cardiovascular diseases / S. Sahoo, S. Padhy, B. Padhee // Indian Heart Journal. – 2018. – № 70. – P. 471–477.

Поступила в редакцию 20.05.2023 г.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF INDIVIDUALS WITH CARDIOVASCULAR PATHOLOGY

S.A. Wildgrube, M.Yu. Rogozina

The article deals with the results of the empirical study of individuals with cardiovascular pathology. The data on common and different psychological characteristics of patients with different cardiovascular pathologies, as well as with different types of attitude towards the disease, have been analyzed. The suggested analysis of the data obtained can become the basis for developing effective methods of psychological assistance to patients of different nosological groups of cardiovascular pathology. The results obtained and the main conclusions of the study can be applied in designing psychological programs aimed at the disease prevention and at assisting people with cardiovascular diseases.

Key words: personality, patient, psychological characteristics, cardiovascular pathology, nosological group, psychocardiology.

Вильдгрубе Светлана Александровна.

Кандидат психологических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru

Рогозина Марина Юрьевна.

Кандидат педагогических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет».

Доцент кафедры психологии.

E-mail: muysan@mail.ru

Wildgrube Svetlana Alexandrovna.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor.

Donetsk State University.

Associate Professor of Psychology Department.

E-mail: S.Vildgrube@mail.ru

Rogozina Marina Yurievna.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Donetsk State University.

Associate Professor of Psychology Department.

E-mail: muysan@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в следующих отраслях наук:

5.9. Филология:

- 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;
- 5.9.3 Теория литературы;
- 5.9.5 Русский язык. Языки народов России;
- 5.9.6 Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика;
- 5.9.9 Медиакommunikации и журналистика.

5.3. Психология:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии.

Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен выходить за пределы диапазона **7-15** страниц (от **20000** до **40000** знаков), включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (vi.terkulov@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора) статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** – шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Аннотация, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** – шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. Поля **зеркальные**: верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, слева – 30 мм, справа – 20 мм. Междустрочный интервал – одинарный.

4. Абзацный отступ – 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* – субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров – полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то строки разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи – полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полуужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полуужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом не менее 100 и не более 150 слов, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования**. **Ключевые слова:** (это словосочетание – полуужирным курсивом) (8–15 слов).

Образец оформления начала статьи:

УДК 81:112

**ИСТОРИЗМЫ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ
С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ТЕКСТОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО**

© 2021 *Т.А. Дьякова*

ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского»

В работе рассматриваются историзмы из произведений М. Матусовского, представляющие интерес как источники социокультурной информации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения этого слоя словаря писателя для адекватного восприятия культурно-исторических, социально-бытовых аспектов литературных произведений, отражающих различные периоды развития общества. В процессе исследования текстов применялись различные методы и приемы: анализ и синтез, сплошная выборка единиц определенной группы, культурологический, этимологический, исторический комментарий. Историзмы, использованные писателем, объединены для анализа в несколько групп: одежда и ее детали; приборы, технические средства; музыкальные инструменты и звуковоспроизводящие аппараты; осветительные приборы и приспособления; ткани и др. Сделаны выводы о целях использования устаревших слов. В текстах они служат для создания культурно-исторического и социально-бытового колорита, обеспечения эмоционально-экспрессивного фона повествования. Историзмы применяются как детали портретных характеристик персонажей, используются как художественные средства выразительности.

Ключевые слова: историзм, социокультурный компонент, лексема, лингвистическая реалья, культурно-исторический колорит, социально-бытовой колорит, портретная характеристика.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке

оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристражные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, – 10.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.

2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.

3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.

5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е.С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:

- название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
- через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
- через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

HISTORICISMS AS LINGUISTIC REALIAS WITH SOCIOCULTURAL COMPONENT IN WORKS BY MIKHAIL MATUSOVSKY

T.A. Diakova

The work examines historicisms from the works of M. Matusovsky as linguistic realias with a socio-cultural component. The historicisms used by the writer are classified into several groups: clothes and their parts; devices, hardware and apparatus; musical instruments and sound reproducing apparatus; lighting devices and gear; fabrics. Conclusions about the purposes of using historical lexemes are drawn. In the texts, they serve to create a cultural, historical and social atmosphere, to convey the temporal and local characteristics of the described epoch, to provide the narrative emotionally expressive background. Historicisms are used as means of character drawing and function as various tropes.

Key words: historicism, socio-cultural component, lexeme, linguistic realia, cultural and historical atmosphere, social and everyday atmosphere, portrait characteristic.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись: *Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.*

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- Ученая степень и звание (без выделения).

- Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- Должность (без выделения).
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Дьякова Татьяна Алексеевна. Кандидат филологических наук, доцент. ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского». Доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин. E-mail: diako122@rambler.ru	Diakova Tatiana Alekseevna. Candidate of Philology, Associate Professor. State Culture and Art Academy of Lugansk named after M. Matusovsky. Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines. E-mail: diako122@rambler.ru
---	--

4. Отдельными файлами после рецензирования и получения информации о приёме статьи к публикации автором подаются подписанные им Лицензионный договор и Соглашение на обработку данных.

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления»), например «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (E-mail: vi.terkulov@mail.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонГУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Коробова-Латынцева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонГУ (E-mail: v.korobova-latyntseva@mail.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2023. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технический редактор: В.С. Коробова-Латынцева

Подписано в печать 01.07.23
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 11,66.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий государственный университет»
283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.